

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

КРАСНОДАР

литературный

Июнь 2021

№ 2(4), ИЮНЬ 2021

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи просим направлять в электронном виде на адрес:

snmakarova@mail.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы публикуются в авторской
редакции.

За достоверность информации
ответственность несут авторы.

Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терёхин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Вячеслав Динека (Краснодар)

Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. Макарова-Гриценко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):

В.В. Романов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР:

Н.Ф. Скударнов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хроника</i>	3	<i>Владимир Гаврилович</i>	63
Поздравляем!	3	"Не ссорься с небесами"	
О победе молодёжного объединения "Авангард" (Анапа)		Рассказ	
<i>Людмила Мурашова</i>	3	<i>Татьяна Грибанова</i>	67
Клуб молодых литераторов		"Вешний рассвет"	
		Рассказ	
<i>Наталья Ламосова</i>	3	Поэзия	70
В литературном музее Кубани		<i>Михаил Никольский</i>	70
"Последний рыцарь русской литературы" К 85-летию Виктора Лихоносова	3	Русский	
"Семья поэта" К 80-летию Вадима Неподобы	4	<i>Лидия Железовская</i>	79
		Он ушёл... Он всё-таки ушёл...	
<i>Новые книги</i>	6	<i>Елена Машукова</i>	81
Анатолий Ильяхов. "Идиоты античного мира"	6	На рассвете снег сиреневый...	
Иван Бойко. "Село, овеянное славой"	6	Проза	85
Светлана Медведева. "Птицы"	6	<i>Лариса Довгая</i>	85
<i>Имена и даты</i>	7	"На Крестный ход"	
<i>Нелли Василюнина</i>	7	Путевые заметки	
Под колыбельную колёс... Стихи		Литература и общество	107
<i>Анатолий Ильяхов</i>	12	<i>Светлана Макарова-Гриценко</i>	107
"Посвяти себя доблести"		"Блажен, кто посетил в минуты роковые..."	
Отрывок из книги "Идиоты античного мира"		Мир без стен	111
<i>Память священника. К 80-летию окончания Великой Отечественной войны</i>	17	<i>Дильбар Хайдарова</i>	111
<i>Татьяна Штейник</i>	17	Моей дочери. Стихи	
Поэтические посвящения Ивана Вараввы		(Перевод Светланы Макаровой-Гриценко)	
<i>Иван Бойко</i>	29	Семейное чтение	113
Память людская хранит		<i>Марина Тараненко</i>	113
Проза	37	Потягушки. Стихи для детей	
<i>Людмила Бирюк</i>	37		
"Река времён"			
Исторический роман			

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Подведены итоги всероссийского конкурса на лучшее литературное объединение страны. Награждение состоялось 26 мая в подмосковных Химках на Всероссийском совещании молодых литераторов. Молодёжное литературное объединение "Авангард" (Анапа) признано лучшим в России!

Руководитель ЛИТО Ирина Иваськова по рекомендации СМЛ стала секретарём Союза писателей России! Это признание и победа "Авангарда" – результат большой творческой и общественной работы. В короткий список вошёл также Клуб молодых литераторов (Краснодар), руководитель Людмила Мурашова, недавно созданный при нашей писательской организации.

СОБИНФО

КЛУБ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

17 апреля 2021 года в литературном музее Кубани состоялась встреча Клуба молодых литераторов КРО СП России, приуроченная к празднованию Всемирного дня авиации и космонавтики, отмечаемого 12 апреля в день первого полета человека в космос, русского человека – Юрия Гагарина.

Молодые литераторы встретились, чтобы сказать друг другу, своей стране и миру, что они помнят уникальный подвиг своего соотечественника Юрия Гагарина и гордятся им. Мы помним великое прошлое своей страны и готовы созидать во имя её великого будущего. На встрече звучали стихи на космическую и на свободную тему, потому что творческий мир каждого автора – это отдельный микрокосмос.

Участники клуба также обсуждали наиболее современные направления развития искусства и литературы, в частности метамодернизм как общекультурное явление сегодняшнего дня, а также перспективы личного развития авторов в данном направлении. Сердечно благодарю молодых поэтов и прозаиков, разделивших радость встречи, гордость за достижения нашей страны и планы на продуктивное творческое будущее.

25 апреля под эгидой мирового поэтического движения "Мир без стен" в Литературном музее Кубани члены Клуба молодых литераторов КРО СП России приняли участие в международной акции "Праздник гвоздик", приуроченном к дате освобождения португальского народа от фашизма. Молодые литераторы приняли решение присоединиться к празднику, осознавая тот вклад, который внёс русский народ в освобождение многих стран от мирового зла, дабы почтить подвиг всех причастных к этому соотечественников и разделить радость тех, кто в запахе гвоздик и по сей день ощущает запах свободы, а в их алом окрасе видит цвет свободы. На встрече звучали стихи на военную и свободную тему, там же состоялось вручение экземпляров журнала "Краснодар литературный" авторам, участникам клуба, с их публикациями. Радость свободы от фашизма, где бы она ни звучала, всегда будет откликаться в русских сердцах.

Людмила Мурашова,

руководитель клуба, кандидат филологических наук,
член Международного союза писателей и мастеров искусств

В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ КУБАНИ

"Последний рыцарь русской литературы"

К 85-летию со дня рождения В.И. Лихоносова

К 85-летию выдающегося советского и российского писателя, почётного гражданина города Краснодара, Героя Труда Кубани, лауреата Государственной премии России им. М. Горького и многих литературных премий Виктора Ивановича Лихоносова, который отмечался 30 апреля, Литературный музей Кубани подготовил выставку, названную словами В.Г. Распутина – "Последний рыцарь русской литературы". Посетителям музея представлены материалы из фондов музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына и частных коллекций: фотографии В.И. Лихоносова разных лет; многочисленные из-

дания его книг, в том числе с автографами и дарственными надписями музею и его сотрудникам, кубанским писателям Н.С. Краснову и Т.П. Немчиновой; книги на иностранных языках; машинописный текст повести "Чистые глаза" с авторскими правками; копии гравюр Н.А. Устрицкой, иллюстрирующие роман писателя "Наш маленький Париж. Ненаписанные воспоминания"; литературно-исторические журналы "Родная Кубань" разных лет, основателем и главным редактором которого В.И. Лихоносов являлся с 1998 по 2017 годы; материалы Международной научно-практической конференции "Наследие В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории" и многое другое. Кроме экспонатов, рассказывающих о жизни и творчестве писателя, посетители смогут увидеть и предметы эпохи, познакомиться с историей Екатеринодара (в витринах – до-революционные открытки и фотографии, фрагменты казачьей формы XX века и иные материалы). Обращают на себя внимание и графические портреты Виктора Лихоносова и его любимого писателя Ивана Алексеевича Бунина работы И. Александрова.

Отдельная витрина посвящена постановке на сцене Краснодарского музыкального театра ТО "Премьера" музыкально-драматического спектакля "Наш маленький Париж" по роману В.И. Лихоносова, премьера которого состоялась в декабре 2017 года. Это афиша, программа, фотографии Т. Зубковой со сценами из спектакля, реквизит, переданные музею Краснодарским музыкальным театром.

В день рождения писателя добрые слова и пожелания в его адрес были сказаны заместителем министра культуры Краснодарского края Г.В. Жуковым, прозаиком Т.П. Немчиновой, представляющей Краснодарскую краевую писательскую организацию, Р.Л. Колесниковой от имени Краснодарского музыкального театра, сотрудниками Литературного музея Кубани.

"Семья поэта"

К 80-летию со дня рождения В.П. Неподобы

26 февраля исполнилось 80 лет со дня рождения известного кубанского поэта, прозаика, заслуженного работника культуры Кубани Вадима Петровича Неподобы (1941 – 2005 гг.). В числе других писателей-юбиларов 1941-го года рождения материалы В.П. Неподобы из фондов музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына и архива его супруги Елены Николаевны представлены на выставке "Рождённые в 1941-м", открывшейся в Литературном музее Кубани. Среди экспонатов – редкие семейные фотографии, поэтические сборники "Уголок земли", "Гроза над домом", "Стрежень", "Черета", "Моё пророчество", "Дорога к дому", "Горсть земли" и другие с дарственными надписями музею и друзьям – Юрию Кузнецову и Виктору Чумаченко. В числе документов, переданных на временное экспонирование супругой поэта, – школьная ведомость Вадима Неподобы, его дипломы об окончании Краснодарского педагогического института и Высших литературных курсов СП СССР, военный билет, удостоверения члена Союзов журналистов и писателей. Особого внимания заслуживают памятная и нагрудная медали в память 10-летия катастрофы на Чернобыльской АЭС за составленную и отредактированную им книгу "Подвиг кубанцев-чернобыльцев" (1996 г.), знак заслуженного работника культуры Кубани, знак звания "Духовное имя Кубани", которое в 2017 году было присвоено поэту решением общественно-государственного Экспертного совета по проведению поисково-просветительской экспедиции "Имя Кубани", посвящённой 80-летию образования Краснодарского края.

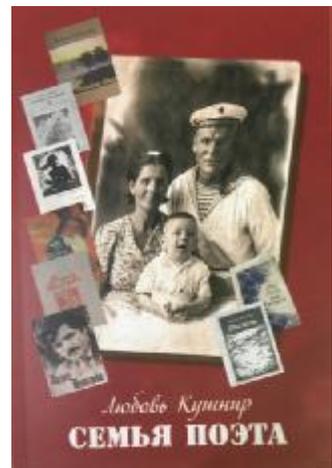
Вскоре после 80-летнего юбилея В.П. Неподобы Литературный музей Кубани посетили его сестра Любовь Кушнир, специально приехавшая в Краснодар и Белореченск, и вдова поэта.

Младшая сестра поэта Любовь Петровна Кушнир (в девичестве Неподоба) живёт в Москве. Она – единственная, кто остался в живых из этой большой семьи. Как и её брат, Вадим Неподоба, она – филолог по образованию, почти сорок лет преподававшая русский язык и литературу в школе и техникуме. Примечательно, что их родители – мама Александра Матвеевна и папа Пётр Трофимович – не имели образования, но смогли привить детям интерес к литературе, четверо из шестерых детей получили высшее филологическое образование и на всю жизнь связали себя с литературой.

Л.П. Кушнир с 2000 года начала писать прозу (рассказы, повести), которые публиковались в различных периодических изданиях. Первый сборник её рассказов "Материнская любовь" вышел из печати в 2004 году, затем были ещё две книги – "Прозрение" и "Наедине с любовью". И вот совсем новая книга "Семья поэта",

которую Любовь Петровна закончила к 80-летию Вадима Неподобы и представила в свой приезд кубанским читателям. Это биографическая повесть о большой, дружной и очень талантливой семье. Автор рассказывает о семейных ценностях и традициях, о той среде, которая сформировала будущего известного кубанского поэта. А ведь, как пишет Л.П. Кушнир, "семейное окружение – именно та почва, которая возвращает семья, укрепляет корни и стебель, помогает саженцу вырасти и расцвести пышным цветом". Книга, задуманная как рассказ о жизни брата, преобразовалась в семейную сагу, где о каждом члене семьи написана отдельная глава.

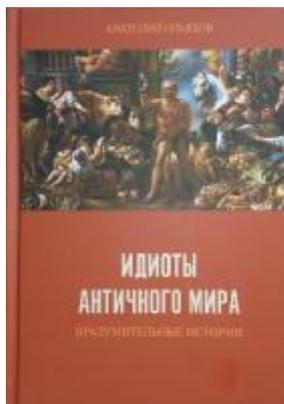
Кроме того, сестра поэта включила в книгу подборку стихов Вадима Неподобы, которые давно не переиздавались и очень востребованы любителями литературы, преподавателями предмета "Кубановедение" и почитателями его таланта. Это стихи разных лет о семье, маме, брате Юрии и сестре Любе, жене Елене, родном городе Белореченске, Великой Отечественной войне, защитниках Севастополя и другие. В книге есть и стихи-посвящения ещё одной сестры поэта, Людмилы, и собственные стихи автора, много семейных фотографий.

Сестра и супруга поэта, осмотрев выставку "Рождённые в 1941-м", сердечно поблагодарили сотрудников музея. Любовь Петровна Кушнир подарила свою новую книгу с дарственной надписью музею, а также библиотекам города Краснодара и Белореченска.

Наталья Ламосова,
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник Литературного музея Кубани

НОВЫЕ КНИГИ

"Идиоты античного мира"

Сборник рассказов Анатолия Гавриловича Ильяхова с интригующим названием "Идиоты античного мира" (ООО "Митра", Краснодар, 2020 г.) несомненно привлечёт внимание поклонников творчества популярного кубанского писателя-историка. Не следует относиться к слову "идиот" предвзято. Оно происходит от греческого слова *idiotes* – отдельный, странный, то есть, не такой, как все. Книга недаром носит подзаголовок: "Вразумительные истории". Известно, что чудаки иногда приносили человечеству больше пользы, чем те, кто всегда жил "разумно", по правилам. Многие из них обладали неординарным умом, отвагой, готовностью жертвовать собой ради своих убеждений. Такими были Гераклит, Диоген, Демокрит, Пифагор и многие другие исторические личности, о которых увлечённо и с большой любовью рассказал нам Анатолий Ильяхов.

История Новопавловки

В краснодарском издательстве "Просвещение-Юг" издана книга краеведа И.К. Бойко "Село, овеянное славой", архивные материалы, воспоминания старожилов, уникальные старинные фотографии, географические карты для которой автор собирал более 40 лет. При её подготовке использованы 150 научных источников и статей, метрические книги церквей, справочники, книги и мемуары известных в России людей, итоги переписей населения.

Живым литературным языком автор интересно рассказал об истории села Новопавловка Белоглинского района Краснодарского края, в котором жили и живут много славных людей, известных на всю нашу великую страну. Издание отличается богатыми иллюстрациями и солидным дизайном.

Эта новая книга И.К. Бойко предназначена для школьников и молодёжи. Она вызвала большой интерес у жителей села и их земляков, живущих далеко за его пределами, а также у людей, интересующихся историей Кубани.

"Птицы"

Издавна у человека к птицам особенное отношение – некая смесь восторга и зависти. Ведь, в отличие от нас, они умеют летать! В потоке трудовых дней мы редко находим свободную минутку, чтобы полюбоваться удивительными пернатыми созданиями – совершеннейшим созданием Бога. Вот почему так интересен читателям, взрослым и детям, новый стихотворный сборник известной поэтессы, прозаика и литературоведа Светланы Афанасьевны Медведевой "Птицы. Aves" (издательство "Просвещение-Юг", Краснодар, 2021 г.). В нём собраны короткие, но яркие, интересные и познавательные стихи о птицах нашей планеты. Здесь и наши скромные синички и воробышки, и экзотические фламинго, павлины, колибри... Около восьмидесяти птиц! Кажется, что со страниц книги раздаётся весёлый птичий гомон. Каждое стихотворение сопровождается красочная иллюстрация, которая притягивает взгляд, заставляя подумать: как прекрасен мир.

НЕЛЛИ ВАСИЛИНИНА

Краснодар

Для кубанских читателей поэтесса Нелли Тимофеевна Василинина стала символом женственности и душевной чистоты. Кто-то из собратьев по перу написал о ней так:

...И когда её любовь
И печаль стихами стали,
От её негромких слов
К сердцу голуби слетались.

Действительно, краткие, глубокие, исполненные любви к жизни, стихотворения Василининой трепетно и легко проникают в душу. "Край надежды", "Повелела любовь", "Неоконченный разговор", «Ещё не отцвели закаты"... Эти и другие поэтические книги Нелли Василининой хорошо знают и любят читатели. Нежность и в то же время непреклонность, верность своим убеждениям – вот что отличает её стихи, не давая им затеряться в необозримом море русской поэзии. О её произведениях тепло отзывались признанные мастера слова: Виталий Бакалдин, Иван Варавва, Кронид Обойщиков, Вадим Неподоба, Валерий Клебанов... О них и многих других поэтах и писателях, к сожалению, уже ушедших от нас, Нелли Тимофеевна с большим уважением вспоминает в своей проникновенной книге "Пора разлук". Сегодня Нелли Василинина увлечённо работает над новой книгой.

Спасибо, дорогая Нелли Тимофеевна за ваше творчество! Поздравляем вас с юбилеем, желаем неиссякаемого источника сил, бодрости и успеха во всех ваших делах!

* * *

* * *

Под колыбельную колёс
Засну на верхней полке.
Приснится долгий бег берёз,
Отставшие посёлки...
Проснусь – кубанские поля
Несут в ладонях утро.
Навстречу мне бежит земля –
Соскучилась как будто.
В низинах кое-где туман.
Уже в скирдах солома.
И вдалеке блеснул лиман...
Ну вот – я снова дома.

1983

Ветер, словно зелёный огонь,
Пробегаёт по травам.
И от облака тень,
Как ладонь,
Гладит луг и дубраву.
В песне чибиса вечный вопрос
Всё настойчивей:
"Чьи вы?"
Даль обнимет до радостных слёз,
И я стану счастливой.
И скажу я вполголоса вдруг,
Как о главном и важном,
И лесам, и полям, что вокруг:
– Я ведь ваша...
Я – ваша.

1988

Желание

Мне хочется совсем одной
 Уйти однажды утром ранним
 И городской свой непокой
 Оставить за домишком крайним.
 А где-нибудь
 В полдневный час
 В траву устало опуститься
 И вдалеке от шумных трасс
 Услышать тихий плеск пшеницы.
 Уткнуться вдруг лицом в траву,
 Как матери в подол цветастый...
 И ощутить,
 Что я живу.
 И осознать,
 Что это – счастье.

1982

* * *

Мама стареет...
 Грядёт Одиночество.
 Знаю,
 Излишни любые пророчества,
 Все мои беды –
 Ещё впереди.
 Сердце,
 Дай силы мне их перейти.
 Если не гордостью
 Или открытостью –
 Вдруг у судьбы
 Поворот будет крут –
 Сердце,
 Тогда помоги беззащитностью.
 Слабых не любят,
 Но их и не быют.

1986

* * *

Не уймётся,
 Никак не утихнет
 В душе моей дрожь,
 Оглянусь –
 И опять коридор,
 Длинный,
 Словно страдания,
 И в закатном огне
 Ты
 Знакомой походкой идёшь
 К чёрной яме двери
 В бесконечность
 Больничного здания...

1986

Разбирала я мамины вещи...

Аромат земляничного мыла,
 По словам, отгоняющий моль,
 И мучительным стал мне,
 И милым,
 Всколыхнул он в душе моей боль.

Всё раздам...
 Кроме, разве, халата.
 Там, в кармане, комочек платка,
 Что беспомощно сжала когда-то
 Бесконечно родная рука...

1986

* * *

Упаду, словно тень от креста,
 На заснеженный холм,
 И застигнет меня темнота
 Среди кладбищенских волн.

В ранних сумерках зимнего дня
 Побреду прочь одна.
 И обратно проводит меня
 Тишина...

1997

* * *

Встаёт над гулким дымным лесом
 Литого солнца полукруг.
 И долго слышен каждый звук,
 Как будто наделённый весом.

В лесу ещё полутемно.
 И новым днём живёт опушка.
 Не мне сулит года кукушка –
 Со счёта сбилась я давно.

Но вдруг поверю ей невольно,
 Что много вёсен впереди,
 И станет радостно в груди,
 Где долго было очень больно...

1987

* * *

Весна сначала не спешила,
 Но дружно грянула потом,
 Серёжки ивам распушила
 И тёплым пролилась дождём.

И за какую-то неделю
Под щебет воробьиных стай
Каштаны разом все оделись
В зелёно-белый горностаи.
И я растерянно бродила
Среди весны, что так ждала,
Искала и не находила,
И вдруг нечаянно нашла...

1984

* * *

Мы нашли друг друга –
Я и ты.
Мы себя один в другом узнали.
Нам не надо
Долгих слов признаний,
Околосердечной суеты.

Не привыкли прятать про запас
Ни слова,
Ни чувства
И ни мысли.
Наша встреча
Словно меткий выстрел –
Всё как в первый
И в последний раз.

1990

* * *

Теперь у полутьмы
Твои глаза.
Не сплю ночами –
Говорю с тобою,
Припоминаю всё,
Что ты сказал,
И сердце
Заморочено любовью.
Меня ты хоть зови,
Хоть не зови –
Я не боюсь
Безмолвья расстояний.
Я поняла,
Что сила у любви
Не от свиданий,
А от расставаний...

1989

* * *

Пусть моя любовь тебя хранит
От печалей, боли и обид,
От обмана и от суеты,
От всего,
Чего боишься ты.

А когда забудешь ты меня
На вершине завтрашнего дня,
Я шепну:
"Себя не урони.
Пусть моя любовь тебя хранит".

И потом пройдёт немало лет.
Я уйду от радостей и бед.
Но и сквозь безмолвье
Тяжких плит
Пусть моя любовь тебя хранит.

1990

* * *

Соберусь под вечер
В поле в одночасье.
Травы полевые
Буду в пальцах мять.
Распахнула сердце
Для большого счастья,
Но у счастья
Гордой оказалась стать...
Накручу на палец
Золотистый стебель –
С летом обвенчаюсь
На недолгий век.
Улыбнётся грустно
Тонкий месяц в небе.
Тоже одинокий,
Словно человек.

1987

* * *

Не обидеть хочу – пожалуйть
Материнской пречистой любовью.
Ничего, что нам поровну лет
И недавно знакомы с тобою.
Ну, зачем снова горькую пьёшь?
Снова путаешь вымыслы с явью.
Горячишься...
Куда-то зовёшь...
Лучше дай тебе шарфик поправлю.

1981

* * *

Твой холм
На краю ненасытного поля.
Две цифры "тринадцать"
В табличке подряд:
Участок – тринадцать,
Тринадцатый ряд.

Как знак,
Под которым
Прошла твоя доля...
А рядом
Натужно гремит экскаватор –
Готовит кому-то
Сырую постель.
И слышен сквозь скрежет
Вдали
Коростель.
И плачет душа
Без вины виновато.

1987

* * *

Воруют даже плитки тротуара.
Воруют у себя из-под ноги...
Домашний вор опаснее пожара,
Страшней,
Чем иноземные враги.

Не ведают,
Да и поймут едва ли
Как сами, под собою сук рубля,
Всё растащили,
Всё разворовали
И Родину украли у себя.

1993

* * *

Кто-то выбросил кошку
На свалку
И её чуть подросших котят.
Никого этим людям не жалко –
В их крови бессердечия яд.

Пожалела кошачье семейство,
Кое-как их смогла унести.
Но от смерти спасти –
Лишь полдейства.
Как от жизни
Теперь их спасти?..

2002

* * *

Калиткой скрипну старую,
Ключ поверну в замке –
Приду домой усталая
С пакетами в руке.

А тут мурлычет радио.
А тут котёнок ждёт...
И тем уже порадует,
Что у меня живёт.

В глаза посмотрит ласково,
К ноге прильнёт бочком:
"Хозяйка, ну, вытаскивай
Пакетик с молочком!"

Попьёт и замурлыкает,
Коснётся рук моих.
Хоть счастье невеликое,
Хватает – на двоих...

2007

* * *

Раньше птицей я,
Наверное,
Была...
И в мечтах
О самом сокровенном
Распахнуть хочу
Широкие крыла
И лететь
Навстречу переменам.
Осмелела в одиночестве
Душа.
Не напрасно
Мужеству училась.
И любые перемены
Не страшат –
Что пугать могло,
Уже случилось.

1996

* * *

Я встречаю всякий день
Улыбкой,
За полночь
Его стремлюсь продлить,
Чтоб мгновенья жизни
Хрупкой, зыбкой
Даже невзначай не обронить.
Не ворчу,
На жалобы не трачу
Времени, отпущенного мне.
Жизнь
Тогда чего-нибудь да значит,
Если в радость
Свет и тьма в окне...

1997

* * *

Однажды начал меркнуть свет...
Взошло спасительное Слово.
И ничего дороже нет,
Но я отдать его готова.

В поэзии я не атлант
И не ремесленник пропащий.
Бог дал негромкий мне талант,
Но, сердцем верю, – настоящий.

1997

* * *

Изысканная речь
Не совпадает с чувством.
И потому
Всегда просты мои слова.
Пусть красота цветов
Равняется с искусством,
Но мне милее их
Обычная трава.
Она пробьётся там,
Где не подняться розам.
Ей нипочём
Толпы неумимый бег.
Ей не страшны
Жара и холода угрозы.
Ей не однажды
Бог отмерил долгий век.

2003

* * *

Не люблю пустого многословья.
Не грозят мне приступы его.
В поиске живу
Средь многих слов я
Одного,
Но только моего.

Ни к чему игра словесной силой –
Не для площадей
Мой краткий стих.
Я его у сердца испросила
Для себя.
А вышло – для других...

2004

* * *

Завидовать я никогда не умела.
Завидовать –
Это чужого желать.
Всегда мне хватало
Любимого дела
И слов, чтобы петь,
И друзей, чтоб обнять.

Всегда мне хватало
И солнца,
И ветра,
Травы под ногами
И птиц в вышине.
И счастье моё неизменное –
В этом.
И радуюсь,
Что оно выпало мне.

1989

Колыбельная маме

Спи спокойно. Я не плачу.
Ты об этом так просила...
Боль в душе поглубже спрячу,
Чтоб она не голосила.

Спи спокойно – я не плачу.
Ночь в окошке стала синей.
Без тебя день новый начат.
Чтобы выжить, где взять силы?

Как суметь увидеть прежним
Всё, что видели с тобою?
Ты была такою нежной...
Я жива твоей любовью.

Спи, родная... Вот и плачу.
Может быть, слезой своею,
Самой горькой и горячей,
На заре твой сон развею...

1986

* * *

Я жива и, значит, счастлива.
Грусть и радость не делю
На враждующие части я –
Жизнь, как есть,
За всё люблю.

Иногда и безответною
Та любовь бывает к ней...
Только
С каждой горькой метою
Сердце кажется сильней.

1984

АНАТОЛИЙ ИЛЬЯХОВ

Краснодар

Уроженец Сочи, грек по матери, инженер-строитель по специальности, писатель-историк по призванию... Таков неутомимый и неподражаемый Анатолий Гаврилович Ильяхов. Он создал целую галерею романов о древней Греции и Риме, историю которых кропотливо изучал на протяжении многих лет. Темперамент Ильяхова под стать его героям. Неукротимая энергия буквально кипит в нём, грандиозные планы рождаются один за другим... Недаром собратья по перу говорят о писателе:

Как царь Филипп бываешь грозен,
Как Аристотель ты умен,
Как Александр амбициозен,
Красноречив, как Цицерон!

Книги Ильяхова, изданные в лучших издательствах страны, получили горячее признание не только рядовых читателей, но и профессиональных историков. Порой мы забываем, скольким обязаны культуре Эллады и древнего Рима... А Ильяхов напомнил нам об этом в своих интересных и познавательных тематических сборниках, словарях и романах... Он буквально заразил нас своей неподдельной любовью к античному миру, приблизил его далёкие берега... И за это мы бесконечно благодарны нашему собрату по перу. Поздравляем с юбилеем, Анатолий Гаврилович! Здоровья, счастья, новых творческих взлетов!

ПОСВЯТИ СЕБЯ ДОБЛЕСТИ
(из книги "Идиоты Античного мира")*Агис IV, царь Спарты (III в. до н.э.)*

После смерти царя Спарты Эвдамида коллегия эфоров, или "надзирающие за властью", передала престол сыновьям покойного – Агису и Леониду. Полномочия предусмотрительно разделили: Леониду, как старшему, поручили верховное командование войском – пусть водит в походы и побеждает врагов; Агису, недавно вошедшему в дееспособный возраст эфеба – восемнадцать лет, оставили управление государством. При этом эфоры имели в виду свою неременную поддержку в разрешении государственных проблем.

"Младшенького" Агиса с рождения окружали нежная любовь и обожание двух самых близких ему женщин – матери Агесистраты и бабушки Архидамии. Обе владели огромными состояниями, что давало молодому человеку возможность легкомысленно пользоваться благами аристократического круга, как поступали сверстники из богатых и знатных семей. Но, к недовольству родных, Агис увлёкся учением Диогена, после чего жизнь киников, призывающих не искать удовольствий в роскоши, чревоугодии, прочих телесных развлечениях, показалась ему образцом для подражания. Увещевания близких образумиться не помогали: юноша, "обнажив себя от всякого великолепия и пышности", вызывающе носил на людях плащ из грубого полотна и посещал городские бани в дни, когда там обычно мылся простой народ.

При восшествии на престол Агис не изменился, намеренно отдалялся от положенных царских привилегий: испытывал себя физическими лишениями, зимой ходил босиком, питался непряхотливо и порой голодал.

У молодого царя имелась ещё страсть – чтение философских книг. Из всех сочинений выбирал труды по законотворчеству, в которых находил советы по установлению такого состояния общества, "когда *цари подчиняются народу, а народ исполняет законы*". Молодому царю попал в руки "Свод

совершенных законов Ликурга", что подтолкнуло к мысли о возрождении "несправедливо забытых норм и правил поведения спартанца". Таких положений, которые помогли бы устранить в Спарте вопиющее неравенство граждан между сверхбогачами и бедняками, "что уже само по себе непременно позволит *каждому спартанцу* без сожаления отдавать *жизнь ради Отечества*". Поэтому царь Агис на первой встрече с эфорами сообщил о своих намерениях:

– Хочу восстановить обычаи предков, воспитывающие не только боевой дух спартанцев, но ещё уважение к своему народу, родине.

Агис не зря с воодушевлением принялся за осуществление мечты греческих киников. В небольшом государстве, каким являлась Спарта, непрерывные войны с соседями по Элладе стали причиной заметной убыли мужчин, способных держать в руках оружие. Нередко в отсутствие мужей женщинам приходилось создавать "отряды самообороны" для защиты родного жилища. И хотя населения в Спарте числилось более полумиллиона человек, всего двадцать тысяч называли себя "чистыми" спартиатами, из которых преимущественными гражданскими правами обладали лишь семьсот представителей древних родов. В этих семьях десятилетиями накапливались огромные состояния и земельная собственность. Мать юного царя Агиса, Агесистрата, и бабушка Архидамия относились к этому слововию! Остальные члены спартанского общества относились к негражданам, периэкам, по уровню жизни находящимся на грани разорения, нищеты. Другая и большая часть населения Спарты составляла бесправное общество рабов-илотов, или "пленённых на войне", принадлежащих одновременно государству и частным лицам.

Несмотря на небольшой жизненный опыт, Агис понимал, что социальное неравенство жителей Спарты, как и беззаконие, приведёт к недовольству простого народа, неповиновению, бунту. По этой причине обоснованно он предлагал крупным землевладельцам "поделиться" с трудолюбивыми периэками. Объяснял, что обладание земельными наделами позволит периэкам получить определённый имущественный ценз, а государству – включить эту часть общества в число полноправных граждан и – самое главное, ради чего это затевалось Агисом, – дать почётную возможность служить им в армии, что до сих пор запрещалось.

Молодой реформатор, показывая пример обществу, начал с себя. Передал в казну личные средства и землю, назначив независимую комиссию для распределения. Следующим шагом призвал друзей, знакомых и родственников "не отказываться от благоустройства общества, добиваться равенства, обрета имя и славу для Спарты". Вопреки ожиданию молодые спартанцы из знатных семей охотно пошли за Агисом, "воспринимая его призывы с увлечением, посвятив себя доблести, переменяв весь образ жизни вместе с одеждой". Агис был счастлив. Оставалось привлечь на свою сторону двух самых близких ему женщин – мать и бабушку.

Узнав о намерениях сына и внука, поначалу они пришли в изумление, признали дело невозможным и бесполезным. Неожиданно вмешался Агесилай, брат Агесистраты: убедил сестру, что нечего сомневаться, ибо Агисом руководит благородство, а не дурной умысел, поскольку служит во благо народа Спарты. Агесилай суетился не бескорыстно, он ничем не рисковал, так как успел наделать большие долги под залог собственного имущества. В этом смысле дядя не зря надеялся, что в суматохе реформ племянника ему удастся вернуть своё благосостояние.

Поступок Агесистраты и Архидамии, двух самых богатых женщин Спарты, не остался незамеченным в женском окружении. Вскоре другие жёны и бабушки в зажиточных спартанских семьях, "возвысившись духом, переменявшись в мыслях, наполнившись некоторым божественным восторгом к добру", стали отказываться от большей части имущества, земли, денег и драгоценностей. Все эти люди добровольно передавали в казну личные состояния, их число с каждым днём возрастало. И, что удивительно, они тут же осаждали царя Агиса с требованиями "ускорить действия в отношении благочестивых перемен в обществе".

* * *

Не все родовитые граждане разделяли настроения юного царя. В Спарте не забыли последствия реформ законодателя Ликурга, лишившего состояний огромное число богачей. Кто не желал исполнять законы, с теми не церемонились – выносили судебные приговоры, лишая имущества, гражданских прав и порой жизни. Этого же следовало ожидать от Агиса. Его соправителю Леониду доносили обо всём, что говорил младший брат и что намечал делать. Будто он намерен ограбить всех зажиточных спартанцев, поделив имущество между бедняками, раздать их дома бездомным, а самому – единолично править Спартой. Кто недоволен – того истребят! Леониду намекнули, что по окончании затеянных Агисом реформ брат убьёт его. И Леониду ничего не оставалось, как поддержать заговорщиков.

Верные люди докладывали Агису о кознях второго царя Спарты, но младший брат отмахивался от подобных сообщений, не желал верить. Хотя имел законные основания привлечь брата к суду за государственную измену. Агис ни с кем не желал обострений во взаимоотношениях ради грядущих социальных перемен в обществе. Наступит момент, и люди сами поймут полезность его начинаний.

Первый законопроект царя Агиса на самом деле выглядел революционным, поскольку все спартанцы признавались равными по имущественному положению. Вторым шагом в реформах стало создание Герусии – высшего законодательного органа Спарты, члены которого обязывались рассматривать законопроекты, чтобы простым голосованием принимать нужные решения. Но Леонид, страшась нововведений, как соправитель на царском престоле, убедил геронтов отвергнуть законопроект Агиса. Иначе не могло быть, ибо в Герусию оказались избранными представителями самых богатых семей; они догадывались, чем обернётся подобная инициатива Агиса.

Но молодой царь перед неудачей не отступил. Пошёл на крайние меры: призвал народ явиться на агору, городскую площадь, где сообщил, что желает Спарте всеобщего благоденствия, но мешают богачи и прежде всего царь Леонид. Агис порадовал толпу сообщением, что будет счастлив, если вместе с ними выстроит "Общество с всеобщим равенством". Простые спартанцы поддержали, после чего они услышали:

– Я передаю в общее пользование мои земли, домашний скот с пастбищами и всё остальное, что может послужить на пользу Спарте. Я дарю народу Спарты шестьсот талантов из личных сбережений – для распределения между бедняками!

Народ не остался равнодушным к его речам, радовался. А когда Агис добавил, что вместе с ним так поступают его мать и бабушка, другие родственники и большинство друзей, "возликовал неслышанно и восхищался – тому, что после трехсот лет бесправия явился царь, достойный Спарты"...

В это самое время дядя Агиса, Агесилай, будучи избранным в число пяти эфоров, привлёк к суду царя Леонида, второго племянника, – "за нарушение закона, запрещающего царям брать в жёны иноземок". Это было правдой, но лишь наполовину...

В Спарте все знали, и Леонид не скрывал факта, что по молодости женился на дочери одного из родственников царя Селевкии. Несмотря на то, что Селевкия была дружественным государством по отношению к Спарте, и подобными браками укреплялись военные союзы, суд всё равно состоялся. Эфоры под давлением Агесилая не пожелали принять во внимание, что "чужеземная" супруга Леонида родила двух детей, а сама Селевкия с некоторых пор не представляет угрозу Спарте. Предвидя нежелательный для себя исход, Леонид поспешил укрыться в храме Афины, ибо только это позволяло любому преступнику избежать уголовного преследования. Узнав об этом, эфоры проголосовали за приговор: "Леонид лишается жизни за то, что стал царём Спарты благодаря обману".

Бежать Леониду из Спарты не было возможности. Но он надеялся на изменение приговора со сменой политических настроений в обществе.

* * *

Повод ждать другого решения имелся, поскольку служебные полномочия эфоров, осудивших царя Леонида, заканчивались. Нужно было ждать.

Так и случилось. Новый состав эфоров снял с Леонида главное обвинение в государственной измене, что позволило ему выйти из-под эгиды Афины и удалиться в изгнание за пределы Спарты.

Агесилай вдогонку послал тайных убийц, но Агис, "проявив добросердечность, предупредил события, отправил своих воинов, чтобы они сопроводили беглеца до самой границы".

Агесилай прекрасно понимал, что нужно торопить события с царскими реформами, иначе он никогда не выкрутится из огромных долгов. Он убедил племянника, оставшегося в одиночестве у власти, объявить народу о сисахфии – "стряхивании долгового бремени", или прощении долгов, всех – всем". Когда должники со всей Спарты прибыли на агору, где побросали свои долговые обязательства перед кредиторами со всеми подписями в огромный костёр, Агесилай сделал то же самое и радостно произнёс:

– Никогда не видел столь блистательнейшего света, чистейшего пламени, какое вижу ныне!

После сисахфии государственная казна заметно истощилась, но это осталось без внимания Агиса. Но граждане, ранее занимавшиеся ростовщичеством под большие проценты как обычным делом, сильно пострадали; многие, то если не разорились, сильно обеднели. Они впали в уныние и перешли в лагерь ненавистников Агиса.

* * *

Поскольку в Спарте на престоле оставался один царь, а нужно было продолжать войны с врагами, Агис возглавил войско и ушёл за пределы Спарты, не успев завершить важное для себя дело – передачу земельных наделов периэкам. Народ возмутился и, разогнав действующих эфоров, избрал других, которые немедленно послали гонца к Леониду с приглашением возвратиться царём в Спарту. Поэтому, когда Агис вернулся из похода, он обнаружил Леонида на престоле, а к себе – иное отношение спартанцев. Ему грозил суд эфоров, вменявших теперь ему "нанесение вреда интересам Спарты". По примеру брата Агис поспешил укрыться от преследования в храме Афины.

Пребывание Агиса в храме могло затянуться на продолжительное время, если бы не коварство брата Леонида. От осведомителей он узнал, что Агис по ночам покидает укрытие и в сопровождении близких друзей Амфарета и Дамохорета скрытно посещает свою семью, моется в домашней бане. Леонид склонил обоих друзей на предательство не без выгоды для них: когда в очередной раз Агис ночью вышел из храма, они заломили ему руки за спину. На возмущение царя говорили ему:

– Не тревожься, Агис! Подчинись закону, а мы не сделаем тебе плохо! Эфоры велели привести тебя на их суд. Ты расскажешь им о своих царских делах и пойдёшь к себе домой. С тобой ничего плохого не случится! Мы тебя обережём, только иди спокойно, не противься нам.

– Разве вы не видите, что сейчас ночь?! Какие эфоры? Какой отчёт? – возмутился Агис.

Но Дамохорет со зловещим молчанием накинул ему на шею веревку и потащил силой.

"Друзья" препроводили Агиса в тюрьму, откуда послали раба известить царя Леонида. А он уже оповестил эфоров и членов Герусии и с ними поспешил к тюрьме, невзирая на ночное время. Они очень спешили, боялись, что Агесистрата с Архидамией поднимут за деньги достаточно людей, чтобы силой освободить Агиса.

Запыхавшиеся от быстрой ходьбы эфоры, назвавшись "судьями народа Спарты", спешно начали заседание. Не захотели признавать, что нарушают процедуру, положенную для столь чрезвычайного случая. Главное нарушение – это то, что отсутствовали свидетели защиты и судебные секретари, которые могли бы записать речи сторон – обвинения и защиты, – а так же вопросы судей и ответы обвиняемого. Не пригласили старейшину, "от имени государства наблюдающего за процессом"; в его обязанности входило наблюдение за правильностью хода процесса и применения законов. В завершение любого судебного дела он оценивал решения и выводы судебных заседателей и за нарушение мог прекратить сам процесс.

Право голоса имелось только у обвинителей:

– Агис, ты отбирал имущество у граждан Спарты для того, чтобы незаконно им распоряжаться? – строго спрашивали эфоры.

И, не дожидаясь ответа, кричали в лицо Агису:

– За твои злодеяния нет тебе оправдания!

Агис всё ещё думал, что происходящее с ним происходит в кошмарном сне. А когда до него дошла серьёзность обвинений, понял: в этом судилище ему не оправдаться, какие бы доводы ни приводил в свою защиту. Он им кричал:

– Мне не в чём оправдываться, и я не буду оправдываться перед вами в том, чего никогда не делал! Да и не судьи вы мне!

– Агис, – упорствовали эфоры, – признайся, что тебя принудил на преступления Агесилай, дядя твой. Скажи так, и мы тебя отпустим с миром!

– Никто не принуждал меня. Я – ваш царь! Я поступал так, как считал нужным, и не ради личного блага, а чтоб крепло могущество Спарты.

– Но ты имел тайные планы стать единым правителем спартанского народа, тираном! Разве не так? Поэтому возбуждал чернь, чтобы она поддержала тебя в твоём преступном стремлении!

– Если таковы мои тайные планы, как вы о них узнали? Я признаюсь только в том, что желал своему народу жизнь лучшую, чем до сих пор он имеет. Я всего лишь имел намерение привести образ правителей Спарты в соответствие со справедливыми законами *Ликурга*, о которых вы давно забыли.

– Так ты упорствуешь, не раскаиваешься в своих поступках?

– Я не раскаиваюсь в своих добрых намерениях по отношению к своему народу. А себя сейчас вижу в грязных неправосудных руках.

Время уже было далеко за полночь, когда "судьи" решили, что дальше вести процесс не имеет смысла. Полагая, что они поступают по закону, проголосовали за смертный приговор Агису через повешение, будто не царь он, а беглый раб, разбойник или пират.

Послали за палачом. Приказали привести приговор в исполнение. Но служитель *Аида*, проявляя уважение к Агису, не посмел прикоснуться к нему. Раздосадованный тем Леонид призвал стражника из тюремной охраны завершить чёрное дело.

* * *

Случайные прохожие видели, как царя Агиса вели к зданию тюрьмы. По его поведению было видно, что не добровольно. В ночном городе слух об этом распространился удивительно быстро. К тюрьме начали стекаться растревоженные непонятным происшествием жители, расспрашивая друг друга и передавая новость. Когда у стен тюрьмы собралась значительная толпа, стали смело стучать в двери, громко требуя объяснений от стражников. Увы, никто не знал правды.

Появились мать и бабушка Агиса; женщины кричали, что их сын и внук не виновен, а избранного народом царя эфоры хотят убить. А если Агис в чём виновен, пусть судит сам народ, и не тайно – открыто на площади.

Судьи слышали крики, догадывались, чем может завершиться их "процесс". Если не поторопиться, Агиса освободят.

Леонид приказал стражнику подвести царя к большому металлическому крюку, торчащему из стены. Воин накинуд верёвку, потом растерялся – не каждый день он вешал царей. Отвернулся, чтобы не смотреть на Агиса, и услышал:

– Я вижу, ты хороший человек, воин. Не переживай, ведь ты выполняешь приказ своего царя. Говорю тебе: не ты будешь виновен в моей смерти, а по вине своих убийц – брата своего Леонида, эфоров и геронтов. Я погибаю несправедливо и незаконно, но я лучше своих судей.

Сказав с печалью эти слова, Агис покорно склонил голову.

* * *

Когда убийцы убедились, что жизнь оставила тело молодого царя, Амфарет вышел на площадь перед тюрьмой. Мать Агиса, беспокоясь за сына, упала на колени, стала умолять защитить сына. Амфарет невозмутимо ответил:

– Не беспокойся, женщина, и не плачь! Я друг Агиса. Обещаю не допустить произвола. Если хочешь увидеть сына, пройди со мной.

Мать попросила, чтобы с ней зашла бабушка. Амфарет кивнул.

– Пусть заходит. Но лучше будет, если сначала она, а потом уже и ты. Бабушка, увидев мёртвого внука в петле, вскричала от ужаса, но его убийцы накинудись на неё, закрыли рот и потащили к другой виселице. Через мгновение старуха была мертва.

Войдя в помещение, Агесистрата с порога догадалась, что произошло. Не показывая убийцам своё огромное горе, мать не кричала в голос и не царапала своё лицо, не проклинала старшего сына и не просила о милосердии. Она подошла к висевшему в петле сыну, с осторожностью сняла его, положила на пол. Легла рядом и обняла холодное тело; глядя в закрытые глаза своего младшенького, тихо произнесла:

– Твоя терпимость к злобе недругов, сын мой, твоя смиренность к подлости друзей, сын мой, твоё человеколюбие к народу погубили тебя и всех нас, твоих родных и близких.

Амфарет, услышав её слова, закричал в злобе:

– Ты сама виновата в смерти этого своего сына! Ты одобряла его глупые поступки! Теперь тебе осталось отправиться вслед за ним к Аиду!

– Я согласна, – скорбно произнесла мать, – если это послужит пользе Спарты. Мне без моего сыночка, без Агиса, всё равно не жить!

* * *

Граждане, сбежавшиеся к тюрьме той ночью, не расходились до рассвета, пока служители не распахнули двери. Вынесли три тела, положив за порогом. Люди сразу умолкли, затем, потрясенные ужасным зрелищем, в скорбном молчании разошлись по домам.

В Спарте, как и во всей Элладе, не любили тиранов и цареубийц. От страха, что пришли иные времена, поначалу народ оцепенел. Но по прошествии времени страх уступил место глубокой печали и сожалению по Агису и ненависти к убийцам. Даже враги Спарты не осмеливались убить царя и в сражении, а здесь сами спартанцы учинили расправу над своим царём!

Через год после убийства Агиса народ Спарты потребовал суда над гражданами, кто посмел жестоко расправиться с ним. Царь Леонид, эфоры, геронты, Амфарет с Дамохоретом и палачи, вязавшие узлы на веревках, – все обвинялись в превышении должностных полномочий, что означало преступление против Спарты. Каждый виновный в злом умысле нашёл смерть на той самой виселице, где погиб "немного странный" молодой царь Агис.

А он был молод – прожил двадцать лет.

Примечания:

Аид – в греческой мифологии – царь подземного царства мёртвых.

Ликург (VIII в. до н.э.) – легендарный правитель Спарты, строгие законы которого действовали 800 лет.

Талант – мера веса и денег; монета весом 26,2 г серебра.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ ИВАНА ВАРАВВЫ

(Печатается в сокращении)

Изучая творчество Ивана Фёдоровича Вараввы, я обратила внимание на то, что у него много произведений с посвящениями, и меня очень заинтересовал этот факт. Кто эти люди, и почему поэт посвящал им свои стихи?

По моим подсчётам всего стихотворений с посвящениями у Вараввы около 150, а точнее – 147. Эта цифра сложилась без учёта повторных публикаций одних и тех же стихов, которые поэт печатал в разных сборниках на протяжении всей своей жизни.

Посвящения, предворяя стихотворение, определённым образом настраивают читателя. Адресат посвящения может быть хорошо известен читателю, а может – нет. Таких "неузнаваемых" посвящений у Вараввы достаточно, к примеру: "Д.С.", "Елене", "Аннушке", "Эльвире", "Галине", "Памяти Г.С.", "Карине", "Наташе". Расшифровка подобных посвящений останется для большинства читателей невыполнимой задачей. Элемент некоторой тайны, известной лишь немногим, придаёт этим посвящениям особый интимный характер. Скорее всего, мы никогда не узнаем, кому посвящены эти стихи.

Мне показалось очень значимым то обстоятельство, что посвящение на книгу в целом Варавва сделал на последних своих сборниках, которые по существу являются собраниями его сочинений. Так, в сборнике "Казачий кобзарь" (1997 г.) мы читаем: "Героической славе Кубанского казачьего войска посвящается", в сборнике "Пожары Отечества" (2001 г.) – "Светлой памяти храбрых воинов Великой Отечественной войны, павших в боях и погибших от ран, – посвящаю", а в сборнике "Кольчуга Святослава" (2006 г.) – "Воинам Победы в Великой Отечественной войне посвящаю" и слова Александра Сергеевича Пушкина: "Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие". Этими посвящениями Варавва нацелил внимание читателя на содержание книг в целом. Для него это были не пустые слова. Он придавал им очень большое значение и хотел, чтобы и мы, его читатели, прочувствовали всю глубину этих строк, чтобы мы поняли, как они важны и для него, и для нас. Он хотел видеть в каждом из нас знатока, умеющего по достоинству оценить предлагаемый нашему вниманию труд.

Сегодня я буду говорить только о тех стихах, людях, событиях, которые лично мне показались особенно интересными. Сразу оговорюсь, что здесь я не буду касаться стихов, посвящённых родственникам поэта. Это большая и очень интересная тема, требующая не только тщательного изучения творчества и биографии Ивана Фёдоровича, но и переписки, встреч, бесед с его близкими и дальними родственниками, на что потребуется довольно много времени.

Каждое стихотворение предворяет текст с повествованием о личности героя или события, которые побудили Ивана Фёдоровича к творчеству. Эта информация нужна нам для того, чтобы понять, почему Варавва посвятил именно этому человеку или коллективу свое произведение.

Начну с информации, полученной мною из статьи журналиста Вадима Широкобородова "Стихи дарил он землякам: история одной фотографии", опубликованной в староминской районной газете "Степная новь" 6 февраля 2016 года. Из этой статьи я узнала о том, что одно из первых юношеских стихотворений Вараввы "Выпускники", которое он читал на школьном выпускном вечере в 1942 году, уже было с посвящением "Лучшему другу Николаю Г. Луговскому". В своём материале Широкобородов рассказал историю появления этого стихотворения и сообщил о том, что у родственников Николая Луговского, проживающих в станице Староминской, есть этот текст. Меня очень заинтересовала эта информация, и я решила разыскать журналиста, чтобы получить более подробную информацию. Автор статьи с готовностью помог мне в дальнейших поисках, за что я ему безмерно благодарна. Не буду останавливаться на подробностях, скажу лишь, что началась интересная и почти детективная история с многодневными телефонными переговорами, поездкой в Староминскую...

И вот я держу в руках оригинал этого стихотворения. Оно написано рукой юного Ивана Вараввы обычной перьевой ручкой. На первой странице тетрадного листа в клеточку сделана ещё и приписка: "Составлено в день окончания 10 класса Старо-Минской средней школы". Под стихотворением стоит дата "31 мая 1942 года". Будущий профессиональный литератор записал его, по всей видимости, в школе и подарил своему другу.

Вот как об этом событии через много лет вспоминал одноклассник Вараввы Николай Веленгурин, в дальнейшем ставший известным литературоведом, в своей вступительной статье к сборнику Вараввы "Вишнёвый май", вышедшем в Краснодарском книжном издательстве в 1968 году: "В 1942 году, кончая десятый класс, Иван Варавва написал стихи о выпускниках. Это не очень зрелые и чу-

точку наивные стихи нас обрадовали несказанно. На пороге большой жизни мы, его товарищи, почувствовали, как нужна нам поэзия. Время было тревожное. Над станицей летали фашистские самолеты. Рвались бомбы. А по утрам ясно различались отблески далёкого зари, слышался тяжёлый гул боев под Ростовом. Один за другим уходили на фронт отцы, учителя, старшие товарищи". Варавва понимал, что это стихотворение наивное и незрелое, и поэтому не включил его ни в один сборник, а, может быть, он просто о нём забыл. И вот почти через восемьдесят лет наша библиотека стала обладательницей этого уникального, ранее не известного широкой общественности раритета, имеющего научно-историческую и литературную ценность.

Вот несколько строф из этого стихотворения:

...Здесь много есть друзей хороших,
Их не затмить любой ценой.
Леонтий, Петя и Алёша –
И первый – Коля Луговской...

Кто любит счастье и свободу,
Тот настоящий патриот.
Он всё готов отдать народу,
Готов погибнуть за народ!

Наш путь один – совместно с вами,
Нам быть с винтовкой на полях,
Где братья борются с врагами,
Где терпят гитлеровцы крах.

Жизнь вскоре подтвердила устремления 17-летнего Вараввы. С винтовкой в руках он сражался со второй половины 1942 года до окончания войны. Коля Луговской тоже отправился защищать Родину. Военской его специальностью стала зафронтная разведка. Николай весьма преуспел в школе в изучении немецкого языка, поэтому попал в особую учебную часть, где ему полностью изменили имя, фамилию и биографию. Разнообразные навыки разведчиков он постигал сутками только на немецком, знание которого оттачивалось до автоматизма. А потом 18-летнего юношу в форме рядового немецкой армии десантировали за линию фронта. Самым тяжёлым было то, что для родственников его не было в живых, они получили уведомление о том, что он пропал без вести в одном из боёв. Зато после Победы, вернувшись на короткую побывку в Староминскую, Николай предстал перед изумлённой родней живым и здоровым.

Знаменателен и тот факт, что будущий поэт случайно встретил своего лучшего друга Колю Луговского в 1945 году в столице поверженного Рейха. Говорят, что друзья вместе расписались на стенах рейхстага. Только в мае 45-го они были уже 20-летними "дедами", прошедшими через огонь и пепел войны. Не Ваня и Коля, а Иван Фёдорович и Николай Григорьевич. И кители вчерашних староминских пацанов украшали настоящие боевые награды.

В дальнейшем Луговской окончил Высшее артиллерийское училище и Военный институт иностранных языков в Москве. Помимо немецкого, овладел в совершенстве английским и персидским языками. Служил в Главном разведывательном управлении при Министерстве обороны СССР, военным атташе в дипломатических миссиях в Иране, Афганистане и ФРГ. В отставку вышел полковником. Жил в Москве. С более подробной информацией о Н.Г. Луговском можно ознакомиться на страницах газеты "Степная новь" за 21 февраля 2015 года.

В 1978 году Варавва публикует в сборнике "Цветы и звёзды" хорошо всем известное стихотворение "Солдатская юность", которое он также посвящает "Николаю Луговскому":

Завершается стихотворение такими грустно-щемлящими строками:

Юность, юность моя!
Ты прошла пол-Европы геройски,
Потому откровенно
Сегодня с тобой говорю:

Стой, армейская юность!
Закурим, давай, папироску,
Постоим, помолчим
На студёном колючем ветру.

Иван Фёдорович отправит своему другу юности сборник "Цветы и звезды" с дарственной надписью и поздравительную открытку к Новому 1979 году, в которой напишет: *"Посылаю новую книгу стихов, в ней найдёшь и стихотворение, посвящённое тебе... Дружески обнимаю. Твой И. Варавва"*. Позже, изменив название на "Тревожная юность" и незначительно отредактировав стихотворение, Варавва в сборнике "Пожары Отечества" (2001 г.) вновь разместит его теперь уже с посвящением: *"Полковнику Николаю Луговскому"*.

На протяжении многих десятилетий Варавва и Луговской поддерживали дружеские отношения. Дожив до преклонных лет, Николай решил передать на родину (своему младшему брату Ивану) некоторые свои награды, фотографии, документы, книги. Были среди этих документов и сборники Ивана Вараввы с дарственными надписями, его новогодняя открытка... А самое главное – оригинал стихотворения "Выпускники", которое Николай Григорьевич берёт на протяжении всей своей жизни, тем самым сохранив верность юношеской дружбе. Вот такая интересная история только одного посвящения.

Интересно, что Иван Фёдорович, вспоминая о факте своего выступления на выпускном вечере в мае 1942 года, много позже напишет совсем другое стихотворение под названием "Военный май" и опубликует его в сборнике "Пожары Отечества" со сноской: *"Это стихотворение было прочитано автором на выпускном вечере старшеклассников Староминской средней школы № 1 в 1942 году"*. Он ведь не мог тогда предположить, что то, школьное, стихотворение сохранилось и через много лет окажется в библиотеке его имени теперь уже как бесценный раритет.

В сборнике очерков о Варавве "Певец казачьего края", изданном в 2010 году в Краснодаре, Владимир Цапко вспоминает, как однажды на даче поэта под Горячим Ключом Иван Фёдорович сказал ему, что иногда он пытается в своих воспоминаниях описать отдельные эпизоды Великой Отечественной войны, но, видимо, основательно сделать этого уже не успеет. И выразил надежду на то, что у Владимира Фёдоровича, возможно, это получится. И стал ему рассказывать о некоторых эпизодах войны:

"Это случилось в Польше. Роту на двух грузовых машинах направили в сторону гитлеровских позиций, надеясь, что те без боя сложат оружие. Но, оказавшись на территории врага, машины попали под шквальный огонь пулемётов. Солдаты прыгали из кузова на землю и тут же падали, пытаясь спастись от свистящих над головами пуль. Я вместе со своими друзьями Сашей Мокренко и Лёшей Украинцевым забежал в небольшой лесок, и там мы залегли. Где-то, совсем рядом, стрекотали гитлеровские пулемёты и слышалась немецкая гортанная речь. Мы заметили, что в нашу сторону направляются двое гитлеровцев. Вскинув автомат, Лёша Украинцев уложил их на месте. Немцы из окопов открыли огонь. Над головами стоял сплошной свист пуль. Нельзя было оторваться от земли. Медленно, ползком мы стали продвигаться к густому лесу. На нашем пути оказался крутой обрыв, а по нарастающему сзади шуму мы поняли, что нас преследуют. Стремительно скатившись вниз, увидели перед собой небольшую речушку. Сверху прогремело несколько автоматных очередей, затем всё стихло. Видимо, решив, что с русскими покончено, гитлеровцы возвратились обратно.

– Ну, вперёд! – дал я команду, но Лёша Украинцев даже не шевельнулся. Мокренко прильнул ухом к его груди.

– Нет больше Лёшки, – глухо проговорил он и уронил голову на свои ладони...".

Вероятно, эта смерть очень потрясла Ивана Фёдоровича. Он написал стихотворение "Художник" и включил его в свой первый поэтический сборник "Ветер с Кубани", изданный в Москве в 1954 году. Это было единственное стихотворение в сборнике с посвящением. В память о своем военном друге Варавва несколько раз включал его в разные сборники с посвящением *"Светлой памяти младшего лейтенанта Алексея Украинцева"*:

Его ценили мы в полку
За тихий нрав, за ум природный,
И было любо пареньку
Служить и жить в семье пехотной.

Бывало, станем на привал –
Он краски, кисточки разложит.
Он так правдиво рисовал,
Что стал бы Репиным, быть может...

Спасибо Владимиру Фёдоровичу Цапко за то, что он выполнил просьбу своего друга и донёс до нас историю о судьбе Алексея Украинцева. А вот ещё страницы из сборника "Певец казачьего края": "Но не только в широких степях и необъятных лесах России воевал Иван Фёдорович Варавва. Он принял участие и в морских баталиях. Ранним утром 8 сентября 1944 года корабли Черноморского флота на большой скорости подходили к Бургасу и Варне. Нужно было торопиться. Гитлеровцы готовились полностью затопить свой флот. Могли быть жертвы и со стороны болгарского населения. Ещё не рассвело, когда на рейде показались тёмные силуэты немецких барж. Майор Халоб подозвал к себе командира отделения Варавву:

– Видишь, сержант, впереди фашистскую баржу? По нашим сведениям, на ней находятся военнопленные из числа болгарских антифашистов. Их могут затопить вместе с баржей. Поэтому бери сейчас с собой пятнадцать человек и на шлюпках отправляйся туда. При захвате будьте осторожны. Охрану необходимо разоружить и доставить в штаб. Мы вас постараемся надёжно прикрыть.

На двух шлюпках бойцы бесшумно подошли к качающейся на волнах барже. Пугающим чувелом она возвышалась над морской синевой в предрассветной мгле. Казалось, что там нет ни одной живой души, но их заметили. С борта вражеского судна раздался крик на русском языке:

– Стой, кто на шлюпках?!

– Русские моряки! Руки вверх! Бросай оружие, стоять на месте! – громко скомандовал Варавва.

Охрана состояла из нескольких болгарских солдат и трёх немцев. Болгары были готовы к сдаче в плен советским войскам, поэтому баржу захватили без сопротивления. Её ждала участь всего затопленного здесь немецкого флота. Но на дно она могла увлечь за собой и находившихся на её борту болгарских коммунистов, и подпольщиков из города Несебр, приговорённых гитлеровцами к смерти. Помощь подоспела вовремя. Немецких охранников передали нашему командованию, а баржу на буксире потянули к берегу.

Прошли годы. Быстротечное время до предела насыщено писательским трудом. Издаются поэтические сборники. Однажды, доставая из почтового ящика очередную корреспонденцию, Иван Фёдорович обратил внимание на телеграмму с заграничным штемпелем. В ней сообщалось, что поэт И.Ф. Варавва избран Почётным гражданином города Несебр Республики Болгария за воинский подвиг, совершённый им во время Великой Отечественной войны, в результате которого были спасены от затопления в черноморских водах видные политические деятели и бойцы Сопротивления республики.

Немало почетных званий имел замечательный поэт России и Кубани, Народный поэт Республики Адыгея Иван Фёдорович Варавва, но этим званием он гордился особенно, так как завоевано оно было в жестокой борьбе против германского фашизма в кровопролитную войну двадцатого столетия".

Немало советских моряков погибло при освобождении Болгарии. Стихотворение "Два весла" с посвящением *"Морякам Черноморского флота, погибшим в Болгарии"*, появилось в сборнике "Песня Гайды", изданном в Москве в 1973 году:

И куда вас, русские ребята,
Трудная судьбина занесла?
Над могильной вашей тесной хатой, –
Смертью перебиты два весла...

В Болгарии Варавва был четыре раза, в том числе в качестве почётного гостя на VII Международном фестивале в Бургасе, в Югославии – 2 раза. И каждый раз возвращался домой с новыми стихами. Он очень любил и хорошо знал фольклор этих братских славянских народов, много переводил с болгарского языка. О большой и искренней любви к Болгарии говорят такие его строчки: /Чтоб ты жила красива и вольна/ Испытанная братская страна/ Болгария – родная сторона/.

У Вараввы очень много стихов с посвящениями своим однополчанам и военным друзьям, героям и участникам войны: *"Герою Советского Союза, старшему краснофлотцу В.В. Ходыреву"*, *"Генералу Григорию Ивановичу Василенко"*, *"Герою Советского Союза, военному лётчику Владимиру Козлову"*, *"Однокласснице-фронтовичке Александре Емельяновне Костенко"*, *"Епистинии Фёдоровне Степановой, потерявшей девять своих сыновей в боях за Родину"* и ещё многим-многим другим. Эти стихи

ещё ждут своих исследователей. Но есть у Ивана Фёдоровича одно очень короткое, но с огромным смыслом стихотворение "Полпреды-ели" с посвящением "Памяти неизвестного солдата", которое будет здесь уместно:

Когда над ним качнулся небосвод
И руки матерей похолодели, –
В Москву с Сибирских, Северных широт,
С Кавказских гор заторопились ели.
Полпреды откровенности лесной,
Они на площадь Красную шагнули.
И с той поры, храня земной покой, –
Застыли ели в вечном карауле.

Героями произведений Вараввы были люди самых разных профессий: моряки, космонавты, артисты, врачи... У него огромное число стихов о тружениках сельского хозяйства, в том числе с посвящениями. Поэт находил своих героев на колхозном току, в тракторной бригаде, в грузовиках, перевозивших с полей урожай хлеба, на строительных площадках, в поле и питомниках. Он посвящал стихи трактористке Кате Шевченко, чемпиону пахарей Кубани; бригадиру А.Н. Мачухе; Герою Социалистического труда, земляку А.А. Кривич; председателю колхоза им. Кирова И.Н. Переверзеву и другим. Остановлюсь только на трёх стихотворениях.

В 2021 году исполняется 120 лет со дня рождения академика Павла Пантелеймоновича Лукьяненко. Его имя неразрывно связано с хлебом. Долгие годы он проработал в Краснодарской селекционной станции и Краснодарском НИИ сельского хозяйства. В середине 50-х годов прошлого столетия им был создан всемирно известный сорт озимой мягкой пшеницы Безостая-1, посевы которой занимают миллионы гектаров по всему миру: в странах Восточной Европы, в Турции, Иране, Афганистане. Нет в мире другого селекционера, который бы подарил человечеству столько прекрасных сортов пшеницы. Умер Лукьяненко в 1973 году на пшеничном поле.

Иван Фёдорович не мог не откликнуться на эту утрату, он создает стихотворение "Пшеничный батько" с посвящением "Памяти академика Павла Пантелеймоновича Лукьяненко", которое было опубликовано в сборниках И.Ф. Вараввы "Казачий шлях" (1979 г.) и "Гомон дикого поля" (2000 г.):

Умер батько средь хлебного поля,
Где родился однажды, где рос.
И о нём степное раздолье
Затужило слезинками рос...

О пшенице Варавва писал очень много стихов. Вот только одно из них – "Пшеница дружбы", которое он со временем посвятил "Вождю Республики Куба Фиделю Кастро". С этим посвящением оно появилось в сборнике "Гомон дикого поля" (2000 г.):

В братский дар кубинскому народу
От кубанской дружеской земли
Русские ребята-мореходы
Нашу "Краснодарку" привезли...

Варавва посвящал свои стихи и целым коллективам: Русскому народному хореографическому ансамблю "Берёзка"; женщинам совхоза в посёлке Красное Кущёвского района; живым и павшим в боях однополчанам, бойцам 191-го Белградского стрелкового полка; памяти жертв стихийного бедствия в посёлке Чайкино; землякам-старателям малого бизнеса; медицинским сёстрам и врачам Краснодар-

ского военного госпиталя имени профессора медицины В.К. Красовитова. Об одном из таких посвящений и пойдёт сейчас речь.

Своим появлением село Красное, как населённый пункт, обязано железнодорожной магистрали. В 1864 году была сдана в эксплуатацию Владикавказская железная дорога и открыта станция Степная. Долгое время посёлок при станции не имел названия...

После Гражданской войны местные органы приступили к созданию совхозов и государственных плодпитомников. Первым таким хозяйством на Кубани стал совхоз "Красное", основанный в 1925 году. Здесь стало развиваться промышленное садоводство и цветоводство. Особой гордостью совхоза был розарий. Алые розы Красноселья росли на даче Георгия Константиновича Жукова, красовались у стен Кремля, роскошный букет роз из совхоза "Красное" был вручён Валентине Терешковой, когда она прилетела в Москву после своего возвращения из космоса. Совхоз часто посещали многочисленные гости, в том числе и из-за рубежа: из Вьетнама, Франции, Кубы, Болгарии.

Скорее всего, Иван Фёдорович был в совхозе в 70-е годы прошлого столетия и собственными глазами видел эту красоту, иначе бы никогда не появилось чудесное стихотворение "Степные розы" с посвящением *"Женщинам совхоза в посёлке Красное Куцёвского района"*:

...Их в чистом поле привечала
Кубанской матери рука,
Что хлеб пекла,
Бельё стирала,
В поход сбирала казака.

И этой женщине, быть может,
Прижать к груди не довелось
Такой букет
Таких хороших,
Самой судьбой дарёных роз.

И потому в полях совхоза,
В веселье, в радости, в беде
Пылают бархатные
Розы,
На той, на огненной черте –

За тихим Доном, за Каялом,
Где мчались в лавах казаки
И обагрялись соком алым
Штыки
И звонкие клинки.

Впервые стихотворение было опубликовано в сборнике "Казачий шлях" в 1979 году, которое затем поэт включал в свои сборники "Песня любви" (1984 г.), "Орлиные стаи" (1985 г.). К сожалению, в сборнике "Пожары Отечества" оно опубликовано (с небольшими правками) уже без посвящения, поэт его снял. Это говорит о том, что Варавва знал: в начале 90-х годов прошлого столетия, когда в стране всё рушилось, совхоз тоже не устоял и прекратил своё существование. А розы с плантаций жители посёлка, скорее всего, спасая их, пересадили в собственные палисадники.

Персональное посвящение почти всегда отражает отношения между автором и адресатом – отношения, которые, как между любыми людьми, могут изменяться. Поэтому наличие или отсутствие посвящения в разных изданиях – факт, сам по себе имеющий немаловажное значение для характеристики литератора, его общественной и нравственной позиции, эволюции его отношений с адресатом. Впрочем, отказ от посвящения при переиздании стихотворения далеко не всегда свидетельствует о перемене его отношения к адресату. Бывают и другие причины. В этом мы с вами убедились, познакомившись с историей посвящения стихотворения "Степные розы".

Благодарю заведующую музейным сектором МУК "ДК х. Красное" Татьяну Николаевну Крылову за оказанную помощь и очень надеюсь, что информация о стихотворении Вараввы "Степные розы"

займет достойное место в музейной экспозиции и сельской библиотеке с. Красное. А может быть, откликнутся и те, кто помнит, как поэт приезжал в совхоз?

У Вараввы более 20 стихотворений с посвящениями казакам. Здесь же я остановлюсь только на нескольких, судьба героев которых меня особенно поразила. И первый рассказ будет о Вячеславе Матвеевиче Ткачёве. Он прожил удивительную, долгую жизнь, наполненную блестящими триумфами и тяжёлыми неудачами, познал радость побед и горечь утрат. Судите сами: он появился на свет в эпоху Александра III в 1885 году в станице Келермесской Кубанской области (нынешняя Адыгея), а завершил свой жизненный путь уже при Брежневле. И только при Ельцине был реабилитирован. По-смертно...

Время вернуло из забвения имя прославленного русского лётчика Вячеслава Ткачёва, первого Георгиевского кавалера среди военных лётчиков Российской империи. Первого командующего Военно-воздушным флотом в Первую мировую войну. Первого автора учебника для фронтовых лётчиков "Материал по тактике воздушного боя" (1917 г.). Первого организатора и командира авиационного подразделения Кубани – Кубанского казачьего авиационного отряда. Первого генерала в отечественной авиации.

В 1916 году он стал первым асом России (по тем временам ас – лётчик, сбивший не менее 5 вражеских самолётов). В годы Гражданской войны воевал на стороне белых, в ноябре 1920 года вынужден был эмигрировать сначала в Турцию, затем в Сербию. Когда началась Вторая мировая война, отказался сотрудничать с немцами, а когда в 1944 году к Белграду подходили советские войска, Ткачёв добровольно явился к командованию Красной Армии, не чувствуя за собой никакой вины. Он был арестован СМЕРШем, отправлен в Москву и по приговору военного трибунала осужден по ст. 58.

Отсидев в лагерях ГУЛАГа 10 лет, в феврале 1955 года был выпущен без права жительства в больших городах. Получив гражданство СССР, поселился в Краснодаре, где работал в артели инвалидов-переплётчиков за 27 рублей 60 копеек в месяц. Подрабатывал – писал заметки в газеты. Написал книги "Крылья России. Воспоминания о прошлом русской военной авиации 1910 – 1917 гг." и "Русский сокол" о своем друге – Петре Нестерове. Несмотря на все страдания, ужасы пережитого, Ткачёв не ожесточился, не озлобился, не потерял способности быть великодушным, не утратил доверия к окружающим. Он гордился тем, что достиг права жить и умереть на родной, русской земле.

Умер В.М. Ткачёв 25 марта 1965 году в нищете в Краснодаре. Тридцать лет спустя после кончины Вячеслава Матвеевича Ткачёва Родина воздала русскому лётчику по заслугам. В связи со 110-летием со дня его рождения на доме № 82 по улице Шаумяна (Рашпилевской) в Краснодаре, где он жил последние годы, в сентябре 1995 года Главнокомандующий ВВС РФ генерал-полковник авиации Пётр Дейнекин в торжественной обстановке открыл мемориальную доску.

В 1997 году в сборнике "Казачий кобзарь" Иван Фёдорович опубликовал стихотворение "На извечные круги своя", посвященное "Памяти кубанского казака, генерала Ткачёва – почётного гражданина города Парижа".

...Много бед пережил, много хлопот,
Сколько видел чужих городов!
На гранитных камнях Европы
Запекалась казацкая кровь.
Через все рубежи и пределы
Издалёка Отчизна звала.
Сиротливо в груди холодела
И в надежде счастливой была.
Ой, вы, годы – чащобные вепри...
Кто там, в диких тернах судия?
Возвращаются буйные ветры
На извечные круги своя.

Большую роль в восстановлении исторической правды в отношении нашего земляка сыграл литературно-исторический журнал "Родная Кубань", в трёх номерах которого за 2018 год (№№ 1, 3, 4) были опубликованы воспоминания В.М. Ткачёва о своём раннем детстве, о Великой (Первой мировой) войне и Гражданской войне. В 2020 году в этом же журнале (№№ 1, 2) опубликованы недавно обнаруженные в архиве "Беседы Г.Г. Степанова с В.М. Ткачёвым". В 2018 году по благословению митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора и при поддержке прихода Свято-Ильинского

храма города Краснодара был снят документальный фильм "Лётчик милостью Божьей. Ткачёв В." (сценарий Галины Дудкиной), с которым можно ознакомиться на Ютубе. Обязательно прочитайте публикации в журнале "Родная Кубань" и посмотрите замечательный и очень познавательный фильм!

А вот ещё одна удивительная история. В сборнике "Всадники выюги" (1994 г.) среди других замечательных стихотворений опубликовано "Возвращение" с посвящением "Кубанскому казаку ст. Плоской Николаю Поликарповичу Сухенко". Мне очень повезло в поисках информации об этом казаке. Огромную помощь оказали Григорий Николаевич Радзивило и его супруга Марина. Они любезно поделились информацией из книги Григория Радзивило "Станичники". Низко кланяюсь автору за тяжкий труд по восстановлению судьбы казаков, оказавшихся в эмиграции.

После распада СССР Николай Поликарпович впервые за долгие годы побывал на Родине, встретился со своей матерью и родственниками. Его, как потомка старого казачьего рода, приятно удивили те перемены, которые начали происходить в России и на Кубани в частности. Особенно он заинтересовался деятельностью Кубанского правительства по возрождению казачества, восстановлению старых и строительству новых храмов. Порадовал его интерес кубанских казаков к регалиям Кубанского казачьего войска, находящимся в Кубанском войсковом музее штата Нью-Джерси в США. Когда атаман Всекубанского казачьего войска В.П. Громов обратился с письмом в музей, чтобы рассмотреть вопрос о возвращении казачьих регалий на Кубань, им был получен отказ. Началась длительная дипломатическая переписка, можно даже сказать, борьба за их возвращение, продлившаяся более десяти лет.

Николай Поликарпович и его супруга Мария Ивановна в этой борьбе примут самое активное и непосредственное участие. Они убеждали противников возвращения регалий в том, что эти исторические реликвии нужны возрождённому на Кубани казачеству. Священник Кубанского казачьего войска протоиерей Сергей (Овчинников) и атаман В.П. Громов, посещавшие во главе Кубанской делегации Войсковой музей в Нью-Джерси, останавливались в доме Николая Поликарповича. Они вместе с членами делегации искали выходы для решения создавшейся проблемы, приглашая для разговоров казаков-эмигрантов – противников возвращения. Понемногу после таких встреч и дискуссий сторонников возвращения регалий становилось всё больше, что дало свои результаты. В августе 2006 года Верховный суд штата Нью-Джерси вынес положительное решение, по которому регалии были признаны собственностью Российского государства и Кубанского казачества. В течение пяти лет, начиная с 2007 года и заканчивая 2011 годом, коллекция регалий и реликвий Кубанского казачьего войска, состоящая из 247 предметов, была возвращена на Кубань. После реставрации она была передана на хранение в Краснодарский историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Фелицына.

Так Николай Поликарпович реабилитировался перед своей Родиной, показал, что всегда оставался верным, родным сыном отчего края, доказав это делами и поступками последних лет своей жизни. Со слов первого атамана Кубанского казачьего войска В.П. Громова в истории возвращения регалий Кубанского казачества Николай Поликарпович и его супруга сыграли одну из ключевых ролей. Скорее всего, Варавва встречался с Сухенко, который приезжал на Кубань несколько раз, знал его историю, поэтому и посвятил ему стихотворение "Возвращение":

...Бежит Кубань в степи широкой,
Полна цветения земля,
И над равниною пологой
Раскинул коршун два крыла.
Гуляет гомон по станице,
Гнедой кивает головой:
– Казак на родину явился –
Как есть целёхонький, живой!

Александр Берлизов – наш с вами современник, человек чести, человек дела, талантливый писатель и журналист, достойнейший казак, стоявший у истоков возрождения казачества на Кубани. Он родился в 1953 г. в городе Ессентуки. Когда ему было семь лет, семья переехала на Кубань. В Краснодаре он окончил школу, а в 1975 году – исторический факультет Кубанского госуниверситета. Уже в университете он был личностью известной, у многих вызывал неодобрение одним своим видом – на лекциях появлялся в казачьей справе: носил кубанку, галифе, сапоги. Свою журналистскую деятельность Александр Берлизов начинал в газете "Комсомолец Кубани" сразу после университета. Печатался в альманахе "Кубань", в краевых газетах, в сборнике научных трудов Кубанского университета.

Писал он много, вершиной его творчества стала книга "На сажень быстрее ветра". Она содержит очерки об истории лошади, о её значении в прошлом и настоящем, о спортивном коневодстве и об отношении человека к этому прекрасному животному. В 1988 году он становится членом научного кружка в КубГУ по изучению военной истории России и казачества. Позже в этом кружке появилась идея создания Кубанского военно-исторического казачьего клуба. Участники разработали Устав клуба, одним из трёх сопредседателей стал Александр. Никто из участников клуба тогда ещё не осознавал, что вскоре движение за возрождение казачества примет размах народного. Александр Берлизов, будучи романтиком и настоящим казаком в душе, вносил в работу клуба именно казачий дух. И когда в октябре 1990 года было официально создано Кубанское казачье войско, он стал одним из кандидатов на должность атамана. Но он тогда снял свою кандидатуру, чтобы не раскалывать новорождённое казачье сообщество. Позиция Александра легла в основу программы Всекубанского казачьего войска: тот казак, кто разделяет казачью идею; тот казак, кто является потомственным казаком, кто готов вложить свой ум, энергию, и, наконец, всю душу в возрождение казачества.

Когда в Приднестровье началась война, Александр Берлизов тут же решил поехать защищать Россию, ведь Приднестровье всегда было её неотъемлемой частью. Утром 31 марта 1992 года во время боя у села Кошницы Приднестровской Молдавской Республики Александр был смертельно ранен. Он упал на землю, успев сказать: "Вот и всё..."

Вот и всё... Погиб достойный сын своей Родины, казак Александр Берлизов. Ему было всего лишь 39 лет. Похороны в Краснодаре были великими: поток людей растянулся на несколько кварталов. Гроб несли братья-казаки. За гробом вели любимого коня героя.

Конь шёл, понуро опустив голову. Могилу на Всесвятском кладбище забросали цветами, через год на ней появился памятник со словами: "Он был казак и пал в бою. За нас, за Родину свою!". Посмертно Берлизов был награждён памятным крестом "За возрождение казачества".

Уже после смерти Александра Берлизова вышла его последняя книга "Дорога чести", полная интересных сведений об истории Гражданской войны. Книга, достойная своего автора, представляющая большую ценность не только для казаков и историков. Именем Александра Берлизова названы улицы в Краснодаре и Тирасполе. Ежегодно 31 марта в Краснодаре проходит турнир по армейскому рукопашному бою среди военно-патриотических клубов на Кубок памяти Александра Берлизова.

Не знаю, был ли лично знаком Иван Фёдорович с погибшим казаком, но его стихотворение "Дубоссары", посвященное "Светлой памяти Кубанского казака Александра Берлизова", произвело на меня сильнейшее впечатление:

Эх, Дубоссары, Дубоссары –
Крупница праведной земли!
Зачем разбойные пожары
Сюда станичника влекли?

Слепой истории укором
Недолго длился трудный бой,
Понурый конь идёт за гробом,
За погребальной доской...

Посвящения, как видите, могут носить сугубо личный характер, а могут указывать на исторические и культурные связи. Особенность посвящения в литературном произведении, особенно в лирическом стихотворении, заключается в том, что оно способно взаимодействовать с содержанием текста. Иногда посвящения могут проливать неожиданный свет на смысл стихотворения, особенно, если это посвящение одного писателя другому. Такое посвящение может устанавливать связь между их произведениями. Чтобы в этом убедиться, проведём параллели между творчеством Овидия, одного из самых знаменитых поэтов древнего Рима, Александра Пушкина и Ивана Вараввы.

В самом начале нашей эры, а точнее – осенью 8-го года, всеми обласканный Овидий, обладавший бесспорным поэтическим дарованием и непринуждённым стилем, блистающий остроумием и

меткостью выражения, неожиданно попадает в немилость и отправляется императором Августом в ссылку на берега Чёрного моря. Он был поселён на окраине Римской империи – в городе Томы дикой страны гетов и сарматов. Здесь он и провёл последние годы своей жизни. Сейчас это город Констанца в Румынии. Овидий оказал огромное влияние на европейскую литературу, в том числе на Александра Сергеевича Пушкина. Образ Овидия Пушкин пронёс через всё своё творчество, он возникает в нескольких его стихотворениях, в "Евгении Онегине" и поэме "Цыганы". В 1821 – 1822 годах он становится для Пушкина настоящим "властителем дум", так как в этот период пребывание Пушкина на юге в ссылке позволило ему по-новому прочувствовать судьбу Овидия и природу его творчества. Здесь он познакомился с произведениями Овидия, сочинёнными им в изгнании. Размышляя над строками Овидия, Пушкин посещал места, где бывал ссыльный поэт, в частности селение Овидиополь близ Аккермана. Там он видел остатки надгробий с латинскими надписями, там многое дышало античностью, а это делало образ римского поэта осязаемым, близким. И Пушкин, естественно, сопоставлял собственную судьбу ссыльного с участием автора "Скорбных элегий" и "Метаморфоз". В декабре 1821 года он пишет обширное стихотворение "К Овидию":

...Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принёс и пепел свой оставил...

В июне 2004 года Иван Фёдорович направил в издательство "Советская Кубань" свой новый сборник "Кольчуга Святослава", но ему уже не суждено было увидеть его в отпечатанном виде. Сборник был издан тиражом всего в одну тысячу экземпляров только в 2006 году, через год после смерти поэта. В нём впервые было опубликовано стихотворение Вараввы "Овидий" с посвящением "Памяти А.С. Пушкина", которое он написал в мае 2002 года:

...Он тронул звонкоструние рукой,
Отринул и обиды, и заботы, –
И полилась мелодия рекой,
Очаровала дикие народы.

Элегия Овидия жила,
Она грустила, плакала и пела,
В ней скифская калёная стрела
О шлемы римских цезарей звенела.

Среди курганов старых и могил –
Дружил певец с берёзовою пущей,
Цветы ему на камень положил
Другой большой поэт –
Опальный Пушкин.

Удивительная поэтическая нить связала первый, девятнадцатый, двадцать первый век и трёх поэтов – Овидия, Пушкина и Варавву. И для нас уже не важно, был ли в тех местах Иван Варавва, где были Овидий и Пушкин, прикасался ли он к античным надгробиям. Главное – он прочувствовал трагедию Овидия и Пушкина и передал нам дух и звонкоструние величайшей поэзии. Всё в этом мире взаимосвязано. Время – неразрывная цепь, дёрни за один конец – отзовется на другом.

Такую же тесную связь можно проследить между стихами Вараввы и другого великого русского поэта – Михаила Лермонтова. Мы все знаем, что Варавва очень любил Лермонтова, досконально знал его творчество. Он неоднократно бывал на месте его гибели и в его домике в Пятигорске, в лермонтовском музее на Тамани... На известных нам фотографиях Вараввы можно увидеть портрет Лермонтова на книжных полках, на рабочем столе, неоднократно в сборниках разных лет появлялись стихи Ивана Фёдоровича о Лермонтове. Так, в сборнике "Вишнёвый май", изданном в Краснодаре в 1968 году, опубликовано стихотворение "Он был певец свободы гордой", а в сборнике "Казачий кобзарь" (1997г.) – стихотворение "Сокол из Шотландии". Автор предваряет его авторскими словами как посвящением "Вторую осень приезжаю на празднество памяти Михаила Лермонтова и вижу в небе над головой неизменно парящего сокола...". В этом стихотворении есть такие строки: /Безвестный по-

томок, неведомый друг!./ Не верю я смертной купели, /Что гений убит под горою Машук –/ Прострелена грудь на дуэли./

В сборнике "Гомон дикого поля" Варавва дважды публикует стихи о Лермонтове: сначала в лирико-эпическом мадригале "Цветы и звёзды" в стихотворении "Кавказ и Лермонтов" поэт напишет о своём собрате, что тот /... Душой влюбился в степь Тмутаракани/ В мою кордонно-конную Кубань/ и что /... Ещё беда поэту не грозит, /Но пуля уж свинцовая отлита/ Та, что на Машуке его сразит./ Затем в разделе "Кавказ Прометей" в стихотворении "Песнь пяти гор" Варавва передает свои волнующие впечатления о местах, где когда-то ступала нога великого русского поэта и грезит о встрече с любимым поэтом: /Я, вдоволь помаячив у Провала, /Сойду на миг в пустынный скальный грот. /Сюда, тропой спустившись с перевала, /Поэт Михайло Лермонтов придёт./ И, наконец, в сборнике "Кольчуга Святослава" опубликовано стихотворение "Огни печальных деревень" с посвящением "*Поручику Михаилу Лермонтову*". Это значительно переработанное стихотворение из сборника "Вишнёвый май" с новым названием. В этом стихотворении он связывает свою судьбу и своё творчество с судьбой любимого поэта:

В космагой бурке, в шапке чёрной,
С черкесской шашкой на боку, –
Он был гонец свободы гордой
Кунак кавказцу-казаку.
Кружилась чайка над осокой,
Курилась пыль над большаком,
Он славил "Парус одинокий –
В тумане моря голубом...".
И в горький час, и в миг счастливый
С его клинка лунала звень,
Уйдя в "желтеющую ниву,
Огни печальных деревень"

...Крушились громы, ливень лил.
Поэт "немытую Россию"
Своею кровью окропил.
И я иду по белу свету
И песню мужеству пою,
Иду-бреду...
И нету следа
И упоения в бою.

Кроме Пушкина и Лермонтова, свои стихи поэт посвящал писателям и поэтам: Сергею Есенину, Михаилу Шолохову, Александру Твардовскому, Михаилу Исаковскому, Майе Ганиной, писателям Адыгеи Исааку Машбашу и Аскеру Гадагатлю, Народному поэту Дагестана Расулу Гамзатову, великому поэту Осетии Коста Хетагурову, Народному поэту Республики Калмыкия Давиду Кугультинову, кубанским писателям Ивану Дроздову, Виктору Лихоносову, своим однокурсникам из Болгарии Димитру Методиеву и Лиляне Стефановой, писателю-однотаничнику станицы Староминской Фёдору Ивановичу Горбу и другим собратям по перу.

В последние годы жизни Иван Фёдорович часто болел, лечился в краевой больнице и военном госпитале. Здесь он создал большие циклы стихов, объединённые общим названием. Цикл "Больничная тетрадь" состоит из 11 стихотворений и "*Посвящается профессору В.И. Оноприеву*". Вот строки из стихотворения "Старая рана", которое Варавва впервые опубликовал в сборнике "Вишнёвый май" еще в 1968 году:

Снова старая рана открылась, –
До рассвета я глаз не смыкал.
А как в небе заря засветилась,
Без сознания к хирургу попал.

Стойте, доктор, меня не вяжите:
Я не буду стонать и кричать!
Если надобно что, – прикажите,
Будет больно – сумею молчать.

Я считался бойцом терпеливым, –
На войне не всегда нам везло,
И железо с лиловым отливом
Под рубашкою тело секло...

После последнего стихотворения автор указал дату и место своего пребывания: февраль 2003, Краевая больница им. профессора С.В. Очаповского, палата 405.

Через полтора года он напишет ещё один цикл стихов "Госпитальные ели" из 12 стихотворений, которые предварит такой надписью: "*Медицинским сёстрам и врачам Краснодарского военного госпиталя имени Красовитова посвящаю*". В этом цикле ярко проявляется человеческое "я" автора, в стихах он передаёт собственные знания, опыт, наблюдения над жизнью и его отношение к адресатам посвящения. Очень интересно читать эти наблюдения перед разными стихотворениями, например такие: "*...В госпитальном саду ныне уродили орехи*", "*...А уходил он из жизни спокойно, на лице – доброта и мужество. Умирая, сказал: "Ну что же, доктор? Открыть кингстоны?.."*", "*...В саду и под окнами госпиталя растут вековые ели. На их высоте рубинятся кисти вьющегося винограда. А чуть в стороне – группа молодых ёлок*". Из этого цикла тоже только одно стихотворение "Врачи":

Дежурные медсёстры и врачи,
Отверженные люди золотые!
В тревожный век у вас в руках ключи
От стойкости и мужества России.
Несёте ношу трудную свою,
Идёте на решение любое, –
Сгорая добрым сердцем, как в бою,
И в медсанбате тыльном после боя.
Бессменные врачи и доктора –
Седеющие люди молодые!..
Забудется военная пора,
Утешатся атаки штыковые.

И опять поэт указывает время и место своего пребывания: "Сентябрь 2004. Военный госпиталь". Варавва даже не мог предположить, насколько верным и актуальным будет приведённое здесь стихотворение через 15 лет после его ухода из жизни. Теперь, в период пандемии, все поняли, как важен труд врачей и медсестёр в мирное время. А Иван Фёдорович это понимал всегда, потому что он Поэт и нового наступившего века. Звёздный сын Отечества!..

О творчестве Ивана Вараввы можно говорить бесконечно, в его поэзии так много ещё интересных тем, героев, событий, столько размышлений о судьбе России и Кубани. Его стихи с годами не устаревают, а, наоборот, приобретают современное звучание, раскрываются новыми гранями. Смело могу сказать – чем больше погружаешься в поэзию Вараввы, тем больше она тебя завораживает и уже не отпускает.

Обращаюсь к литературоведам, преподавателям-филологам, журналистам, писателям, библиотекарям с призывом: "Коллеги, обратите своё внимание на творчество этого уникального, неповторимого казачьего поэта, неутомимого собирателя и пропагандиста устного народного творчества, казачьих народных песен! Напишите свои исследования, статьи, эссе...". Это наша с вами задача – донести наследие истинного патриота России и Кубани Ивана Вараввы до читателей. Ведь всего через четыре года мы будем отмечать столетие со дня его рождения.

Татьяна Штейник,
ведущий методист Краснодарской
краевой юношеской библиотеки
имени И.Ф. Вараввы

ПАМЯТЬ ЛЮДСКАЯ ХРАНИТ

Время летит быстро. Сегодня не осталось в живых ни одного подпольщика. В память о них дети и внуки хранят лишь их воспоминания, награды. Мало осталось и живых свидетелей оккупации фашистами Кубани. Только некоторые из них успели поделиться своими воспоминаниями о том тяжёлом для района периоде истории. Я собрал их и без правки решил донести до молодых читателей, которым, возможно, и некому уже рассказать о зверствах фашистов на территории Новопокровского и соседних с ним районов района.

Летели бомбы на станицу

В воспоминаниях местного историка, краеведа В.У. Самохвалова, имеющих в Новопокровском районном музее о периоде оккупации сообщается так: *"Накануне вступления немецких войск в станицу, гитлеровская авиация весь день делала облёт и беспорядочно сбрасывала бомбы на станицу и железнодорожный вокзал станции Ея. От бомбёжки пострадало несколько станичников, среди них были убитые и раненые. С вечера и всю ночь непрерывно гремели взрывы. Подрывники взрывали железнодорожные мосты и путевое оборудование на станции Ея. Тогда же был взорван элеватор и ремонтно-тракторные мастерские Еянской МТС.*

Станица Новопокровская была оккупирована 2 августа 1942 года. Для многих её жителей это была смертельная катастрофа. Оккупировав Кубань, гитлеровцы надеялись в лице казаков найти союзников. Именно поэтому они стали применять политику "заигрывания". Но новый режим приняла ничтожная часть населения: раскулаченные кулаки, сыновья атамана, уголовные преступники, предатели, дезертиры. Весь этот сброд стал опорой гитлеровцев в проведении жёсткого режима "нового порядка" в станице. В станице сразу же появились новоявленные господа: староста, полиция, жандармы и другие прислужники. Станичники помнят их хорошо. Они помнят бывших белогвардейцев, кулаков и торговцев, обивавших пороги гестапо со своими доносами на коммунистов, комсомольцев, советских активистов и их семьи.

Ими же был сделан донос на подростка Ваню Масалькина. Немцы в его мальчишечьем хозяйстве среди болтов и железок нашли гранату. Это послужило причиной обвинения Масалькина в том, что "есть партизан". Пионер Ваня Масалькин был казнён и закопан недалеко от пожарной вышки. Это была первая казнь в станице, а по обыкновению фашисты расстреливали в селе Белая Глина. Противотанковый ров, тот который недалеко от станицы Новопокровской был заполнен трупами евреев, коммунистов, комсомольцев. Вторая половина рва предназначалась для членов их семей. Списки на них составлялись в гестапо, но фашисты не спешили с массовой казнью, откладывая её до подходящего момента, а может быть, к счастью обречённых, для гитлеровцев не было повода для её начала. Население станицы было напугано угрожающими приказами, распоряжениями, расклеенными гестапо везде и всюду, в которых за малейшее неповиновение немецким властям грозила смертная казнь. За посягательство на жизнь немецкого солдата или офицера грозило расстрелом 50-100 заложников. Существует маловероятная версия о том, что якобы списки на членов семей коммунистов были похищены неким полицаем, служившим в гестапо по заданию подпольного райкома партии. Но вероятнее всего немцам было не до них в связи с разгромом их армии под Сталинградом".

Стреляли в женщин и детей

Из воспоминаний Николая Алексеевича Маслова, 1938 г. р., который проживал в станице Новопокровской Краснодарского края, ул. Пушкина, 72.

"Я был совсем маленьким, когда немцы захватили станицу. Наша семья жила недалеко от дороги на Белую Глину, за садом. Когда пришли немцы, они сразу же выгнали всех из домов. Взрослым пришлось копать землянки. Там мы и жили. Однажды всех жителей улицы согнали к началу Будёновской посадки. Через время подъехали два автомобиля и из них вышли много евреев. В основном были женщины и человек шесть детей, чуть старше меня. Их поставили у специально вырытой ямы и начали стрелять. Мне стало страшно, я закрыл глаза и отвернулся. Помню до сих пор молодую еврейку Розу. Ей было лет 15-17. Она у нас дома жила до прихода фашистов. А когда они захватили станицу, её сразу же увели. Она просила нас, чтобы мы её спасли. Но никто не мог помочь ей. Люди

боялись фрицев. Почти все расстрелянные евреи были местные. Откуда они у нас появились, я не знаю. Но три женщины и один мужчина точно в станице жили. После войны моя мама Мария Павловна с другими женщинами ухаживали за могилой. А как она умерла, об этой могиле забыли. Я как-то показывал это место тогдашнему парторгу нашего колхоза. Он собирался там крест поставить, но ушёл в райком. И всё так и осталось".

Беженцев было много

Из воспоминаний Александры Петровны Хохловой, 1931 г.р., ст. Новопокровская Краснодарского края, ул. Восточная, 3.

"Я всегда жила на этом месте. Была не раз у могилы, где расстреливали евреев в годы войны. Это было на территории второй бригады колхоза "Заря". В станицу перед приходом немцев приехало много беженцев. Часть из них были с расстрелянного немцами эшелона. А часть пришли пешком из разных мест. Тогда ведь в основном пешком ходили. Многие из нас взяли беженцев домой. Ели мы тогда похлёбку всякую, но им и нам её хватало. А когда немцы оккупировали станицу, так сразу же всех евреев согнали в восьмую школу. Окружили её колючей проволокой и поставили там охрану. Близко никого не пускали. Как-то поздним вечером их всех погрузили в машины и увезли к Будённовской лесополосе, Было их много. В районной газете написали, что 28. Нет, с детьми их было больше сотни. И из них никто не уцелел. Через два дня мы пришли к месту расстрела. Земля дышала как живая. Говорили, что не всех пристрелили немцы. Остались и живые. Их в темноте не заметили, да так и закопали".

Всё уж травой заросло

Из воспоминаний Нины Петровны Толстиковой, 1925 г. р., проживавшей в ст. Новопокровская, ул. Первомайская, 118.

"Я работала в бригаде колхоза "Красная Заря", когда пришли в станицу немцы. Было это так: с северо-запада прямо на нашу улицу сначала вошла пехота, а потом и танки. Как только вошли, они сразу же начали собирать у населения яйца, молоко. Всем нам объявили, чтобы зерно свозили на элеватор. И, представьте себе, везли. Мы так до зернышка собрали: очень боялись, что расстреляют. А потом немцы взялись искать евреев. Их в сараях прятали и на горщиках. И всё равно везде их находили и свозили в восьмую школу. Там их усиленно охраняли. Мы жили рядом и бегали туда с продуктами. Хоть что-то пытались через проволоку передать несчастным людям. А однажды вечером евреев повезли к лесополосе, которую у нас называли Будённовской и расстреляли бедных всех до одного. Мы об этом узнали в бригаде утром. Сколько времени уже прошло, но начальство об этой могиле никогда не вспоминало. А могли бы хотя бы холмик сделать да крест поставить. Но никому это не нужно было. А сейчас всё уж травой заросло".

Не многим удалось спастись...

Из воспоминаний Марии Васильевны Колтеевой, участницы подпольного движения в районе, которая жила в станице Новопокровской, ул. Заводская, 142.

"У нас на улице Железнодорожной жила еврейская семья, Старуха мать и дочь. Молодая, как-то, на русских больше походила и в документе её так и записали. А старушка – типичная еврейка. И фашисты в первый же день увезли бабушку. С тех пор мы её не видели. А тех евреев, которые трудились в колхозе, мы успели предупредить об арестах и попросили их побыстрее спрятаться на хуторах. Вот им, возможно, и удалось спастись.

Выявлять евреев в станице помогали местные полицейские. Я хорошо помню некоторые фамилии: Конюхов, Маслов, Красников. Маслов Михаил Васильевич, который через два двора от нас жил, был не вредный. Когда пришли наши, его не тронули, а отправили на фронт. Вернулся он потом оттуда по ранению".

Рассказы очевидцев массовых расстрелов мирных граждан и военнопленных в станице Новопокровской подтверждаются актом о злодеяниях фашистов от 17 января 1944 года. В нём отмечается: "... Во время временной оккупации района немцами, в первых числах сентября месяца 1942 года в

Новопокровском районе были расстреляны немецкими властями и гестаповцами 31 человек советских граждан, из них мужчин 14 человек, женщин 11 человек и детей – 6 человек, причём среди них 6 человек русских военнопленных. Расстрел вышеуказанных советских граждан производился из огнестрельного оружия. В 3-х километрах от станицы Новопокровской возле посадки колхоза Будённого, выездной комиссией на месте могилы обнаружено 28 трупов советских граждан, зарытые в яме размером 28 м². Фамилии расстрелянных советских граждан установить не представляется возможным, так как одежда и трупы подверглись разложению".

Благодаря Николаю Алексеевичу Маслову, Александре Петровне Хохловой, Нине Петровне Толстиковой и документам, предоставленным архивами, нам удалось найти могилу жертв фашизма. Расположена она в полутора километрах севернее трассы Белая Глина – Новопокровская в начале Будёновской лесополосы. А предприниматели Роза Васильевна и Юрий Васильевич Червонные по нашей просьбе установили на этом месте памятный знак и уже 15 лет за ними ухаживают.

Мы жили как одна семья

Из воспоминаний Марии Ивановны Настенно, 1913 г.р., умерла в августе 2004 года

"В войну мы жили на хуторе в 20 километрах от Новопокровской. Муж мой и брат воевали. А я и моя мама ухаживали за тремя малолетними детьми да ходили на работу. Жить было очень трудно. Особенно тяжело стало с наступлением холодов. Как-то поздней осенью к нам пришла беженка с маленькими детками. Мама их накормила и расспросила: куда они идут. Они сказали, что от немцев спасаются. Глядя на легко одетых детей, мама сразу же решила, что оставит их у нас. Я тоже была не против. Да и маме бесполезно было перечить. Она всё сама решала.

Так и остались эти люди у нас. Хорошая была женщина и её детишки тоже. Жили мы с ними как одна семья. Только одна была проблема: на улицу они не выходили. И мы, и беженцы боялись, что хуторяне узнают о них. Но это невозможно было скрыть. Жили мы в саманном бараке, в котором кроме нас было ещё семей 15, а отделены семьи друг от друга перегородочками. Но никто даже не намекал нам о беженцах.

А когда отступающие немцы появились неожиданно на хуторе, брат мужа заявился к нам и стал ругать меня за то, что укрываю евреев. "Появятся немцы, и тебе, и твоим выродкам конец", - кричал со злостью он. "Кто им скажет?" – возражала. "Я, – кричал он, – скажу им заодно, что твой мужик воюет с немцами и что ты партизанка", После этих слов мама в шею вытолкала его из хаты. А беженцы сразу же стали одеваться. На улице был лютый холод, январь 43-го года очень холодным был. Мело снег так, что в десяти шагах человека не заметишь. "Я вас не пушу, замерзните в поле, – сказала им мама, – Я спрячу вас в сене". Вышла из дома, сделала в сене берлогу, застелила всё в ней старыми тулупами и мешками и увела поздним вечером туда беженцев. Обложила вход в берлогу сеном. И мы успокоились.

А утром нагрянули немцы. Спросили: "Есть ли у нас евреи?". "Откуда они у нас возьмутся? – ответила невозмутимо мама. – Я их сроду не видела". Фашисты оглядели нашу убогую комнатку, исхудаивших детей и поверили нам. Один из них сказал, что у него тоже маленькие дети дома и оставил нам немного продуктов. Узнав о непрошенных гостях, беженцы совсем расстроились и в самую пургу ушли в поле.

"Не волнуйтесь, – успокоила нас женщина. – Мы доберёмся до наших войск. Они уже совсем рядом". Через день или два немцы убежали с хутора. Что стало с беженцами, я не знаю".

Трагедия в Войсковом саду

Из воспоминаний Марии Григорьевны Лага, 1915 года рождения, станица Калниболотская.

"За несколько дней до оккупации станицы на машине привезли к нам беженцев. Я как-то шла по улице и увидела их недалеко от бани. Сидели они под забором, недалеко от хаты. В основном были женщины. Детей я не видела. Поинтересовалась у станичников: кто эти люди? Мне сказали, что это евреи, что приехали они к нам жить. Их распределили по хатам. И они стали жить в Калниболотской. В скором времени станицу заняли немцы.

Первые дни евреев никто не трогал. Но потом немцы начали их собирать и возить в душегубке в Войсковой сад. Наша хата стояла на окраине станицы у дороги в Войсковой сад. И потому я видела все передвижения душегубки. Рейсов было много. Из машины очень сильно кричали, молили о помощи.

Эти голоса я слышу до сих пор. Но помочь им вряд ли кто решился. Станица была в ужасе от зверств фашистов. Но немцы, вооружённые до зубов, боялись кары. Возле нашей хаты ими был оборудован пост. Несколько пулемётчиков днём и ночью охраняли участок дороги. Вот так мы и жили тогда рядом с этим постом с четырьмя маленькими детьми.

Я также помню: как сильно молились немцы, и особенно когда проезжала душегубка. Падали на колени и молились, молились Богу часами. Расстреляли беженцев в Войсковом саду. Там была вырыта яма. Евреев расстреливали и бросали в неё. Через несколько дней мы ходили туда. Прикрыли яму землей и сравняли её.

Позже моя младшая сестра как-то шла на ферму через мой огород. В кукурузе она заметила кружевную наволочку для подушки. На наволочке была очень красивая вышивка. Вышивала её видимо хорошая мастерица. Помню, на ней были ещё какие-то непонятные буквы. Эту наволочку кто-то выбросил из душегубки.

Из беженцев уцелел один мужчина-еврей. Как он смог уберечься от фашистов, я не знаю. После освобождения станицы он женился на русской и долго жил в станице. Похоронен он на нашем кладбище".

Рассказ Марии Григорьевны Лага подтверждается актом расследования преступлений фашистов, составленным 30 ноября 1943 года. И о душегубке всё верно сказала. Многие утверждают, что именно на ней доставляли беженцев на место гибели. В акте отмечается: "В сентябре месяце 1942 года немецкие изверги начали собирать всех евреев, ранее эвакуированных в район под предлогом отправки их на работу в зерносовхозы.

Атаман района Рыков Григорий Андриянович писал строгие предписания всем старостам колхозов о доставке евреев в управу района с угрозой, что если кто будет их укрывать, то будет передан немецким военным властям. Начальник полиции Прокопенко Герасим Сельвёрстович проявлял большую инициативу и активность в расстреле евреев.

Собрали всех евреев в школу № 6 на Терновке. Из Тихорецкого гестапо прибыла закрытая большая машина, окрашенная чёрной краской, в которую погрузили евреев и повезли в Общественный сад, что на юго-восточной окраине станицы Калниболотской. В северо-восточной окраине сада заранее была вырыта яма. Яму рыли полицейские: Латыш Иван, Мордик Ефим, Отрошко Николай и другие.

Эта машина сделала два рейса. Жители станицы Калниболотской Сайко Анна Степановна и Митрофаненко Ефросиния Игнатъевна – очевидцы этого кошмарного истребления безоруженных граждан еврейской национальности рассказывают: "Мы работали в Общественном саду и на огороде пищеблока. Вдруг услышали гул машины, посмотрели в сторону ямы, которую мы видели. Её выкопали на день раньше. Подошла крытая большая автомашина, окрашенная чёрной краской. Это было от нас 300-400 метров. Когда открылась дверь, мы услышали глухой визг взрослых и детей. Этот визг сопровождался одиночными глухими выстрелами. Видимо фашистские палачи жертв своих добивали в яме. То же самое было, когда машина подошла 2-м рейсом".

16 сентября 1943 года специальной комиссией райздрава в составе: Шапошникова Прасковья Андреевна и граждан станицы Калниболотской Банцевич Кирилл Юлианович и Фомин Иван Кузьмич произвели вскрытие братской могилы в Общественном саду. При вскрытии обнаружено всего трупов 48 человек. Из них мужчин в возрасте свыше 50 лет – 12 человек, женщин того же возраста – 24 человека и детей от 1 года до 15 лет – 13 человек (сумма должна быть 49, а не 48 человек, примечание И.Бойко).

В октябре 1942 года немецкие мерзавцы и их сообщники истребили лучших людей района – старых коммунистов:

Пашенко Тараса Алексеевича, 1893 года рождения, уроженец станицы Калниболотской, Лавриненко Ивана Андреевича, 1898 года рождения, уроженец станицы Калниболотской, Дубину Семёна Васильевича, 1886 года рождения, уроженец станицы Плоской, Понамарёва Савву Дмитриевича, 1900 года рождения, уроженец станицы Новоивановской, Вельховченко Алексея Трофимовича, 1899 года рождения, уроженец станицы Новоивановской".

На месте расстрела мирных граждан в двух километрах юго-западнее станицы Калниболотской на территории районного лагеря отдыха детей после войны поставлен памятник. За ним ухаживают местные жители. Дети приносят сюда цветы. Им рассказывают о страшной трагедии, случившейся в годы Великой Отечественной войны на этом месте.

Страшное зрелище

Из воспоминаний Николая Ивановича Жестовского, 1930 г.р., станица Ильинская.

"Во время войны я с пацанами часто бывал во второй бригаде, колхоза "За власть Советов". Прибегали мы к сторожу Константину Астрецову, который после тяжёлого ранения возвратился из фронта. Он очень любил детей и позволял нам играть в бригаде. Однажды после таких игр я ушёл раньше, чем остальные ребята домой. А на другой день они мне рассказали страшную историю. Оказывается, что после моего ухода немцы стали свозить в бригаду евреев. Их ставили у рвов, которые перед этим вырыли рядом с конторой бригады. А затем расстреляли. Было это в середине сентября 1942 года. Закопали могилы неглубоко. Земля после расстрела ходуном ходила. Я сам это видел.

После войны останки убитых почему-то не перезахоронили. А сразу же стали пахать на том месте. Теперь и указать точно захоронение сложно".

Место захоронения, о котором рассказал Н.И. Жестовский, находится в двух-трёх км южнее станицы Ильинской на территории бывшего орошаемого участка колхоза "За мир". Там не так давно Ильинское сельское поселение установило памятник.

Страшное было время

Из воспоминаний Николая Андреевича Грибанова, 1929 г. р., который проживал в станице Ильинской.

"Летом 1942 года к нам в Ильинскую со стороны станицы Дмитриевской наехало много беженцев: женщины, старики, дети. В основном это были беженцы из Ленинграда, Киева, Житомира. На юг они не могли уйти: немец уже стоял под Кропоткиным. Приезжали к нам беженцы и раньше. Уже в 1941 году они у нас везде работали: хлеб косили, молотили его. На фермах их немало было. Учили они нас, лечили. Мы к ним хорошо относились. А немцы сразу всех их на учёт поставили. Как-то приехав с работы, мой отец (он трудился в колхозе "Большевик") сказал, что в станицу чёрный ворон приехал, будут евреев расстреливать. А через время мимо нашего дома стали пробегать грузовые автомобили с черепами на кабинах. Сопровождал их каждый раз легковой автомобиль. Наши местные полиция грузили беженцев и увозили их к ямам кирпичного завода.

Евреев было много в станице – семей 300, а в каждой из них по 4-5 душ. Жили они вначале и на фермах, и на бригадных станах, и в самой станице. Немцы не уничтожали их до тех пор, пока не убрали хлеб. А потом пополз по станице страшный слух. Под станицей Борисовка в нашем колхозе была бригада. Руководил ею бригадир Москалёв. Как-то он подошёл к евреям, они сидели на завалинке, и говорит: "Вас будут расстреливать". Они его сообщение восприняли спокойно. Сели на подводы. И их повезли к месту расстрела. И только одна девочка (ей было лет 13) спряталась в траве. Бурьян тогда был выше человеческого роста. Вот ей и удалось спастись. Позже она пришла в Еремизино-Борисовскую. Её приютил там дед Боров с бабкой своей. Рисковали они сильно. Но жалко было девчонку. Жила она у деда до прихода наших, потом, когда вскрыли могилы, она прибежала к месту расстрела. Пыталась найти своих близких. Позже она уехала на родину. Немцы вообще-то всё на свой лад в станице делали. Колхозы сразу переименовали. Назначили старосту.

А расстрел был страшным зрелищем. Мне о нём рассказывала и наша станичница Мария Кокорина. У неё в доме жила учительница. Так ей пришлось эту учительницу после расстрела закапывать. Как она горевала потом. Рассказывала она мне, что детей травил ядом полицией из местных Николай Котелкин, убежавший перед этим из Советской Армии. В нашей станице полицейских из местных было много, и беды они много наделали. Я тоже был свидетелем расстрела беженцев. Правда, наблюдал за ним издали. Возле кирпичного завода находился тогда сарай. Мы туда забрались с ребятами и наблюдали. Вначале автоматчики забрались в яму и из неё палили по людям стоящим у её края. Позже мы снова пришли на кирпичный завод. Полицией Котелкин охранял место расстрела. Но мы всё равно всё осмотрели. Закопаны убитые были неглубоко. У могил валялись пузырьки из-под яда и много гильз. Мы залезли в яму и собирали гильзы...

Не только евреев хотели тогда уничтожить, но и иногородних. Взяли их всех на учёт. Наши полиция собирались им устроить, как они хвастались, Варфоломеевскую ночь. Принесли они расстрельные списки коменданту-немцу, а тот послал их подальше. Оказывается, он был тельманов-

цем. Он потом служил в нашей Армии. С ним пришла к нашим и переводчица. Она была нашей связной.

В марте 1943 года, когда к захоронению можно было пройти, убитых попытались перенести в центр станицы к памятнику. Я видел, как какой-то мужчина перевозил на подводе несколько трупов, но потом председатель сельского Совета Стрельников сказал, что поскольку трупы разложились, верхние ещё ничего были, а нижние жуть, нужно прекратить их перенос на братскую могилу.

Жестокие люди орудовали в нашей станице во время оккупации. Самый страшный из них полицейский Павлов. Перед расстрелом он отбирал у евреев всё, что у них было. Женщины шли к нему с узелками, надеясь остаться в живых. Говорят, что в тех узелках были драгоценности. И всё равно их всех расстреляли. А списки расстрелянных евреев вряд ли сохранились.

Об оккупации станицы вам могут рассказать Пётр Сергеевич Черкашин, Виктор Григорьевич Прошин, Вячеслав Яковлевич Лазовский. Он может показать ещё одно место расстрела евреев у дороги из Ильинской в Новопокровскую. У Анны Антоновны Козловой спросите про всё это. Она после расстрела закапывала евреев".

Их всех расстреляли

Из воспоминаний Анны Антоновны Козловой, 1924 г.р., проживала в ст. Ильинской, ул. Красная, 184.

"Когда пришли в станицу немцы, мне было 18 лет. В то время в Ильинской было много евреев: полная школа и на фермах, и в бригадах. Работали они, как и все мы тогда. Немцы заставили их вязать снопы и молотить хлеб. Они не могли это делать. Мы их учили. Потом всех евреев немцы расстреляли: и женщин, и стариков, и детей. А мне и другим нашим женщинам пришлось на второй день после расстрела их закапывать лопатами. Ой, как много же их было, бедных! Я не хочу об этом лишний раз вспоминать. Вспомню, и сердце сразу как камень становится. Мы закапывали убитых и плакали навзрыд. Жалко было людей. Ох, как жалко".

О трагических событиях тех дней сообщается в акте районной комиссии от 5 августа 1943 года. Место расстрела беженцев, о котором рассказала А.А. Козлова, с помощью Н.А. Грибанова, удалось определить. Расположено оно на территории фермы направленного выращивания тёлочек колхоза "Мир". Там установлен памятный знак жителем станицы Новопокровской Николаем Николаевичем Марковым.

У меня есть копия ещё одного акта о зверствах немецко-фашистских оккупантов в Ильинском районе Краснодарского края, датированный 25 марта 1943 года. Прочтите отрывок из него и вы поймёте, какой ужас пережили за шесть месяцев оккупации жители маленького района: "Гитлеровские изверги зверски расстреляли и замучили в застенках гестапо свыше 415 советских людей – женщин, стариков и детей.

Среди замученных и расстрелянных: секретарь райкома ВКП(б) – Агапов, председатель Туркинского с/совета Гуров, председатель Ер.- Борисовского с/совета Погребенко, врач Ася Ефимовна Миневич и мн. др. На глазах родителей изверги расстреливали детей. Так, расстреляли Шустер Лену 6 лет и её сестру Таню 4 лет. В хуторе Туркино кучка немецких бандитов в одном из домов стала глумиться над 11-летней девочкой Сарой Ваисбеевой, а когда она выскочила из дома и закричала: "Спасите!", палачи догнали её и расстреляли. В том же хуторе, после мучительных пыток, расстреляли учительницу Эльзу Филипповну Варшавскую и её старушку мать. В хуторе Ер.- Борисовском гитлеровцы захватили в плен бойцов и командиров Красной Армии, вывезли их за хутор и зверски расстреляли. Среди них Пшонкин Михаил, Кабановский Иван, Борисов Василий, Быстров Александр и др.

Гитлеровские разбойники насильовали женщин и девушек. В хуторе Туркин группа немцев изнасиловала беременную гражданку И., в станице Успенской изнасиловали 45-летнюю гражданку Б., в станице Ильинской изнасиловали гражданку Н и мн.др.

Таков далеко не полный перечень фашистских злодеяний в Ильинском районе. Только сопротивление трудящихся и приход героической Красной Армии избавили население района от дальнейших чудовищных людоедских зверств немецко-фашистских палачей. Но и то, что натворили гитлеровские захватчики навсегда останется в памяти трудящихся.

Мы, живущие сегодня, наши дети, наши внуки и правнуки никогда не забудем, и не забудут о чудовищных зверствах немецко-фашистских извергов.

За пролитую кровь наших людей, за неисчислимыя бедствия и разрушения будем беспощадно и сурово мстить.

Мы не забудем, мы не простим".

Я по несколько раз перечитывал, записанные мной воспоминания, документы, рассказывающие о массовых расстрелах беженцев, коммунистов, комсомольцев, советских военнопленных и представлял, как трудно было оставаться человеком в то время, и насколько были сильны духом в дни оккупации наши хуторяне и станичники. Фашисты угрожали населению расправой за неподчинение властям и несоблюдение их требований. Давила на людей мощная нацистская пропаганда. На территорию района стала поступать издаваемая оккупантами в Кропоткинской типографии газета "Новое время". 30 сентября 1942 года вышел её первый номер под лозунгом: "Кто не сеет, тот не убирает, кто не убирает, тот голодает!" Работники газеты призывали население активнее помогать Великой Германии. На полях за работами наблюдали сами немцы и полицаи. Но и уборка, и сев озимых затягивались. Русская душа не позволяла трудиться в полную силу на врага. А массовые расстрелы только укрепляли силу сопротивления врагу.

Гестаповские забавы

Много зла наделали оккупанты и в других, соседних с Новопокровским, районах Краснодарского края, куда нередко для расправы вывозили живущих в нашем районе евреев, коммунистов и военнопленных. В "Акте о зверствах над мирным населением, военнопленными и разрушению, совершённых немецко-фашистскими извергами в г. Кропоткине Краснодарского края" указывается на многочисленные жертвы фашистов.

"Вскоре после прихода фашистов в город в застенки и тюрьмы гестапо, – отмечается в нём, – были брошены сотни жителей города. Обречённые и беззащитные жертвы подвергались нечеловеческим пыткам...". Их истязали, били, а потом расстреливали недалеко от города на Казанской горе, в лесу у реки Кубани, в саду колхоза "Комсомольская правда". Город слышал крики расстреливаемых людей и содрогался. Хотя горожан истребляли по вечерам и ранним утром, но многие знали об этих расстрелах. Фашисты никого не жалели. Убивали совершенно безвинных мальчиков, девочек, стариков и старушек. Семидесятилетнего Лобачевского О.В. убили, посчитав его партизаном. Только на Казанской горе фашисты уничтожили 700 человек.

В селе Белая Глина, расположенном в 20 километрах от станицы Новопокровской, во время оккупации находилось гестапо. Оно занимало здания райкома партии и средней школы № 9. Начальником гестапо был Шмидт Герман, следователем – Лейман, переводчиком – Бибер Гербер. Изверги из гестапо проводили карательные операции по всем станицам и хуторам не только Белоглинского, но и ближайших районов Краснодарского края, в том числе и Новопокровского, Калниболотского и Ильинского районов.

Многие жители и беженцы, оказавшиеся по воле судьбы в те годы в нашем районе, были уничтожены в Белой Глине немецкими палачами. В ходе карательных операций выявлялись коммунисты, комсомольцы, работники исполнительных органов, руководители колхозов, совхозов, предприятий и евреи. Их арестовывали, подвергали пыткам в гестапо, а затем уничтожали.

На место расстрела палачи вывозили свои жертвы раз в два дня на крытом сером грузовом автомобиле. Его сопровождал всякий раз легковой автомобиль с работниками гестапо. Иногда арестованных на место расстрела доставляли и на легковом автомобиле. По какой-то причине фашисты не решались учинять расстрелы днём. Пленников гестапо вывозили на казнь в сумерках: либо ранним утром, либо поздним вечером. В это же время расстрелы мирных граждан проходили и в других населённых пунктах, расположенных недалеко от станицы Новопокровской, например, в городе Кропоткине. Место казни было выбрано в двух километрах южнее села Белая Глина в балке у лесополосы. Там заранее готовили огромные ямы. Когда завершилась оккупация, их насчитали двадцать пять: 14 размером 3 x 3 x 3 м и 11 размером 4 x 4 x 3 м. Они были полностью завалены трупами. Было их более трёх с половиной тысяч.

Агония

Звериная суть фашистов особенно наглядно проявилась в период наступления советских войск и начала освобождения нашей земли. Отбросив все идеологические увёртки, они готовы были разо-

рвать каждого кубанца, попавшегося на их глаза. Бесила их сила духа, гордость этих нищих, не получивших от советской власти никаких особых благ людей. Им непонятна была приверженность строю тех, кого ещё недавно притесняло всеми способами социалистическое государство. На обещанные оккупантами блага и привилегии клонули единицы. Остальные сопротивлялись. И, несмотря на угрозы смертью, местные жители скрытно игнорировали установленные захватчиками порядки.

Поражала немцев стойкость кубанских женщин, их верность мужьям, сражающимся за родную страну. Они видели в их прекрасных лицах нескрываемую ненависть и презрение к захватчикам. Этого "цивилизованные арийцы" стерпеть не смогли. Перед уходом из станиц и хуторов они стали мстить русским бабам. Во многих актах о злодеяниях фашистов на нашей территории упоминаются дикие случаи расправ с непокорными женщинами.

Перед отступлением немецкие солдаты учинили массовые расстрелы советских военнопленных. "В колхозе имени Туркина, – записано в акте комиссии Ильинского района по расследованию преступлений фашистов от 22 августа 1943 года, – Ильинского района Краснодарского края с августа 1942 года работала в качестве рядовых колхозников группа военнопленных красноармейцев. С 23 по 25 января через хутор Туркино проходили отступающие части немецко-фашистских войск.

Как озверелая банда, немецко-фашистские палачи врвались в хаты и всех попавшихся на глаза мужчин немедленно расстреливали".

В этом акте сообщается, что в хуторе Туркино немецкие солдаты арестовали и расстреляли двенадцать военнопленных красноармейцев. Расстреливали их на ходу, в спину. Этого было недостаточно садистам. После убийства военнослужащих они, как бешеные шакалы, продолжали глумиться над их трупами. "Когда после очереди из автомата, сообщается в акте комиссии, идущие впереди красноармейцы падали, немцы подходили к ним и били их сапогами по голове, лицу, обезображивая трупы".

Кровавые следы расправы над советскими военнопленными остались на всём протяжении путей отхода вражеских войск. "26 января 1943 года, – сообщается в акте Ильинской районной комиссии по расследованию злодеяний фашистов от 12 августа 1943 года, – немецко-фашистскими частями во время боёв в Ильинском районе были захвачены в плен 11 красноармейцев. Группа немецких солдат утром 26 января 1943 года привела их в Ер.-Борисовскую. Двух красноармейцев немцы подогнали к северному берегу реки, протекающей через село. И на глазах колхозников начали избивать их прикладами винтовок. А потом расстреляли.

В это время на южном берегу реки вторая группа немецких солдат подогнала вторую группу военнопленных красноармейцев в количестве 9 человек, и на глазах колхозников всех их расстреляли".

Вот так фашисты расправлялись с советскими военнопленными. И когда я иной раз слышал по телевидению и радио всхлипывания по поводу плохой еды и условий содержания в лагерях немецких военнопленных, то хотелось напомнить этим "гуманистам" о судьбе наших военнопленных, расстрелянных и изувеченных фашистами. Эти факты, к сожалению, до публики никто не доносит. Они остались в архивных справках и актах, да в памяти умирающего постепенно поколения, видевшего своими глазами все эти изуверства.

Дорога по пути отступления немцев на запад по нашей земле была усеяна трупами невинных жертв. Порой убивали только за то, что человек попался на глаза обозлённым военными неудачами немецким солдатам.

Отступая, немецкие войска минировали часть оставленной ими территории, что направлено было против мирного населения. Заминированы были частично и некоторые населённые пункты. В акте Ильинской районной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских войск от 10 августа 1943 года отмечено, что были "...заминированы многие места станицы Ильинской".

Это привело к человеческим жертвам. На минах, расставленных фашистами, 9 февраля 1943 года подорвались дети. Погибли одиннадцатилетний Николай Николаевич Спесивцев, семилетний Алексей Иванович Пикулин, пятилетний Николай Иванович Мачнев. А у двенадцатилетнего Василия Романовича Спесивцева осколками мины была оторвана правая рука и выбит левый глаз.

Вот такую кровавую память оставили о себе солдаты вермахта на небольшом клочке кубанской земли.

Иван Бойко,

краевед, член Международного союза писателей и мастеров искусств

ЛЮДМИЛА БИРЮК

Краснодар

Наш журнал начинает публикацию нового исторического романа Людмилы Дмитриевны Бирюк "Река времён".

Автор родилась в 1946 году, в Ростове-на-Дону, но с гордостью называет себя краснодаркой: ведь на Кубани она прожила почти всю жизнь, здесь получила образование, работала, стала писать книги, вступила в СП России...

Любимый жанр Л.Д. Бирюк – исторические приключения, а любимые читатели – подростки и те, кто до старости сумел сохранить своё сердце молодым. Таким представляется писательнице и ее герой – Гавриил Державин, истинный сын Золотого века Екатерины II, прошедший блистательный путь от рядового гвардейца до министра, но оставшийся в нашей памяти как великий русский поэт.

РЕКА ВРЕМЁН
Исторический роман**Глава 1. Школа герра Розе**

Мать бессильно склонилась над колыбелью. Её двухмесячный сынок уже не мог кричать и только страдальчески открывал беззубый ротик. Заплаканная Фёкла Андреевна обернулась к старой няньке:

– Что делать, Марфа? Совсем худо Ганечке. Пошли мужика в Казань, известить Романа Николаевича...

– Уж послали, барыня! Но и нам не след опускать руки. Есть одно средство, народное, верное... – нянька кашлянула и замолкла, словно испугалась того, что сказала.

– Нет! – отшатнулась Фёкла. – Знаю я ваши дикие обряды! Чтоб я своими руками...

– Всё одно, дитя помирает.

Худенькое тельце временами сводила судорога, младенец дрожал, чуть слышно хрипя. На крошечном лбу выступили капельки пота. Когда приступ отпустил, огромные синие глаза устремлялись на мать, словно с немым укором.

И она решила. Вынула сына из зыбки, бросилась на широкий двор и остановилась перед пекарней, над которой вился дымок. Там с утра хлопотали дворовые бабы: месили тесто для хлеба. Обернувшись, Фёкла увидела, что вслед за ней на крыльцо вышла Марфа.

– Раздумывать нечего, – убеждала нянька, – вишь, еле дышит...

Две румяные молодаяйки согнулись перед барыней в поклоне, бормоча приветственные слова. Фёкла молчала, а нянька, цыкнув на них, строго спросила, подошло ли ржаное тесто, и велела всё приготовить для лечения младенца.

Бабы переспрашивать не стали, кинулись к большой русской печи ворошить багровые головешки. До Фёклы доносился лишь торопливый шепот:

– Давно бы так! Видать, барчонок неготовый родился, недопечённый... Ничего, перепечём с Божьей помощью. А коль не помрёт, потом здоровяк будет!

Бездвижного Ганю освободили от пелёнок, обмазали с ног до головы ржаным тестом и примотали крестьянским полотенцем к большой хлебной лопате.

– Где Марфа? – еле выговорила Фёкла, оглядываясь и ища глазами скрывшуюся куда-то няньку. – Я одна не смогу!

– Сможешь, матушка! Так надобно по обычаю, – уговаривали бабы, вручая матери лопату с ребёнком. – Печь в самый раз готова.

– А долго ли держать?

– Только скажешь: "Господи, помилуй", – и вынимай!

Фёкла с содроганием глянула в пышущий жаром зев печи. В это время в дверях показалась Марфа. Притворно зевнула, прикрыв рот ладонью, и спросила, будто невзначай:

– Чего печёшь, хозяйюшка?

Мать молчала, застыв в полуобмороке. Бабы тут же зашептали, подсказывая: "Хлеб пеку!"

– Хлеб пеку! – безвольно повторила Фёкла.

– Пеки, да не перепеки!

– Барыня! Барыня! – наперебой загалдели бабы. – Таперича не мешкай!

И Фёкла, словно в страшном сне, отправила своё дитя в раскаленное горнило...

* * *

Секунд-майор Роман Николаевич Державин состоял на гарнизонной службе под Казанью, в двадцати верстах от деревни Сокуры, той самой, где 3 июля 1743 года родился его сын Гавриил.

Род Державиных восходил к татарскому мурзе Багриму – сподвижнику великого князя Василия Тёмного. Багрим принял православие, а во владение были ему пожалованы новые вотчины в обжитых краях Руси. Один из его внуков носил звонкое имя Держава. От него-то и пошли Державины, верные слуги Отечества. Их обширные владения со временем дробились, таяли и приходили в упадок. Роману Николаевичу досталось несколько захудалых имений неподалеку от Казани, да и те были под тяжбой.

В тот день, когда сокурский мужик скакал в Казань с недоброй вестью о болезни Ганюшки, майор был в гостях у богатого, взбалмошного помещика Якова Чемадурова, которого за глаза все звали Самодуром.

– Почто не пьёшь, майор? – задиристо кричал Чемадуров сидевшему в конце стола Державину. – Медок-то знатный! Пчёлки его собирали с твоих бывших гречишных полей. Не хмурься, кто ж тебе виноват, что не сумел распорядиться своей землицей?

Офицер вспыхнул и порывисто поднялся. Неизвестно, чем бы кончилось дело, но в этот момент в дверях вдруг показалась девка-горничная и испуганно сообщила, что к господину майору прискакал гонец из Сокур.

Выйдя в сени, Державин выслушал сбивчивый рассказ мужика Платона о том, что Ганюшка пребывает в тяжкой болезни, и счёт идёт не на дни, а на часы...

Побледневший офицер вскочил на коня и рванул по пыльной дороге в Сокуры. Через полчаса бешеной скачки Роман Николаевич был на месте. Бросив повод дворовому мальчишке, взбежал по ступеням крыльца и вошёл в старый отчий дом.

Сдерживая невольную дрожь, шагал он по сумрачному коридору. Никто его не встречал, всюду царил тишина. Роман Николаевич распахнул дверь детской и застыл в удивлении перед благостной картиной: спокойная и счастливая мать кормила грудью безмятежного младенца!

Боясь вздохнуть, секунд-майор стоял и смотрел... Когда Фёкла, покормив ребенка, осторожно положила его, спящего, в колыбель, Роман Николаевич подошёл и прижал к груди жену. Слезы навернулись на глаза у обоих. А их сынок, как ни в чём не бывало, посапывал в уютной колыбельке.

– Фенечка, душа моя... Гаврюша здоров?

– Сам видишь!

Он наклонился над зыбкой. Укрытый голубым атласным одеяльцем с затейливыми кружевами, младенец был похож на ангела. От его спокойного ровного дыхания чуть трепетала ниточка, распустившаяся на детском чепчике. На щеках проступил нежный румянец.

– Счастье моё... – шептал Державин, осторожно целуя ребенка. – Почто посылала за мной, Фенечка?

– Не серчай, друг мой! Утром случился у Гани превеликий жар. Страх, как напугалась! Но Бог миловал...

Переведа дух, Роман слушал и любовался. Как хороша! Синие глаза, оттенённые длинными ресницами, смотрят застенчиво, льняная коса дважды обняла голову. Он порывисто подхватил жену, закружил по комнате и в восторге приподнял на руках...

Фёкла так никогда и не призналась мужу, какому варварскому лечению был подвергнут их сынок. А сам Гавриил узнал об этом лишь много лет спустя от старой няньки.

* * *

Не обманули русские поверья! Мальчик рос здоровым и крепким. В положенный срок обрёл молочные зубки, научился ходить и говорить.

Первое произнесённое им слово было "Бог". Произошло это так. В феврале 1744 года в небе появилась яркая шестихвостая комета. Все жители Сокур высыпали поглазеть на небывалое зрелище. Вынесли из дому и годовалого Ганю. Сидя на руках у матери, малыш поглядел на комету, показал на неё пальчиком и вдруг сказал: "Бог!"

Все умилились, услышав такое от крохи.

– Чудо великое! – говорили старики. – Младенец Бога узрел!

Но ничего необычного в поведении Гани не было: в доме Державиных о Боге говорили постоянно. Слово "Бог" мальчик слышал чаще, чем "мама" и "папа".

Народ крестился, споря, как истолковать небесный знак. Ещё никто не знал, что в тот день в Петербург прибыла 15-летняя принцесса София-Фредерика Ангальт-Цербстская – будущая императрица Екатерина II...

* * *

С трёх лет Ганя водился с драчливыми дворовыми ребятами и не раз приходил домой то с расквашенным носом, то с синяком под глазом. Мать ахала, грозила запереть в детской и впредь не пускать на двор, а нянька, прикладывая к ушибу медный пятак, приговаривала: "Не трись! Где страх – там и крах".

В те времена мелкопоместные дворяне не обременяли себя знаниями. Сыновей учили лишь потому, что на то имелись особые указания, прописанные в Соборном уложении. У местного дьячка Гавриил научился чтению и письму и пристрастился к книгам, которых, признаться, у Державиных было немного.

Когда Гаврюше исполнилось семь лет, Роман Николаевич повёз его в Казань. Большой шумный город со множеством церквей и мечетей до глубины души поразил мальчика. На фоне деревянных домов величаво возвышался белокаменный Кремль, видный отовсюду. Он был расположен на мысу левого берега Волги и реки Казанки, повторяя очертаниями московский Кремль. Роман Николаевич объяснил сыну, что такова была задумка царя Ивана IV, завоевавшего Казань. Даже некоторые башни имели названия, как в Москве: Спасская, Тайницкая... Ганя был готов часами бродить по деревянным мостовым среди торговых лавок, гончарных и кузнечных мастерских, пробираясь сквозь толпу куда-то спешащих, нарядно, по-городскому одетых людей. Ничего подобного в Сокурах он не видел. Когда начали звонить колокола, он в волнении схватил отца за руку: "Батюшка, что это?"

Вернувшись домой, Ганя первым делом побежал во двор к мальчишкам поделиться впечатлениями о поездке. Те недоверчиво выслушали его пылкий и красочный рассказ и, объявив лгуном, затеяли драку.

Отец не стал разбираться, кто прав, кто виноват. Вытащив сына за воротник из кучи-малы, привёл его в дом и, усадив за стол, велел для успокоения читать новую книгу, которую купил для него в Казани. Это были оды Михаила Ломоносова.

Два часа не выходил Ганя из своей горницы...

Фенечка встревожилась, стала спрашивать мужа, за что назначил сыну такое суровое наказание. Тот пожал плечами и пошёл в детскую. Ганя сидел за столом и читал подаренную книгу, что-то выписывая из неё в тетрадку. Мальчик не заметил появления отца, и лишь когда Роман Николаевич мягко тронул его за плечо, очнулся, оторвав от страниц глаза, полные слёз.

– Что с тобой, сынок?

– Право, ничего...

Роман Николаевич взял книгу и стал негромко читать:

Открылась бездна звёзд полна,
Звездам числа нет, бездне дна...

Ганя снова залился слезами, вытирая их ладошкой.

– Да объясни, зачем плакать-то? – допытывался отец. – Никто никого не обидел, не обманул, не убил!

– Не знаю... От слов слёзы сами льются. Позвольте дочитать, батюшка?

– Изволь, голубчик.

Роман Николаевич отдал ему книгу и, осторожно ступая, вышел из детской. Обнял и успокоил жену, которая в волнении ожидала его в сенях. Но сам долго не мог успокоиться. Бродил по комнатам, мысленно повторяя запавшие в душу строчки: "Звездám числа нет, бездне дна"...

Поистине велик стихотворец, сумевший передать словами бесконечность звёздного неба. Бесконечность... это непостижимо! Но, видно, маленький Ганя понял поэта. Мысленно представил небесную бездну, ужаснулся, восхитился, растрогался.

Думы о сыне не покидали Романа Николаевича. Он не впервые отмечал в нём ум и воображение... "Это – наше, державинское, – с гордостью думал секунд-майор. – Орёл! А лицом в мать пошёл: пригожий, глазастый, белокурый. Как-то сложится его судьба?"

Вечером за ужином Роман Николаевич решительно заявил Фенечке, что пора отдавать сына в школу.

* * *

Легко сказать – в школу! А куда? Казанская гимназия в ту пору ещё не открылась. Да и летами Ганя не вышел.

Всё решил случай. От старого друга, поручика Неклюдова, Роман Николаевич узнал, что есть в Оренбурге недорогой пансионат для начального образования дворянских детей. Неклюдов советовал другу отдать туда сына на обучение. Сам он уже определил своего Митеньку, а Гаврюша был бы ему товарищем. Вместе – веселее.

Роман Николаевич подумал и согласился. В тот же месяц Ганя в сопровождении крепостного дядьки Платона прибыл на перекладных в Оренбург.

Неказистый город на берегу Яика не произвёл на мальчика большого впечатления. Далеко ему было до Казани! Оренбург представлял собой большую стройку, на которой трудились в основном каторжане. Вместо благозвучного колокольного звона гремели молотки и топоры. Кучи строительного мусора, пыль, суета, неустроенность и какой-то преступный каторжный дух, витавший в воздухе, не пробуждали в мальчике радостных чувств. Особенно он приуныл, когда выяснилось, что директор школы, где ему предстояло учиться, немец Иосиф Розе, тоже оказался бывшим каторжником. Герр Розе не делал из этого никакой тайны, возможно, для того, чтобы сразу предупредить неудобные вопросы. Казалось, предприимчивый немец даже гордился таким фактом своей биографии, и остаётся только удивляться, как городские власти разрешили бывшему "татю и вору" учредить частную школу для дворянских детей. Но факт есть факт! Не нашлось в Оренбурге других учителей, а этот, хоть и каторжанин, а, как-никак, немец...

Герр Розе неприятно поразил Ганю. Он был совершенно лысым, каким-то беспокойно-вертлявым, со слащавой улыбочкой. Но когда он чувствовал в ком-то слабость, мгновенно преобразился: словно становился выше ростом, весь наливался важностью, а бесцветные его глазки твердели и впивались в ученика, как два буравчика.

Из экономии герр Розе был и директором, и единственным преподавателем в своём заведении. И предмет был тоже один – немецкий язык. Не утруждая учеников изучением грамматики (которую сам не знал), Розе всё учебное время посвящал практическим занятиям. Метод обучения он применял простой, но действенный. В присутствии учителя говорить по-русски школярам запрещалось. За непослушание – денежный штраф. Нетрудно догадаться, что скоро все деньги, которые родители вручили своим чадам, перекечевали в карман герра Розе. Затем штрафы были заменены телесными наказаниями, которые суровый ментор производил самолично, с фантазией и не без удовольствия.

К счастью, Державину доставалось меньше всех, потому что он с лёту запоминал немецкие слова, безошибочно повторял за учителем длинные фразы, правильно отвечал на вопросы. Учебников не было, наставник сам сочинял тексты и диалоги, которые школьники заучивали наизусть. Через год упорных занятий Ганя болтал по-немецки не хуже самого герра Розе, сносно читал и пробовал писать. Кроме немецкого, никаких других предметов не преподавалось, но, "и то хлеб", как говорили

местные чиновники. Немецкий язык со времён Петра Великого был в России в большой моде, гораздо популярнее французского. Это уже потом, спустя почти полвека, французы стали законодателями мод.

Гавриил считался образцовым учеником. Немец ставил его в пример, хвалил безмерно и на глазах у всех поощрял розовыми мятными пряниками. Такие педагогические приёмы могли обозлить ребят, на что учитель, похоже, рассчитывал. "Разделяй и властвуй", – таково было его правило. Он боялся дружбы ребяташек: поодиночке ими легче было управлять. Но немец просчитался. Ганя радостно делился угощением со всем классом, и, в первую очередь, со своим другом, Митенькой Неклюдовым.

Они подружились с первой встречи, хотя и были совершенно разными. Хилый Митенька ростом не вышел, часто болел, да и ученье давалось ему с трудом. А Ганя был крепким, красивым и смышлённым ребёнком. Его память была удивительна: он держал в голове не только сотни немецких слов, но и знал наизусть многие оды Ломоносова из подаренной отцом книжки.

Через год майор Державин вышел в отставку и стал жить в своём имении в Сокурах. Поручика Неклюдова перевели из Оренбурга в Саратов. Митя горько плакал, но скоро успокоился, так как обрел надёжного покровителя.

Школяры часто обижают слабых. Но Митеньку никто не трогал: Ганя раз и навсегда отучил от этого драчунов, поставив по фингалу наиболее наглым. Сам он тоже схлопотал шишку, но впредь уже никто не задирал его товарища. Они стали, как говорится, "друзья – не разлей вода".

Немецкий язык Митя не любил, зато обожал вместе с другом читать русских поэтов. Кроме зачитанной до дыр книги Ломоносова, у Гани вскоре появился переплетённый в сафьян сборник басен Сумарокова. Чтобы стать обладателем этого сокровища, пришлось неделю трудиться по ночам, выполняя за нерадивых учеников разные задания. Но книга того стоила!

Часто по вечерам, когда воспитанники готовились ко сну, друзья тайком зажигали свечку в рекреации и читали вполголоса, делясь впечатлениями. Вскоре они запомнили большинство басен и декламировали их наизусть. В баснях жили и разговаривали звери, птицы и даже насекомые, но отношения между ними очень напоминали человеческие. И хотя басни не вызывали у Гавриила слёз восторга и умиления, всё-таки он должен был признать, что этот род стихотворчества живее, смешнее и понятнее, чем оды.

* * *

Время бежало незаметно. Дружба скрашивала ребяташкам унылые годы учёбы. Благодаря Гане, Митенька в конце концов одолел немецкий язык и вместе со всеми успешно сдал экзамен перед городскими властями Оренбурга. Мальчикам шёл двенадцатый год. Приближался выпуск, и они уже строили планы, где будут учиться дальше. Хорошо бы вместе...

Но вдруг пришла беда, откуда не ждали. Однажды после отбоя Ганя и Митя вздумали почитать Сумарокова прямо в спальне пансионата, похожей на казарму. Зажигать свечу для этого им не пришлось, благо, многое хранили в памяти.

Устроившись поудобнее, они повернулись друг к другу (их кровати стояли рядом) и стали совещаться, какую басню прочесть:

- "Голуби и коршун"?
- Нет, "Жуки и пчёлы"!
- Лучше – "Горшки"!

Наконец, остановились на басне "Волк и Журавль". Ганя начал:

- Волк ел – не знаю, что, – и костью подавился...
- Метался от тоски и чуть он не вздурился, – подхватил Митенька.

Кто-то из воспитанников хихикнул. На него тут же зашикали, чтобы не мешал слушать. Никто из школяров не спал в ожидании, когда Державин и Неклюдов начнут свои ночные чтения. А потом с интересом слушали о том, как Волк "слёзно стал просить" Журавля вытащить кость, застрявшую в глотке. Тот вынул кость своим длинным клювом и резонно потребовал "мзду" за работу. На это хищник иронически ответил, что журавль должен быть доволен уже тем, "что нос остался цел".

В спальне послышался шум. Ребята стали бурно возмущаться наглостью Волка. А Митенька рассказал, как герр Розе однажды приказал ему переписать набело длинный доклад для представления городничему, посулив за работу день каникул. Но на утро обо всём забыл и жестоко наказал за невыученный урок. Вот и помогай волкам!

Митя не договорил: чья-то железная рука стащила его с кровати на пол.

– Так значит, герр Розе – волк? Ein echter Wolf? Вы это хотели сказать? – откуда ни возьмись, раздался зловещий голос.

Лысая голова немца призрачно белела в полумраке, глаза, казалось, были готовы просверлить мальчика насквозь. Учитель с размаху ударил Митю по щеке, потом стал методично избивать, приговаривая по-немецки: "Я – волк? Волк, да?!"

Вдруг послышался глухой стук. Герр Розе, вскрикнув, отпустил свою жертву и схватился за голову. В первое мгновение никто не разобрал, что произошло, только потом стало понятно, что Ганя запустил в истязателя подсвечником.

– А-а-а! Mein Gott! Зверёныш! Ну, погоди, шенок! – прохрипел наставник, поймав дерзкого школьника. Но вместо того, чтобы нанести удар, он взвизгнул и завертелся юлой: мальчик, извернувшись, впился ему в палец крепкими зубами.

Немец метался по спальне, размахивал рукой, выл, стонал и дул на укушенный палец. Все со страхом ждали, что последует дальше. Наконец, немец овладел собой и остановился перед Ганей. В скудном свете ночной лампы он напоминал привидение. Он мог немедленно расправиться с негодным мальчишкой, но, видимо, захотел продлить удовольствие. Ведь известно, что ожидание казни страшнее, чем сама казнь.

– Поговорим завтра! – зловеще пообещал герр Розе и вышел, оставив своих воспитанников в страхе и растерянности.

Ночь прошла без сна. А на следующее утро учитель появился в классе бледный, но полный достоинства, тщательно одетый, с перевязанным белой тряпицей пальцем.

– Господа! – обратился он к притихшим школьникам. – Все вы – свидетели того, что случилось минувшей ночью. Дмитрий Неклюдов имел дерзость оскорбить меня словесно, а Гаврила Державин совершил прямое покушение на мою жизнь! Но я не желаю сам решать их судьбу, ибо могут сказать, что мною руководит личная месть. Спрашиваю вас: какого наказания они заслуживают?

Класс молчал. Герр Розе выждал внушительную паузу и криво усмехнулся:

– Не хотите говорить? Зер гут, тогда скажу я. За неподобающее поведение я лишаю их аттестата! Эти русские щенки недостойны чести окончить немецкую школу! – презрительно добавил он.

– Как вы смеете! – задохнулся от возмущения Ганя. – Наши деды служили под знамёнами Петра Великого! А ты, спесивый немчура, безродный каторжник, должен ответить за свои слова!

В классе поднялся невероятный шум. К удивлению немца, осмелевшие воспитанники дружно поддерживали Ганю и Митю:

– Кому он нужен, твой немецкий аттестат? Ему место в помойной яме!

– Вор! Где наши деньги?

– Невежда! Чему ты нас научил, кроме своего языка?

– Жалкий каторжник!

И случилось невероятное... Вместо того, чтобы возмутиться и немедленно принять воспитательные меры, герр Розе вдруг притих и съёжился, словно уменьшился в размерах. Перед ним уже были не робкие малыши-семилетки, а 12-летние подростки, с крепкими кулаками и бесстрашными глазами. Его напугали не столько обвинения в воровстве, сколько единодушие и смелость ребят. Было ясно: они решили постоять за свою честь. Немец привык безнаказанно оскорблять школьников, и ему всё сходило с рук. Но сейчас он понял, что задел не только их личные, но и патриотические чувства. И испугался. Брезгливое презрение, которое он испытывал к своим ученикам, сменилось страхом.

Именно этот страх заставил герра Розе замять дело и всё-таки выдать аттестаты своим обидчикам – Неклюдову и Державину. Вручение документов о начальном образовании состоялось вечером в торжественном зале. Были приглашены гости: градоначальник и важные чиновники. Приехали родители выпускников, в том числе, поручик Неклюдов. Ганя с трепетом ждал отца, но прибыл только его крепостной дядька Платон.

– Папенька собирались ехать... – поведал он, потупившись, – да приболели.

* * *

Роман Николаевич давно уже страдал от болей в груди. Когда-то в молодости он получил удар копытом необъезженного коня, но не придал этому значения и не лечился должным образом. Со временем болезнь развилась в чахотку. Секунд-майор вышел в отставку и таял буквально на глазах.

Прибыв в Сокуры, Ганя едва успел застать отца в живых. Роман Николаевич лежал на кровати, укрытый одеялом, исхудавший, с нездоровым румянцем на впалых щеках. Возле него хлопотали Фёк-

ла Андреевна и нянька Марфа: то вытирали холодный пот со лба, то поправляли подушки. Увидев Ганю, обе заплакали и бросились его обнимать.

– Что с батюшкой? – холодея, спросил он и, мягко отстранив прильнувших к нему женщин, наклонился над кроватью.

Слабая улыбка скользнула по губам старого офицера. Он долгим нежным взглядом смотрел на сына. Потом едва уловимым жестом велел Фёкле и няньке удалиться.

– Батюшка... – заливаясь слезами, прошептал Ганя.

– Слушай меня, сынок! Слушай и не плачь. Всею своё время. Вот и мой срок пришёл. Береги мать. Я очень виноват перед ней. И перед тобой тоже виноват...

– Полно, батюшка! В чём ваша вина?

– В том, что оставляю вас в бедности. Совсем разорили наше имение недруги-мошенники. А судиться с ними я не смог. Такие вот дела, Ганечка... С турками воевать умел, а с соседями не научился.

– Не печальтесь, батюшка, не пропадём. Я подрасту – пойду служить! Матушку не оставлю, всегда буду заботиться.

По лицу Романа Николаевича скатилась слеза.

– погоди, Ганечка, еще не всё... Главная моя вина в том, что не успел я в положенный срок съездить в Петербург и записать тебя в полк на выслугу. К началу службы ты бы имел офицерское звание, а теперь придётся тебе начинать солдатом. Прости...

Ганя в волнении преклонил колени.

– Отец! Право, даже думать об этом не стоит! Что за беда – солдатская лямка? Обещаю, что буду служить образцово! Мне не придется долго ждать чинов!

Роман Николаевич еле заметно кивнул, было видно, что ответ Гани принёс ему облегчение. Он попытался ещё что-то сказать, но речь его становилась невнятной, приходилось напрягать слух, чтобы уловить какие-то слова. Последнее, что Ганя едва успел услышать от отца, было:

– Береги мать, сынок... И помни: на небе – Бог, а на земле – закон!

* * *

Со смертью Романа Николаевича дела в поместье пришли в полное расстройство. Денег едва хватило, чтобы достойно похоронить главу семьи.

Прежде Гавриил не задумывался, откуда берутся средства на еду, одежду, гостинцы. Всё казалось обычным укладом жизни. Теперь он впервые понял, насколько они с матерью бедны.

Соседи-помещики потихоньку отщипывали по кусочку от их угодий. Чужие мельницы затопляли державинские луга, крепостные из соседних деревень нагло ловили их рыбу, воровали кур и прочую живность, а Фёкла Андреевна едва успевала судиться и отражать иски на свою землю.

Для этого ей приходилось ездить в Казань и обивать пороги в присутственных местах. Иногда она брала с собой Ганю, и мальчик становился невольным свидетелем её унижений. Бедную вдову посылали из одного кабинета в другой, и, в конце концов, ей приходилось возвращаться домой ни с чем. "Где же он, этот закон? – с горечью думал Гавриил. – Что-то не видно..."

Но как бы тяжело ни приходилось Фёкле Андреевне, она последние гроши откладывала сыну на образование.

В 1758 году в Казани открылась мужская гимназия, первая в российской провинции. Это славное учебное заведение находилось под ведомством Московского университета, основанного великим Михаилом Ломоносовым и меценатом Иваном Шуваловым, фаворитом императрицы Елизаветы Петровны.

Первым директором Казанской гимназии (тогда говорили: "командиром") стал ассессор Московского университета Михаил Иванович Верёвкин. Амбициозный молодой человек, любимец и правая рука графа Шувалова, с первых же дней стал рьяно исполнять свои обязанности казанского просветителя. Так получилось, что Верёвкину оказывали содействие первые люди империи, он обладал большими полномочиями и умело ими пользовался. Начал он с того, что снял для гимназии самый большой и красивый дом в Казани и выписал дорогую мебель из Москвы. Затем пригласил московских преподавателей, посулив приличное жалование и возможность продвижения по службе. Это были в основном молодые люди, у которых недостаток опыта компенсировался пылкой решимостью посвятить себя народному просвещению.

Державин серьёзно подготовился к вступительным испытаниям и был принят с высокими баллами. Вместе с ним, к его великой радости, в гимназию поступил Митенька Неклюдов. К тому времени исполнилось им по пятнадцать лет...

* Настоящий волк (нем.)

Глава 2. Гимназия

– Кто знает, почему Казань называется Казанью? – спросил гимназистов учитель истории Евграфий Данилович Осколков.

Все молчали и переглядывались.

– В древние времена здесь жили волжские булгары. Народ кочевой, бедный. Решили они построить город, дабы жить оседло. Пришли к колдуну, спросили, в каком месте лучше начать строительство. Он и говорит: "Вот вам казан (котёл), врыйте его в землю и налейте воды. Коли закипит в нём вода без всякого огня, то значит там и быть городу! А не закипит – ищите в другом месте". Долго искали булгары: нигде не закипает вода. Наконец, пришли они на берег озера Кабан, поднялись на холм, закопали казан, налили воды. И случилось чудо – вода закипела! В честь того казана и был назван славный город.

– А как Казань стала татарской столицей? – спросил Митя Неклюдов.

Меряя шагами аудиторию и размахивая руками, Осколков увлечённо рассказывал о монголо-татарской Орде, о присоединении к ней Волжской Булгарии, о нашествии татар на русские земли и о великом стоянии на Угре и взятии Казани Иваном III.

– Матушка наша, императрица Елизавета Петровна, взошед на престол, разрешила татарам селиться везде, где им пожелается, и с тех пор в Казани все равны в правах – и русские, и татары. Не удивлюсь, господа, если среди вас тоже найдутся татары или их дальние родичи.

Державин вскинул руку:

– Во мне течет татарская кровь, господин учитель. Я – потомок мурзы Багрима, которого окрестил великий князь Василий Тёмный!

В классе пробежал недоверчивый смешок, но Осколков строго потребовал тишины. Он подошёл к большеглазому юноше, статному, с длинными светлыми волосами, волной спускавшимися на плечи.

– Должен заметить, что вы совсем не похожи на татарина, – с улыбкой заметил он. – Ваше имя?

– Гавриил Державин!

Историк кивнул и стал серьёзным.

– Мне известен славный род Державиных. Он и впрямь берёт начало от Багрима. Итак, – он окинул глазами класс, – вы напрасно смеялись, друзья мои. Перед нами – потомок великого мурзы!

Гимназисты притихли, с любопытством глядя на своего товарища. После этого случая все стали звать Державина "мурзой".

Учителя Казанской гимназии, выходцы из Московского университета, были кумирами своих учеников. А директор Михаил Верёвкин, настоящий рыцарь просвещения, стал одним из самых уважаемых людей в Казанской губернии, вторым после губернатора. Чтобы наглядно продемонстрировать успехи своих воспитанников, он затеял поставить силами гимназии известные пьесы русских и иностранных авторов. Поскольку императрица Елизавета Петровна страстно любила театр, то и сценические воплощения гимназистов приветствовались властями.

В Казанской гимназии был поставлен "Гамлет" Шекспира в весьма свободном переводе Сумарокова. Юные актеры, не имевшие о подлиннике никакого представления, свято верили, что благородный датский принц, победив предателя-короля Клавдия, благополучно женился на Офелии и стал добрым и справедливым владыкой своей страны. Так перевёл "Гамлета" Сумароков. Но шекспировская мысль всё-таки пробивалась сквозь вольное авторское прочтение. Особенно ясно она звучала в монологе "Быть или не быть":

Умереть... и внийти в гроб – спокойствие прелестно,
Но что последует сну сладку? – Неизвестно.

Столь сложные произведения не всегда удавались гимназистам, и тогда Верёвкин решил поставить спектакль собственного сочинения, простой и понятный. Он задумал привлечь к нуждам гимназии местных меценатов, и поэтому в его пьесе действующими лицами были губернатор, чиновники

городской магистратуры и богатые купцы, которые по ходу действия постоянно жертвовали деньги для гимназии.

Верёвкин лично руководил репетициями, стараясь, чтобы весь курс принял участие в постановке. Одни прилежно учили роли, другие готовили освещение, третьи подбирали реквизит.

Особое задание получили лучшие воспитанники, любимцы Михаила Ивановича – Державин и Неклюдов. Они должны были смастерить картонные фигуры Ломоносова и Сумарокова и, держа их перед собой, взобраться на священную гору Парнас, изготовленную реквизитной бригадой. По замыслу директора, Сумароков и Ломоносов, стоя на вершине Парнаса, поочередно воздавали хвалу императрице Елизавете Петровне, чей портрет красовался на задней кулисе сцены.

Фигуры великих поэтов, мастерски скопированные с портретов и раскрашенные масляными красками, получились очень похожими на оригиналы. На месте глаз были прорезаны дырочки, из которых выглядывали весёлые глаза Гани и Мити. Имелась также небольшая прорезь возле губ, позволяющая свободно проникать звуку. Верёвкин самолично взошёл на гору Парнас, проверить, чтоб та не развалилась, а затем проэкзаменовал воспитанников: хорошо ли запомнили слова.

– Надобно не только не сбиться, но прочесть громко, с выражением, – неустанно наставлял он.

На генеральной репетиции мальчики старались от души. Начинал Державин стихами из оды Ломоносова с длинным названием: "На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны":

Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И счастьем отверзает дверь!

Ему вторил Сумароков-Неклюдов:

От скверных льстивых уст ты уши отвращай
И в утеснении невинных защищай...

И далее, в том же духе, словно переключаясь друг с другом, картонные Ломоносов и Сумароков продолжали славить императрицу.

* * *

Приближался день спектакля, приуроченный к годовщине открытия Московского университета.

– Ты хорошо запомнил слова? – беспокоился Державин, привыкший опекать друга. – У тебя стихи сложнее моих. Эх, надо было дать тебе роль Ломоносова!

– Что ты, – успокаивал Митя, – я Сумарокова хорошо затвердил. Какие, право, гении оба! И, наверное, дружат, как мы с тобой?

Гимназисты, конечно, не знали о постоянных распрях между двумя русскими поэтами. Даже императрицу Елизавету Петровну в своих одах воспевали по-разному. Ломоносов – прямолинейно и бесхитростно, Сумароков между строк поучал её, стараясь внушить благие мысли.

Перед началом представления Верёвкин прошёл за кулисы поддержать и ободрить артистов и, между прочим, сообщил, что в зале находятся не только первые лица Казани, но и гости из других городов: директора школ из Перми, Саратова, Екатеринбурга и Оренбурга. Услышав новость, Митенька вышел на сцену, закрытую от зала бархатным занавесом, поглядел в глазок и в страхе отпрянул.

– Что с вами, Неклюдов? – улыбнулся Михаил Иванович. – Не бойтесь! Публика сегодня самая доброжелательная.

Он пожелал артистам успешного выступления и ушёл в зал. Державин бросился к побледневшему Мите.

– Что с тобой?

– Ох, Ганя, кажется, там... герр Розе! Погляди!

Державин прильнул глазом к прорехе в тяжёлой ткани и тихо рассмеялся. В пятом ряду переполненного зала действительно сидел учитель-немец. Хотя лысая его голова была прикрыта напудренным париком, не узнать его было невозможно. Он ерзал, оглядывался и нагло рассматривал публику в лорнет.

Гавриил с улыбкой потрепал друга по плечу.

– Не трись, он давно уже не "Ein echter Wolf", а старый облезлый шакал. Что он может нам сделать?

Но Митя не мог успокоиться. Он нервно расхаживал за кулисами и без конца повторял слова своей роли.

Первая часть спектакля прошла успешно. Изобразив благонравных городских меценатов, актеры покинули сцену, получив заслуженную долю славы и аплодисментов. Далее следовал финал. Во время антракта на подмостках был установлен Парнас, а Ганя и Митя облачились в картонный реквизит, закрепив его на спине верёвочками. Прозвенел третий звонок, и "Ломоносов", ободряюще подмигнув "Сумарокову", забрался с ним на вершину священной греческой горы. Бархатное полотнище взмыло вверх. Воцарилась тишина...

Первым начал Ганя. С большим воодушевлением он прочёл отрывок из оды Ломоносова, ни разу не сбился. Настала очередь Мити, но он почему-то держал длинную паузу. В отверстиях для глаз виднелись его расширившиеся чёрные зрачки. Подождав немного, Ганя попытался тихо подсказать другу слова: "От скверных лъстивых уст ты уши отвращай..."

Но тот как будто ничего не слышал и стоял, как истукан. Заученные слова мгновенно вылетели из головы, перед глазами маячила ненавистная физиономия герра Розе, а в ушах звенело: "Я – волк?! Волк, да?".

Удивленная публика притихла в ожидании. Молчание затягивалось до неприличия, и в зале уже послышались гул и перешептывание. Но в это мгновение Митя вдруг заговорил. Громко, отчетливо, "с выражением", как и положено артисту... Только текст был совсем другим!

Волк ел – не знаю, что, – и костью подавился,
Метался от тоски, и чуть он не вздурился.
Увидел журавля и слезно стал просить
Чтоб он потщился в том ему помощник быть...

Губернатор в недоумении взглянул на Верёвкина. А тот схватился за голову, и уже хотел было остановить спектакль, но его превосходительство, предостерегающе поднял палец, что означало: "Не мешайте!".

Журавль свой долгий нос в гортань ему пускает
И вынимает кость. Потом он просит мзды,
Что он от таковой спас злой его беды.
"Довольствуйся ты тем, – зверь хищный отвечает, –
Что Волк тебя в таком здоровье оставляет,
Какое до сея услуги ты имел,
И радуйся тому, что нос остался цел!"

В этом месте Митя приумолк, потом набрал воздух в лёгкие, и, смело глядя на герра Розе, выдал мораль:

Тот права честности немало сберегает,
Кто людям никогда худым не помогает!

Несколько мгновений все молчали, переглядываясь. Но когда губернатор с благосклонной улыбкой медленно сблизил ладони в белоснежных перчатках, тревожная тишина зала взорвалась громом аплодисментов. Публика кричала "Браво!". Всем понравилась басня, и многие вспоминали случаи из своей жизни, когда им приходилось побывать в роли Журавля. Верёвкин, придя в себя, тоже стал громко хлопать и кричать "Браво!"

Державин облегчённо перевел дыхание и тихонько сказал, глядя другу в глаза: "Ты – герой!"

Когда опустили занавес, они сбросили свои картонные облачения и обнялись. Потом все участники спектакля вышли на авансцену поклониться публике. Зрители долго ещё хлопали в ладоши и кричали "ура" славной Казанской гимназии и неумолимому ее командиру – Михаилу Ивановичу Верёвкину. На глаза Державина навернулись слёзы:

– Никогда не забуду этого дня!

– И я тоже... – прошептал Митя.

В минуту душевного волнения они совсем забыли о своём учителе-мучителе Розе. Каким ничтожным казался он сейчас! Впрочем, немца уже не было в зале: под шумок он незаметно скрылся от греха подальше...

* * *

Грызть гранит науки – занятие нелёгкое и порой не очень весёлое. Но неутомимый Михаил Верёвкин всегда умел добавить в жизнь гимназистов частицу творческой одержимости.

Летом директор организовал поездку в Чебоксары, где гимназисты учились чертить план города. На другой год послал весь курс на раскопки древнего города Булгары, назначив старшим любимого ученика, Гаврилу Державина, которого справедливо считал своей правой рукой.

Однажды он навестил пансионат при гимназии, где жили воспитанники, устроил общее чаепитие и, между делом, сообщил, что в России до сих пор нет карты древней Булгарии.

– Вы только подумайте! – горячился Михаил Иванович. – Есть лишь отдельные планы и эскизы, которые не дают общего представления о великом татарском ханстве. И кому, как не нам, взяться за сей благородный труд – составить подробную историческую карту и отправить её в Московский университет, моему другу графу Шувалову! Весть о нашем достижении непременно дойдёт и до её величества! А? Что скажете?!

Гимназисты с воодушевлением приняли его предложение. Начались обсуждения, с чего начать, какие архивы посетить, какие земли объездить... Верёвкин предложил создать отряд картографов и выбрать командира.

– Державина! – воскликнул худенький Митя Неклюдов, с гордостью глядя на своего друга, возмужавшего не по годам.

– Верно! Пусть командиром будет Мурза! – дружно подхватили гимназисты.

Державин согласился не сразу. Слишком сложной показалась ему затея Михаила Ивановича. Но товарищи настаивали, упирая на то, что Державин – первый ученик в геометрии и черчении.

В конце концов, к общему восторгу, Гавриил принял командование. Стали обсуждать, какой выбрать масштаб карты. Верёвкин предлагал на три версты один дюйм. Но такая карта не поместилась бы ни на одном столе, разве что на полу в большом зале. Когда все уже стали склоняться к тому, чтобы взять меньший масштаб, Державин неожиданно согласился с Михаилом Ивановичем:

– Если уж делать карту, то большую, подробную, чтоб не стыдно было показать в московском университете.

На том и порешили.

* * *

В составлении карты был занят весь курс. Державин распределил обязанности и всем дал поручения. А Михаил Иванович добился для своих воспитанников разрешения посещать городской архив и пользоваться старинными картами. Их копировали, увеличивали, сшивали воедино. Очертания границ Булгарского Каганата переносили на огромное белое полотно, расстеленное на чердаке: больше нигде оно не поместилось.

Всё лето гимназисты трудились на раскопках древних курганов. Когда сбор необходимого материала был окончен, Державин выбрал из своего отряда самых умелых чертёжников и рисовальщиков для окончательного оформления карты. Это был тяжёлый труд, приходилось часами рисовать, стоя на коленях или сидя на корточках. Причём, все работы производились во внеурочное время. Если на раскопки мальчишки отправлялись охотно, то торчать на чердаке, словно в тюрьме, вырисовывая крошечные поселения, леса, холмы, речки, ручейки и озера, им скоро надоело.

Потихоньку, друг за другом, гимназисты покидали своего командира. В конце концов заканчивать карту остались только Державин и верный его друг Неклюдов. Было видно, как трудно слабому здоровью Митеньке бесконечно рисовать, ползая по гигантскому полотну. Но он не бросил своего товарища, остался с ним до конца.

Недаром в народе говорят: "глаза страшатся, а руки делают". Всякому начинанию приходит конец, который, как известно, делу венец. Закончилась и работа над картой древней Булгарии. Она была свёрнута, бережно упакована в рогожу и отправлена специальным курьером попечителю Московского университета графу Ивану Ивановичу Шувалову.

Через месяц пришел ответ.

Директор выстроил гимназистов в актовом зале и торжественно поздравил их с окончанием сложной и ответственной работы. Потом огласил распоряжение его сиятельства. В письме Шувалов благодарил всех за подвижнический труд и велел наградить исполнителей. Членам державинского отряда было пожаловано по десять червонцев, а Митеньке Неклюдову сверх того вручили памятную медаль Московского университета "За труды в просвещении". Что касается командира отряда, то на него была прислана особая бумага. За успехи в составлении карты Гавриил Державин был зачислен в Петербургский инженерный корпус "кондуктором", то есть, в звании выше унтер-офицера.

Отныне ему полагалось носить красный с золотыми пуговицами инженерный мундир. Верёвкин вызвал в гимназию лучшего портного, тот снял мерки, и уже через неделю Ганя был экипирован должным образом.

Радости его не было предела! После выпуска можно сделать блестящую карьеру в Инженерном корпусе. Прощай, бедность! Отец мог бы им гордиться... Огорчала только разлука с Митей: тот с детства был записан отцом в Измайловский полк и должен был начать службу прапорщиком. Но ещё предстояло полгода учебы.

– Всё равно мы будем видеться в Петербурге! – строил планы Митя. – Эх, Мурза, ты представить не можешь, какое это чудо – столица! Совсем другая жизнь!

Слушая Митю, Державин вспоминал слова отца на смертном одре: "Главная моя вина в том, что не успел я в положенный срок съездить в Петербург и записать тебя в полк на выслугу"...

Гавриил перекрестился... Теперь душа батюшки успокоится на небесах: будущее сына обеспечено. До офицерского звания – полшага, а к инженерному делу у Гани и впрямь была немалая склонность. Не зря граф Шувалов отметил его среди всего курса.

Больше всех радовалась Фёкла Андреевна. Ее дорогой мальчик, её счастье, надежда и гордость зачислен в Инженерный корпус. Его не будут до изнеможения гонять по плацу и заставлять тянуть носок сапога. И не придётся ему в холод и зной стоять под ружьем в караулах или бегать с донесениями по квартирам командиров. Он будет учиться инженерному делу, а случись война, по его проектам станут возводить крепости, земляные валы, мосты, переправы... Вытирая слёзы радости мать в десятый раз перечитывала письмо Ганечки о том, какую великую милость оказал ему граф Шувалов.

* * *

Тем временем в России произошла смена власти. 25 декабря 1761 года умерла "дочь Петрова", императрица Елизавета, и на престол вступил её племянник, обожатель прусского короля Фридриха Великого, Пётр III, урождённый Карл Петер Ульрих.

Вскоре в гимназию была доставлена депеша из императорской канцелярии. Ознакомившись с ней, Верёвкин задумался и долго сидел, опустив голову. Потом распорядился вызвать Державина. Довольный возможностью удрать с урока, Ганя явился к Михаилу Ивановичу в новеньком красном мундире и по-военному стал во фронт. Ему недавно исполнилось восемнадцать лет. Он заметно прибавил в росте, плечи раздвинулись, синие глаза весело сияли, густые светлые волосы были заплетены сзади в косицу, перевязанную чёрной лентой.

– А-а! Это ты, Гаврюша, – ласково сказал Михаил Иванович. – Проходи, садись.

Державин сел у стола, открыто глядя на директора, а тот, напротив, почему-то отводил взгляд.

– Вот какие дела, дружок... Утром прибыл приказ из Петербурга... – Верёвкин замолчал, почесал в затылке и отдал гимназисту бумагу: – На, прочти сам.

Юноша развернул мелованный лист, украшенный императорской короной. Он перечитал его дважды. В приказе Гавриле Романовичу Державину предписывалось... явиться в лейб-гвардии Преображенский полк для прохождения службы!

Как и где напутали с документами, и кто был в этом виноват, он так никогда и не узнал. Ясно было одно: вместо Инженерного корпуса он был зачислен в Преображенский полк рядовым гвардейцем.

Все радужные мечты вмиг рухнули. Его старания и заслуги, бессонные ночи, проведённые возле карты, – всё оказалось напрасным. Он – солдат! И с этим ничего нельзя поделать. В бумаге имелась ссылка на приказ нового императора: всем преображенцам прервать отпуска и явиться к месту службы. В довершение всех бед приказ опоздал. Срок явки был указан 1 января 1762 года, а уже начался февраль.

Непослушными руками Державин медленно стянул с себя мундир Инженерного корпуса, аккуратно повесил его на спинку стула и молча вышел из кабинета.

Постигшую друга беду Митя воспринял, как свою собственную. Он был в отчаянии. Им предстояла скорая разлука... И кто знает, доведется ли свидеться вновь? Неклюдову предстояло окончить курс, а недоучившийся Державин должен был немедленно отправляться в полк. Первым порывом Мити было бросить гимназию и тоже рвануть в Петербург. И сколько Гавриил не объяснял ему бессмысленность такой жертвы, тот упрямо твердил:

– Ты всегда мне помогал, и я тебя не оставлю. Разве ты не поступил бы так на моём месте?

Ганя покачал головой и сказал твердо:

– Будь я на твоём месте, то остался бы в гимназии и окончил курс. А потом поехал бы в Петербург и начал карьеру, уже имея офицерское звание. И в этом нет никакого себялюбия или предательства.

– Почему?

– Подумай! Ведь у тебя будет гораздо больше возможностей помочь мне, если ты сам будешь силен.

Митя задумался.

– Ты прав, Мурза... Как бы ни сложилась судьба, – ты мой друг навеки!

Директор всё-таки помог Державину экстерном сдать экзамены и получить аттестат. Собрав нехитрые пожитки, Гавриил выехал в родные Сокуры, с тревогой думая, как перенесёт мать недобрую весть. Но к его удивлению, Фёкла Андреевна проявила стоическое самообладание. Она лишь тихо охнула, но сразу опомнилась:

– Не горюй, сыночек! Бывают несчастья и похуже. А Преображенский полк – это всё-таки гвардия. Будешь жить в столице, Бог даст, там и выслужишься...

Словом, вместо того, чтобы утешать мать, Державин сам услышал от неё слова утешения. В дорожку Фёкла Андреевна вручила ему сто рублей на расходы и отдельно, в красном замшевом мешочке – серебряный рубль-крестовик петровских времен.

– Это тебе наш семейный оберег, ангел мой! Подарок моего батюшки... Храни его и вспоминай меня хоть изредка!

Она перекрестила сына и улыбнулась через силу. Державин выехал в столицу успокоенный, обласканный, чувствуя себя настоящим богачом.

Глава 3. Преображенец

Петербург показался Гавриилу настоящим чудом света! Даже милая его сердцу Казань не могла с ним сравниться. Зимний дворец, монументальное здание Адмиралтейства с золотым корабликом-флюгером на шпигеле, нарядный Невский проспект, кунсткамера, мосты, бульвары, нарядно одетые люди. Но его простодушный восторг и природный оптимизм вмиг иссякли, едва он переступил порог канцелярии Преображенского полка.

– О, брат, просрочил! Ха-ха-ха! – заржал майор Терентьев, заглянув в документы Державина.

– Я не виноват...

– Уморил! Все не виноваты. Порядок, однако, один: гауптвахта до рассмотрения вашего дела. Эй, Лавкин!

Прибежал долговязый капрал, чтобы арестовать новобранца, но Державин не сдвинулся с места. Буря бушевала в его груди. Не может быть, чтобы после стольких душевных волнений, выпавших на его долю, с ним могли обойтись так жестоко.

– Ваше благородие! Извольте пересмотреть мои бумаги и отметить дату, когда императорский приказ был доставлен в Казанскую гимназию. У меня не было ни малейшей возможности прибыть в срок!

Терентьев, ошарашенный неожиданным напором юноши и его уверенностью в своей правоте, углубился в изучение бумаг и выяснил, что тот совершенно прав. Опоздал не солдат, а приказ.

– Ну, что ж... Ладно! Считай, братец, что тебе повезло. Но впредь знай: с дисциплиной у нас строго. Одно слово – гвардейцы! Преображенцы!

Одержав маленькую победу, Гавриил попытался развить свой успех – стал просить зачисления в Инженерный корпус, но смешливый майор замахал руками:

– Что? Ха-ха! Разве я решаю такие вопросы? Тебе, брат, нынче и граф Шувалов не поможет. Его величество император Петр Федорович не больно-то жалуется фаворитов покойной тетушки.

– К кому же мне обратиться, ваше благородие?

Терентьев снова уткнул нос в его бумаги, а потом взглянул на Державина уже серьёзно, без смеха.

– В том-то и дело, любезный друг, что не к кому! Вы – провинциальный дворянин, приехали издалека... И полезных связей у вас в Петербурге нет. Так ведь? Придётся потянуть солдатскую лямку, и не надейтесь, что вас скоро повысят в чине.

– Почему? Другие служат и выслуживаются!

Майор усмехнулся и ответил неопределенно, но не без некоторого сочувствия:

– Ну, дай Бог...

Державина зачислили в третью мушкетёрскую роту, облачили в кургузый зеленый мундир и поселили в казарму. По дворянскому статусу он имел право снять квартиру, но для него это было слишком дорого.

Служба в лейб-гвардии считалась почётной, в неё отбирали самых лучших рекрутов. Крепостной мог дослужиться до капрала. Офицерами в императорской гвардии могли быть только дворяне, и их звания были на две ступени выше, чем в армии. Гвардейский прапорщик приравнивался к поручику, майор – к полковнику...

Державин с детства привык всюду быть лучшим: и в драках с дворовыми мальчишками, и в школе герра Розе, и в Казанской гимназии. Вступив в гвардию, он день и ночь учился ружейным приёмам, шагистике и прочим армейским премудростям. Он даже договорился с унтер-офицером и доплачивал ему за дополнительные занятия. Бывало, вечерами, когда остальные солдаты, одурев от усталости, брели в свои казармы, Державин без конца маршировал, заряжал ружья, стрелял по мишени, колот штыком манекен...

Император Пётр III любил устраивать фронтные учения и смотры. Гвардейцы забавляли его, как оловянные солдатки – единственная отрада его невесёлого детства. Он требовал безупречной слаженности строя для парадных маршей. Нужно было знать множество команд и мгновенно выполнять их – все движения доводились до автоматизма. Державин учился всему, стиснув зубы: "Если я семилетним мальчиком не сломался в школе герра Розе, да ещё и овладел немецким, то в восемнадцать выдержу всё, что пошлёт мне судьба. Бог не оставит меня". Через несколько месяцев в солдатской выучке он далеко обогнал своих товарищей, в том числе и тех, кто прибыл в полк раньше него.

Гвардейские казармы отличались от обычных, армейских. В комнатах-клетушках, разделённых дощатыми перегородками, гвардейцы жили со своими жёнами и детьми. До Державина постоянно доносились то пьяные крики и ругань, то любовные воркования. Только глубокой ночью, выждав, когда все улягутся спать, он зажигал свечу и при слабом свете читал книги – русские и немецкие. Прознав, что он грамотей, солдатские жёны стали иногда просить его написать письмо в родную деревню. Державин им не отказывал. Писал под диктовку, а порой и сам сочинял послания на любой вкус: и весёлые и "жалистные". Пробовал даже писать в стихах, что вызывало у неприхотливых заказчиков неподдельный восторг.

В качестве поощрения женщины ему стряпали и стирали, а их мужья выполняли за него полковые наряды – ходили в караулы, работали на полковом дворе. Однажды Державин сложил "Похвальную песенку Наташе" – маленькой дочери знакомого гвардейца. Бесхитростные вирши мгновенно облетели весь полк и стали предметом всеобщего восхищения. Теперь у Державина не было отбоя от заказчиков: он каждый день сочинял песни, частушки, забавные, а иногда и забористые куплеты на тему солдатского житья-бытья. Что греха таить, ему была приятна слава полкового стихотворца, но он считал это занятие пустой забавой, не имеющей ничего общего с поэзией.

Как-то он купил книгу Василия Кирилловича Тредиаковского "Новый и краткий способ к сложению российских стихов". Дождавшись ночи, запёрся в своей комнатке, присел к столу возле свечки и под солдатский храп стал читать. И ничего не понял! Силлаботоника, гекзаметр, ямб, анапест... Он был поражён: оказывается, поэзия – это целая наука, совсем не то, что его стишки...

Державин вздохнул и вышел из казармы. В ночной прохладе нежно стрекотали кузнечики. Звёзды, словно лампы, озаряли небосвод. Какую загадку хранят в себе неведомые планеты, созвездия, далёкий Млечный путь? Что там? Неужто, такие же миры, как наш?

"Звёздам числа нет, бездне – дна", – прошептал Державин, с наслаждением вслушиваясь в каждое слово, глядя в ночное небо, вдыхая прохладный свежий воздух...

Он ещё не знал, что занятие стихосложением принесло ему серьёзные неприятности. Однажды случилось ему сочинить потешные куплеты об офицере их полка, приударившем за женой полкового секретаря. Стихи не были злыми, и офицер только посмеялся, а вот секретарь затаил обиду и стал

мстить. Всякий раз, когда ему поручали перебелить список гвардейцев, представленных к повышению в звании, он "случайно" пропускал фамилию Державина.

* * *

Наступали тревожные времена... Армия и гвардия глухо роптали, не скрывая недовольства императором-немцем. Всеобщее раздражение достигло предела, когда Пётр Фёдорович велел создать немецкий полк, состоящий из одних голштинцев, и расквартировал его в своей резиденции – Ораниенбауме.

Голштинцам оказывалось явное предпочтение, за что русские солдаты их люто ненавидели и при удобном случае всюду задирали: на смотрах и парадах, в трактирах и на ярмарках. Да и за что их было любить? Немцы держались особняком, лопотали по-своему, получали самое лучшее довольствие и амуницию, да и жалование их было вдвое выше. А самое обидное было в том, что им легко доставались воинские звания. Два-три месяца – и солдат становился унтер-офицером.

Державин сторонился казарменных возмущений, голштинцев не ругал, а, напротив, часто разговаривал с ними, упражняясь в немецком. Каким-то неизъяснимым чутьём он всегда отделял себя от простых солдат, многие из которых были выходцами из крепостных крестьян и попали в прославленный полк лишь благодаря росту, физической силе и белокурым волосам.

Гвардейские полки в те времена формировались "по масти". Каждый полк имел свои отличия. Вороньи кони – черноволосые кавалеристы, рыжие скакуны – соответственно, рыжие наездники и т.п. Державин ни в чём не уступал самым видным гвардейцам полка – ни во внешнем виде, ни в дисциплине, ни в военной выучке. К тому же он был природным дворянином и, казалось, мог легко продвинуться по службе. Тем не менее, время шло, а его военная карьера никак не складывалась. В чём дело? Как ни странно, виной всему оказалось именно благородное происхождение. От потомка древнего рода мурзы Багрима начальство ждало приличную взятку, а у него не было денег удовлетворить их аппетиты. В отместку его обходили чинами. Он видел, что молодые гвардейцы, пришедшие в полк после него, уже стали капралами, а он оставался рядовым.

Однажды он стоял в карауле возле арсенала, как вдруг неподалеку остановилась золочёная карета, запряжённая четвёркой горячих скакунов. Дверца распахнулась, и на дорогу вышли двое: смуглый черноволосый мужчина в бархатном камзоле и худенький курносый полковник в зелёном мундире голштинского образца. Заметив караульного, полковник широким шагом направился прямо к нему, решительно отстранив своего спутника, который пытался удержать его.

– Да отстань ты, Бастидон! Я сам! – раздраженно сказал он по-немецки.

Державин, как положено в таких случаях, поднял мушкет. Но полковник, не обращая внимания на его предупреждение, продолжал смело приближаться к границе караульного поста. И вдруг сердце Державина вздрогнуло. Он узнал императора Петра III. Не сбавляя шага, венценосный "нарушитель" приблизился к будке и, оглядев часового, весело подмигнул:

– GutenMorgen, mein Soldat!*

– Здравия желаю, ваше императорское величество! – также по-немецки отчеканил Державин, вытягиваясь в струну.

Пётр Фёдорович явно был доволен и, наклонившись к уху караульного, доверительно спросил шёпотом, мол, где тут ближайший *sortir*?

Державин от неожиданности опешил. Он был готов услышать всё, что угодно, кроме этого обыденного человеческого вопроса. В детстве он думал, что цари вообще обходятся без отхожих мест: ведь они Богом избранные существа!

Опомнившись, он толково объяснил, куда надо идти, и Пётр Фёдорович бодро зашагал в указанном направлении.

"Уму непостижимо! Царь! И как прост, как доступен!", – в смятении думал Державин.

Через несколько минут император, насвистывая немецкую песенку, вернулся и, хлопнув часового по плечу, бросил небрежно:

– Ein guter Ort zum Wandern.**

Потом стал расспрашивать Державина, кто он, откуда и почему знает немецкий язык. По артикулу часовому запрещалось вступать в разговоры с посторонними лицами. Но, здраво рассудив, что император – лицо отнюдь не постороннее, а государственное, Гавриил кратко рассказал о себе.

– Mein Gott! Какая возмутительная несправедливость, мой дорогой друг! – воскликнул император. – Дворянину не место у караульной будки! Хотите служить в моём голштинском полку?

Державин замер на мгновение, не веря своим ушам. Вот она улыбка Фортуны! И на чистом немецком языке, который старательно вы зубрил в школе бывшего каторжника Розе, ответил:

– Ваше императорское величество! Готов служить верой и правдой всюду, где прикажете! Моя жизнь принадлежит вам, и я готов отдать её за ваше величество!

– Sehr gut! Вы станете сержантом! Мне нужны верные люди... Эй, Бастидон! Напомни мне вечером об этом гвардейце!

* * *

Через неделю Державина вызвали в полковую канцелярию и объявили о переводе в Голштинский полк. Бумагу об отчислении из Преображенского полка ему вручил тот самый весёлый майор Терентьев, который полгода назад чуть не посадил его под арест за опоздание.

– Ха-ха-ха! Умора! Немец выискался! Погляди-ка на него, брат Лавкин!

Худой длинный капрал мрачно поглядел на Державина, а майор продолжал балагурить:

– А ну, скажи что-нибудь по-немецки!

– Sie sind sehr gutherzig, Herr Major!***

Терентьев похлопал глазами и снова рассмеялся. Без смеха он не мог прожить и минуты.

– Во как! Сразу видно образованного дворянина! Не то, что ты, Лавкин! Ладно, не дуйся, пошутит! Ха-ха!

Капрал промолчал и окинул новоиспечённого голштинца завистливым взглядом.

Выйдя из канцелярии, Державин отправился в казарму, но по пути заметил, что на плацу творится нечто необычное.

Несколько верховых офицеров, прискакавших на взмыленных конях, кричали, что государыня в опасности и нужно немедленно идти ей на помощь. В один миг всё пришло в движение: забегали гвардейцы, запела тревогу труба, загремели барабаны! Офицеры спешно строили свои роты. Но среди них были и те, кто пытался остановить беспорядки и, обнажив сабли, вступали с бунтовщиками в бой.

* * *

Город охватила смута. По улицам Петербурга, чеканя шаг, войска двигались к Дворцовой площади, а с тротуаров отовсюду слышались разноречивые восклицания:

– Екатерина Алексеевна арестована в Зимнем!

– Господа, это ложь! Её величество в Петергофе, на именинах императора Петра Фёдоровича!

– Он нам не император! Екатерина – наша государыня!

На площади перед Зимним дворцом собрался народ и выстроились гвардейские полки. Один Державин метался, не зная, что делать. Из Преображенского полка он уже был уволен, а в Голштинский ещё не успел вступить. Да и не было на площади ни одного голштинца. Неожиданно среди офицеров он заметил майора Терентьева и кинулся к нему.

– Ваше высокоблагородие!

Увидев его, майор засмеялся было по привычке, но тут же осёкся и, тревожно оглянувшись, поманил рукой. Они отошли в сторонку.

– Вот как оно вышло, брат! Сенат присягнул новой императрице. Сейчас будет присягать гвардия. Бумага при тебе?

– Так точно!

Державин вытащил из-за отворота мундира приказ о зачислении его в голштинский полк и протянул майору. Тот пробежал его глазами и неожиданно спросил:

– Кресало есть? Отлично. Давай, братец, да прикрой меня от посторонних глаз. Ну что стоишь, как пень? Ха-ха-ха! Между прочим, я тебе жизнь спасаю!

Не успел Гавриил охнуть, как бумага вспыхнула и через несколько мгновений превратилась в пепел.

Терентьев встряхнул ладони и быстро, но внятно прошептал:

– Ты у меня в канцелярии не был. Я тебе ничего не давал. Понял, брат?

– Понял, ваше высочество!

– Теперь ступай к своим и становись в строй!

– Слушаюсь!

Державин отыскал третью роту и занял место в строю. По площади прокатилось громогласное: "Виват!". Из Зимнего дворца, окружённая свитой, вышла её величество Екатерина Алексеевна. На ней был гренадерский мундир Преображенского полка. На голове – треуголка, длинные тёмные волосы схвачены сзади чёрным бантом. Да, это она... Как прекрасна, молода и полна отчаянной решимости!

– Гвардейцы! – раздался её звучный голос. – Знаете ли вы, кто я?

– Зна-а-аем! – прокатилось по площади.

– Мои храбрые воины! Император Пётр Фёдорович перешёл на сторону прусского короля! Он собирается расформировать гвардию и заменить её немецкими наёмниками!

– Долой императора! Екатерину – на престол!

– Крымский хан ведёт на Россию своё войско, а император-предатель послал нашу армию на войну с Данией! Он вызвал из Голштинии лютеранских попов, чтобы заменить ими православных священников!

– Отстоим нашу веру!

Спешно началось принятие присяги. Ротные командиры читали перед строем слова клятвы на верность новой императрице, а меж рядами ходили священники и давали воинам крест для целования. Вместе со всеми присягнул и Державин. "Бог уберёт меня от роковой ошибки", – подумал он.

Благодарными, влажными от слёз глазами императрица глядела на своих гвардейцев. Когда воцарилась тишина, вновь прозвучал её звонкий голос:

– Гвардейцы! Император укрылся в Ораниенбауме и собирает войска, чтобы погубить меня!

– Смерть императору!

В эту минуту Екатерине подвели её любимого коня по кличке Бриллиант, и она легко вскочила в седло. Державин глядел, не отрываясь. Он и раньше видел её портреты, но сейчас поразился, как хороша она наяву, а не на холсте! Загадочный взгляд тёмно-синих глаз, мягкий подбородок, красиво очерченный рот, приоткрытый в милостивой улыбке. Её маленькая рука, затянутая в белую офицерскую перчатку, потянулась к ножнам, а потом вскинулась вверх, держа золотую шпагу. Приподнявшись в стременах, Екатерина задорно воскликнула, обращаясь к гвардии:

– Дети мои! Кто меня любит – за мной!

И площадь, словно живое существо, грянула в едином порыве:

– Виват!!!

Державин стоял в первом ряду, ему было хорошо видно, как императрица пустила своего Бриллианта рысью по брусчатой площади, вдоль полков. За ней скакала свита, а позади пристраивались кавалерийские эскадроны Измайловского, Семёновского и Преображенского полков. Все были готовы мчаться за государыней в Ораниенбаум или хоть на край света.

Словно ангел небесный, пронеслась Екатерина мимо Державина. На миг они встретились глазами, и государыня улыбнулась белокурому статному гвардейцу. Он задохнулся от счастья и заворожённо проводил её взглядом.

Когда императрица и кавалерийские полки покинули площадь, в строгом порядке стала выдвигаться пехота, и всё потонуло в грохоте барабанов и нескончаемых криках: "Виват!". Гвардейцы знали себе цену. Им не впервой было решать династические вопросы с помощью штыков.

* * *

Мушкетёрам третьей роты Преображенского полка было приказано стать лагерем в Петергофе. Наступили сумерки, но всё вокруг сияло... Горели костры, в небо то и дело взлетали разноцветные шутихи, гремела полковая музыка, вино лилось рекой.

По иронии судьбы щедрое угощение и пиротехника были доставлены по приказу самого Петра Фёдоровича, который сегодня должен был прибыть из Ораниенбаума в Петергоф, чтобы отпраздновать своё тезоименитство – день святых Петра и Павла. Узнав о дворцовом перевороте, император рванулся было в Кронштадт, но морская крепость уже приняла присягу Екатерине Алексеевне.

Гвардия праздновала победу, доставшуюся ей без единого выстрела. Голштинские войска не стали защищать своего императора и разбежались, не приняв боя, а придворные Петра Фёдоровича тихо разъехались по своим поместьям от греха подальше.

Преображенцы расположились в аллеях Петродворца, пили, ели и гуляли всю ночь. Лишь Державин не принимал участия во всеобщем веселье и угрюмо бродил между деревьями.

Что же получается? Только вчера он обещал служить верой и правдой законному императору Петру Фёдоровичу, а сегодня присягнул на верность Екатерине... Ему не хотелось признавать себя предателем. Присягнула вся гвардия! Не могут ошибаться разом столько людей. Но всё-таки... Что-то

саднило в груди и тревожило душу: он помнил, как милостив и дружелюбен был с ним низложенный император.

Под утро на центральной аллее он увидел чёрную карету, которую мчала запряженная цугом шестёрка лошадей. Окна были зашторены, карету облепили гранадеры. Они примостилась везде, где только можно: на запятках, на козлах, на подножках. Но в какой-то момент занавеска на окне вдруг поднялась, и потрясенному Державину явилось бледное лицо императора Петра III. Словно затравленный зверь, тоскливо и безнадежно глядел он сквозь стекло. Заметив Державина, он встрепенулся, подался вперед, губы его шевельнулись, и гвардеец скорее угадал, чем услышал:

– Mein Soldat!****

– Ihre Majestät!***** – рванулся к нему Державин. Но в ту же секунду, откуда ни возьмись, подскочили гвардейцы охраны и, грубо схватив его за плечи, потащили прочь от дороги. Последнее, что он увидел – упавшую занавеску в окне кареты.

– Кто таков? Полк, рота? С какого перепугу тут бродишь? – строго спросил седой капитан, командир наряда охраны.

– Рядовой Преображенского полка третьей мушкетёрской роты Гавриил Державин! Заблудился, ваше благородие, виноват!

– Эх, ты, деревенщина! Ну, времена... Набирают в гвардейский полк абы кого. Не по уму-разуму, а по широким плечам, да завидному росту... – ворчал маленький щуплый капитан, не зная, как поступить с солдатом. – Ладно, Бог с тобой, ступай, ищи свою роту, мушкетер!

Но вдруг подскочил один из охранников, и что-то жарко зашептал на ухо капитану. Тот хмыкнул и сурово оглядел задержанного.

– Так вы – дворянин и служите в Голштинском полку? Это правда?

Гавриил узнал в доносчике долгоязого капрала Лавкина. В его присутствии майор Терентьев вручал Державину приказ о переводе в Голштинский полк. Что делать? Подтвердить – значит подвесить Терентьева, который, спасая его, сжег подписанный императором приказ. Отрицать – значит, солгать, а лгать он не привык. К тому же, это было опасно: выяснить правду при желании было не так уж трудно.

– Что вы хотели сообщить Петру Фёдоровичу? – последовал настойчивый вопрос.

– Клянусь, ничего, ваше благородие!

Видя растерянность молодого гвардейца, капитан велел арестовать его до выяснения всех обстоятельств.

Державина препроводили на гауптвахту и заперли в камере. Когда глаза привыкли к полумраку, удалось разглядеть грубо сколоченный стол, за которым, сгорбившись и постанывая, сидел мужчина. Гавриил приблизился к нему, и арестант поднял голову, открыв смуглое осунувшееся лицо. В свете коптившей сальной площадки блеснули темные влажные глаза.

– Что с вами? – спросил Державин.

– Разве дело во мне! – мужчина сжал кулаки и стукнул ими по столу. – Мой добрый государь... Заговорщики арестовали его и заставили подписать отречение. Потом повезли в Ропшу и не позволили мне быть рядом с ним. Вот до чего я дожил... Бросил в беде своего господина! О, mein Gott! Я не хочу больше жить!

В голове Державина промелькнуло воспоминание. Во время его разговора с императором, рядом находился то ли придворный, то ли слуга с каким-то странным именем...

– Возьмите себя в руки, господин Бастидон! – твёрдо сказал он, вспомнив имя. – Не казните себя за то, в чём вы не виноваты. Надо уметь жить не прошлым, а будущим!

Бастидон тоже пристально взгляделся в своего собеседника и воскликнул:

– Кажется, я вас узнал! Вы – Державин?

– Именно так!

Яков Бастидон был португальцем по происхождению, но, пребывая в Голштинии на службе герцога Карла Петера Гольштейн-Готторпского, стал считать себя немцем. Когда его господин волею судьбы унаследовал российский трон, то Бастидон был готов сделаться и русским. Кем угодно, только бы служить ему...

– Вы и представить не можете, сколь многим я обязан государю. Он взял меня на службу нищим и обездоленным, а теперь я – императорский камергер!

– Теперь вы – узник, – усмехнулся Державин. – Надеюсь, что ненадолго.

Бастидон рассказал, что женат на кормилице великого князя Павла, сына императора. Цесаревич уже подрос, но до сих пор души в ней не чаёт.

Он ещё много говорил о себе и своей семье, о несчастном императоре, но вскоре его излияния были прерваны. Заскрежетал ключ в замке, и в камеру вошли двое военных: старый инвалид – начальник гауптвахты и уверенный в себе полковник лет тридцати пяти в щегольском мундире. Узники встали рядом, плечом к плечу, в ожидании решения своей судьбы.

– Имя, фамилия! – сурово бросил полковник, обращаясь к Бастидону.

Тот назвал себя.

– А вы? – полковник окинул глазами статную фигуру гвардейца.

– Мушкетёр третьей роты Преображенского полка Гавриил Державин!

Полковник кивнул и некоторое время молчал, размышляя.

– Преображенца отпустить! – приказал он дежурному. – Попал по недоразумению, за него поручился майор Терентьев. А вот камергера я бы приказал допросить с пристрастием...

Даже в тусклом свете камеры было видно, как содрогнулся Бастидон.

– Ваша светлость!

– Ладно, не трусь, пошутил. Государыня на радостях велела освободить из гауптвахты всех преступников.

– Но я не преступник, ваша светлость!

Не удостоив его ответом, полковник вышел из каземата в сопровождении дежурного офицера. Через несколько минут явился караульный и проводил арестованных к выходу.

– Вы знаете, кто с нами разговаривал? – шепнул Бастидон. – Князь Александр Ильич Бибииков, храбрейший воин! Император Пётр Федорович весьма благоволил к нему, может быть, поэтому князь и отнесся к нам снисходительно.

В бледном рассвете пасмурного утра Державин не сразу разглядел у ворот гауптвахты тоненькую фигурку женщины с ребенком на руках.

– Яков! Яшенька! – женщина кинулась к Бастидону, и тот, раскинув руки, сгрёб обоих в охапку.

– Ну, что ты, родная... Не плачь, всё позади... Гаврила Романович, – камергер обернулся к Державину, – это моя жена, Мария Дмитриевна!

Вытирая слёзы радости, Мария робко улыбнулась и опустила глаза. А сидящая у неё на руках крошечная кудрявая девочка не более двух лет от роду ничуть не смутилась и доверчиво потянулась к гвардейцу. Ему ничего не оставалось, как подхватить её на руки.

Неведомая прежде нежность охватила Гавриила, когда он прижал к себе беззащитное тельце ребёнка. Он ласково погладил чёрные кудряшки, невольно отметив сходство девочки с отцом, потом, поддавшись порыву, неловко поцеловал её куда-то возле уха.

– Чудеса... – прошептал Бастидон. – Обычно она не идёт к чужим людям.

– Признала за своего, – растроганно промолвил Державин, чувствуя, как тепло разливается по щекам, и слёзы наворачиваются на глаза.

Что с ним? Всё напряжение прошедшего дня вылилось в этих слезах: утраченная возможность вырваться из рядовых, вступив в голштинский полк, дворцовый переворот, милостивая улыбка Екатерины Алексеевны, промчавшейся мимо него на красавце-коне, мимолётный затравленный взгляд низложенного императора из окна кареты...

Все молчали. Девочка тоже притихла и осторожно гладила его по щекам, убирая слезинки.

– Как тебя зовут? – прошептал он.

– Катя! – охотно сообщила кроха и обвила ручонками его шею.

– Ты не Катя, а Пленира! – улыбаясь, возразил он. – Сразу взяла меня в плен!

Большие, похожие на спелые вишни, глаза малышки удивлённо округлились, но она не собиралась отпускать Державина.

– Ну, будет... Давайте её мне, а то не отстанет! – решительно сказала Мария Дмитриевна, забирая дочь.

– Ради Бога, простите, – очнулся Державин и провёл рукой по лицу, словно прогоняя сон. – Прощайте, господа!

Он помахал рукой девочке, учтиво поклонился супругам и, не оглядываясь, быстрыми шагами вышел за ворота.

* Доброе утро, мой солдат! (нем.)

** Хорошее место для прогулок! (нем.)

*** Вы очень добры, господин майор! (нем.)

**** Мой солдат! (нем.)

***** Ваше величество! (нем.)

Глава 4. Москва

Свергнутый император Пётр Фёдорович скончался в Ропше 6-го июля 1762 года. Причиной смерти, как было официально объявлено, явились геморроидальные колики. Но вскоре поползли слухи, что императора прикончил граф Алексей Орлов, брат всесильного фаворита Григория, и якобы убийство это было совершено по приказу самой Екатерины Алексеевны. Ходила в народе и другая молва. В трактирах и армейских гарнизонах шептались, что императору удалось спастись, и скрывается он на Урале, среди Яицких казаков...

Как бы то ни было, едва тело Петра Фёдоровича (или его двойника) упокоилось в земле, вышел манифест о предстоящей коронации новой императрицы. А так как коронации русских царей традиционно происходили в Москве, то вскоре началось "великое переселение" из Петербурга в Москву императорского двора, гвардии и государственных учреждений. Прибытие её императорского величества происходило торжественно, при большом скоплении народа.

Государыня ехала по Тверской в открытой золочёной коляске, украшенной дорогими коврами, хвойными ветками и гирляндами цветов. Гром пушек, звон колоколов и приветственные возгласы слились в единый победный клич. Державин в праздновании не участвовал. Он стоял в карауле.

Венчание на царство Екатерины II состоялось 22 сентября 1762 года в московском Успенском соборе. Балы, фейерверки, парадные обеды, маскарады и прочие увеселения длились несколько месяцев. На участников переворота посыпались награды: деньги, чины, имения... В дни коронации на площадях били фонтаны белого и красного вина, народу бесплатно раздавали куски жареного мяса, бросали в толпу медные монеты. Ликовала и веселилась матушка-Русь!

Лишь очень немногие задумывались над тем, почему после отречения и загадочной смерти Петра III в Ропше новая государыня не передала власть законному наследнику престола – сыну Павлу. Среди немногих сомневающихся был и Державин. Слава Богу, времени для раздумий ему хватало. Он чаще других стоял на посту, подменяя товарищей по службе. Это был верный способ немного заработать. Гвардейцы, бывало, не могли держаться на ногах, окунувшись в нескончаемый праздничный разгул, и тогда на помощь приходил Державин. Стойко, словно оловянный солдатик, он отбывал за них дежурство, мысленно представляя себе весёлый кутёж однополчан. А друзья пировали, поднимая кружки за Екатерину, за свой полк, за гвардейское братство, а под конец, по старой традиции – "за тех, кто в походе, в карауле, на вахте и на гауптвахте".

* * *

После коронации Екатерины II многих гвардейцев повысили в звании, в том числе и Державина: он стал капралом. И хотя капралу ещё было далеко до офицера, но он и тем был доволен.

В Москве Гавриил остановился у двоюродной тётки, Матрёны Саввишны Блудовой, дородной хлопотуньи, которая, вопреки фамилии, отличалась благочестием, добрым нравом и твёрдой моралью. Племянника тётка любила и за квартиру дорого не брала.

Отказавшись от казармы, Державин пытался начать жизнь с нового листа. Ему хотелось напомнить начальству, что он не обычный солдат. Но как это сделать?

С каждым днем всё тяжелее становилось тупое, до одури однообразное существование. Природный ум Державина, его душевные и физические силы требовали достойной деятельности, а он словно пребывал в бесконечном тягучем сне и никак не мог проснуться. Настоящая жизнь протекала вдали от него. Где-то находились люди его круга, они сражались в боях, получали чины и награды, заседали в Академии наук, издавали законы в Сенате, сочиняли стихи и печатали их в журналах... Почему же он, потомок дворянского рода, лучший ученик Казанской гимназии, зачисленный когда-то его сиятельством графом Шуваловым в Петербургский инженерный корпус, стоит с ружьём возле полосатой будки?

Ответ был прост... Постыдная бедность опутала его с головы до ног, не позволяя вырваться в большую жизнь. Чего же он ждёт, на что надеется?

* * *

Преображенский полк задержался в Москве. Тяжёлую службу Державину скрашивали семейные ужины с тёткой и двоюродным братом, Иваном Блудовым. Своего великовозрастного сынка Матрёна

Саввишна называла непутёвым за его разгульный образ жизни и ставила ему в пример благонравного Ганю.

Державину часто приходилось разносить письма и приказы офицерам, жившим в разных уголках Москвы, и для этого в любую погоду приходилось вставать до рассвета. В кромешной тьме он пробирался по грязным улицам, рискуя наткнуться на грабителей. Однажды на глухой улице Пресне он чуть не погиб. На него напала свора собак, и он еле отбилась от них тесаком.

Но самый неприятный случай произошёл с ним в центре Москвы, в доме бывшего товарища, князя Козловского. Свой визит к нему он запомнил надолго.

Молодой офицер Иван Козловский был ровесником Державина, в Преображенском полку появился недавно и поначалу терялся, совершая много промахов. Державин всячески его поддерживал, объясняя премудрости службы. Козловский дружил со многими известными поэтами, и сам писал стихи, что особенно возвышало его в глазах Гавриила. Вскоре князь получил назначение в роту кавалергардов. Он тепло простился с Державиным, уверив, что останется его другом навеки.

Прибыв к князю с поручением, Державин встретил у него известного стихотворца Василия Ивановича Майкова. Тот громко, с жаром читал сочинённую им трагедию, но, увидев вестового, сразу замолчал. А Козловский, узнав Гавриила, небрежно кивнул:

– А, это ты? Давненько не виделись. Ну, что там у тебя? Недосуг мне...

Слова бывшего однополчанина, как ножом, полоснули по сердцу. Однако Гавриил не слишком удивился холодному приёму: дружба дружбой, а служба службой. Проглотив обиду, он отдал запечатанный пакет, и хотел было уйти, но что-то не пускало его. Не Козловский, а Майков притягивал его взор. Впервые так близко он видел настоящего поэта! Державин задержался у дверей, надеясь, что Майков будет читать дальше. Воцарилась неловкая пауза. Козловский, заметив, что курьер не уходит, сказал ему:

– Поди, братец служивый, с Богом. Чего тебе попусту зевать? Всё равно ты в стихах ничего не смыслишь.

Державин молча вышел.

* * *

Деньги и связи... Лишь только они могли спасти его от тупого прозябания! Одного усердия мало, чтобы вырваться из трясины, которая с каждым днём всё глубже его засасывала. Он давно заметил, что если гвардейца несколько раз обходили с повышением, то в дальнейшем шансов выдвинуться становилось всё меньше. С каким бы рвением он ни служил, начальство этого либо не замечало, либо воспринимало, как должное.

По дороге домой он думал с горечью: "Поделом мне... Каждый сверчок знай свой шесток!". Остановившись на набережной Москва-реки, долго стоял в раздумье. Никогда раньше он так не ощущал своё одиночество. Впервые ему захотелось выпить и рассеяться, чего с ним раньше никогда не случалось. Можно было запросто пойти на Красную площадь, где по случаю коронации вино наливали даром, но он побоялся встретить однополчан и тем самым уронить себя в их глазах, да и в своих собственных. Пришлось завернуть в ближайший трактир. Но и там не обошлось без нежелательной встречи.

– А-а! Ганюшка, братец мой! – приветственно помахал ему рукой молодой рыжеватый мужчина в мундире титулярного советника. В тумане винных испарений и табачного дыма Державин едва узнал Ивана Блудова, сына своей квартирной хозяйки, Матрёны Саввишны.

Иван любил приложиться к чарке, был неистовым картежником и любителем женщин, которые слетались к нему, как пчелы на мёд.

– Глазам не верю! – балагурил он, усаживая гвардейца за стол подле себя. – Почему не в карауле, как обычно? Неужто решил разговеться после долгого поста? Али деньги завелись?

Развязный тон покорибил Державина, но он сдержался, тем более, что у него нынче и вправду кошелек был не пуст. Преображенцам выплатили премию.

Гавриил жестом позвал подавальщика, велел принести бутылку красного вина и наполнил оба стакана – свой и Блудова. Беседа пошла живее. Иван пожаловался на притеснения начальника конторы, где он служил, а Державин в ответ рассказал о своих мытарствах.

Выслушав его, кузен сочувственно вздохнул:

– Что поделывать, брат! Такие времена... Без богатой родни и полезных знакомств – никуда. Но главное – деньги. Как только они появятся, придёт и всё остальное. И моргнуть не успеешь, как отыщутся друзья, посыплются чины и награды.

– Мзду платить? Пробовал – бесполезно...

Блудов усмехнулся.

– Ты меня не понял, брат. Я не говорил, что надо кому-то платить. Я сказал, что деньги надо иметь. Для того, кто их имеет, открываются все двери, причём, сами собой, без малейших усилий. Хочешь, покажу на примере?

– Изволь.

– Есть у тебя золотой империял? Положи его на стол и скажи подавальщику, что уходишь и желаешь расплатиться за вино.

Державину не хотелось разменивать крупную монету, но из любопытства сделал всё так, как велел кузен. При виде империяла слуга буквально сломался пополам в почтительном поклоне, а затем, извиняясь, попросил найти деньги помельче. Объяснил, что в эти часы посетителей бывает мало, и найти сдачу затруднительно.

– Мельче не держу! – гордо ответил Державин под одобрительный кивок Блудова.

Слуга ещё раз извинился и побежал к буфетчику, а тот – к хозяину трактира. Хозяин с сияющей улыбкой, раскинув руки, кинулся к Державину, словно спешил обнять дорогого гостя.

– Добрейший вам вечерочек! Польщён визитом уважаемых гостей! Позвольте представиться: Евграфий Кузьмич Драгоценный! – и, увидев недоумение на лице Державина, пояснил: – Это фамилия моя такая: Драгоценный. От родителей досталась. Покорно прошу простить, вышло маленькое недоумение! Сдача у нас, конечно, имеется, но надобно отпереть кассу... Впрочем, стоит ли хлопотать из-за одной бутылки? Я просто запишу её на ваше имя, да и дело с концом. Расплатитесь, в другой раз! Милости просим!

Гавриил вопросительно взглянул на Блудова, и тот снова кивнул.

– Ладно, пишите: капрал Преображенского полка Гавриил Державин... Но ведь вы изрядно рискуете, драгоценный вы мой! – он улыбнулся. – А ну, как больше не приду? Будете искать?

Трактирщик замахал руками.

– Ради Бога! Не в наших правилах затевать тяжбу из-за бутылки вина.

– Зачем же тогда записывать?

Драгоценный почесал в затылке.

– Не взыщите, господин гвардеец... Только ради знакомства!

* * *

Когда Державин и Блудов вышли на улицу, солнце уже перевалило за полдень.

– Ну, убедился, что я прав? – усмехнулся Блудов, потрепав приятеля по плечу. Он был лет на десять старше Гавриила и держался с ним покровительственно. – Поверь, трактирщик искать тебя не будет! Более того, если придёшь расплатиться – ещё раз даром угостит.

– Но почему?

– Чтобы не терять лицо. Его обычные постояльцы – мелкая рыбёшка. Для него знакомство с богатым клиентом важнее бутылки вина. Он носом учуял, что ты не из простых, и оказал тебе услугу. Значит, может рассчитывать и на твою помощь.

– Думаю, что он просчитался.

– Кто знает... Фортуна – дама капризная. Сегодня ты нищ, как церковная крыса, завтра – богат, как Крез! Я ведь тоже поднялся на ноги не сразу. Нужно уметь выбирать друзей и уметь рисковать... – он вдруг остановился, и, поманив рукой Державина, шепнул ему на ухо:

– Могу познакомить с нужными людьми. Пойдёшь со мной?

– Куда?

– Потом узнаешь... – уклончиво ответил Блудов и, оглянувшись, заговорщицки подмигнул: – Не робей, гвардия!

Первым инстинктивным побуждением Державина было отказаться. Но благоразумие тут же уступило место желанию испытать судьбу. Молодость требовала риска и приключений, и заманчивая возможность пуститься в авантюру взяла верх.

– Ладно, пойдём!

* * *

Таинственным местом, куда Блудов привёл молодого гвардейца, оказался обыкновенный игорный дом "Король бубен", где азартно резались в карты небогатые купцы и мелкие чиновники. Державин не мог скрыть разочарования, но его наставник, ничуть не смутившись, заказал у распорядителя по стакану пунша и решительно направился к одному из карточных столов.

Как видно, он был тут завсегда, потому что игроки шумно его приветствовали, предлагая расписать пульку. Блудов грузно уселся за ломберный стол и покровительственно представил им своего протеже.

– Рекомендую, господа: мой кузен, Гавриил Державин!

Друзья заулыбались и стали жать ему руку, называя свои имена. Все они показались Державину на одно лицо. Запомнился лишь хозяин заведения, худой и прямой, как жердь, немец Отто Шульман. С учтивым поклоном и лёгким акцентом он предложил гвардейцу место за столом. Тот и моргнуть не успел, как оказался в игре.

* * *

Не ожидавший столь быстрого поворота событий, Гавриил поначалу растерялся, но ломаться не стал.

– Я тоже давно не играл, – заверил его Блудов, сдавая карты, – но, если можно верить народным приметам, нам с тобой должно повезти!

Через час игры выяснилось: приметам верить нельзя. Державин спустил абсолютно всё, что так приятно звенело у него в кошельке, в том числе и золотой империал. Единственное, что у него осталось – серебряный рубль, подаренный матерью при расставании. В порыве азарта он достал из-за отворота мундира заветный мешочек, но вовремя одумался, поспешно спрятал маменькин талисман и решительно встал. Стараясь сохранять на лице невозмутимое выражение, любезно поклонился:

– Благодарю, господа! Время позднее, да признаться, и понтировать больше не на что!

Но ушлые игроки протестующе загудели:

– Как "не на что"? Да у тебя, любезный друг, в каждом кармане по кошельку!

– Это ладанка, матушкин подарок.

– А что в ладанке? – поинтересовался Шульман.

– Петровский рубль-крестовик. Но играть на него я не буду!

– Не смею настаивать! – поднял руки немец. – Однако считаю, что теперь самое время проверить, сбережёт ли вас маменькин амулет.

Словно подчиняясь чьей-то незримой силе, Гавриил расстегнул крючки мундира, собираясь извлечь заветный красный мешочек, и вдруг... Что это? Он нащупал зашитые под подкладкой деньги, которые ему маменька когда-то вручила на дорогу. Сто рублей! Целое состояние, о котором он в тот момент забыл, неожиданно явилось ему, как волшебный подарок судьбы.

– Я играю, господа!

Его слова были встречены одобрительными возгласами...

* * *

Помог ли подаренный матерью оберег или его поддержали некие высшие силы, но часа через два Державин вернул себе всё проигранное, присоединив к своим деньгам ещё и солидный выигрыш.

Партнёры благодушно поздравляли его с удачным почином, а те, кто особенно крупно проигрался, старательно делали "faire bonne mine a mauvais jeu"*

Герр Шульман предложил Державину играть снова, но Иван Блудов на правах старшего брата решительно потребовал прекратить игру и идти домой. Пришлось подчиниться.

– Главное – не зарываться! – по дороге наставлял он кузена. – Карты, Ганя, такая напасть... Не сумеешь вовремя объявить "пас" – потеряешь всё! Ещё и в долгах останешься. Играй, но головы не теряй! Впрочем, у тебя талант, это видно сразу! И руки хорошие: пальцы длинные, чуткие. Ты, братец, далеко пойдёшь, попомни мои слова!

Гавриил едва его слышал. Радость от неожиданно свалившихся на него дармовых денег опьяняла и приводила в смятение мысли. Оказывается, так просто – стать богатым. За один вечер можно получить сумму в четыре раза больше его месячного жалования! Так зачем тянуть лямку, пусть даже в самом привилегированном полку Российской империи? Всё равно никакого толку...

Давно уже наступил вечер, зажглись звёзды. Матрёна Саввишна сидела на лавке возле дома, тревожно поджидая припозднившихся сына и племянника. Разглядев их издали, старуха охнула и уже

собиралась устроить им строгий нагоняй, но Гавриил почтительно поцеловал её морщинистую руку и вложил в неё пять рублей – квартирную плату за два месяца. Госпожа Блудова сразу подобрела и побежала разогревать ужин.

Добравшись наконец до своей комнатухи, Гавриил устало присел на койку и стал вспоминать события прошедшего дня. Высокомерная отповедь князя Козловского ещё саднила душу, но уже не причиняла острой боли. Забавным курьёзом промелькнул в памяти трактир Евграфия Драгоценного. Но особенно волнующе ярко запечатлелось в сознании всё, что произошло в игорном доме "Король бубен". Поднявшись, Державин достал потяжелевший кошелек и встряхнул его. Монеты упоительно зазвенели. Он даже не помнил, сколько сегодня выиграл. Наверное, не менее ста рублей... Но, высыпав деньги на стол, он с удивлением насчитал целых триста! Да-да, у него триста рублей и ещё сто маменькиных! На что же их употребить? Может быть, дать взятку командиру роты, пожилому вояке, отцу трёх незамужних дочерей – пусть поможет ему в продвижении по службе? Но ротный уже не раз напоминал командиру полка о Державине, и всё зря.

И вдруг внезапная мысль осенила его. Расстаться с деньгами он всегда успеет... Пока Фортуна к нему благосклонна, надо попытаться преумножить своё богатство!

* * *

Утром Державин отправился на службу, а вечером ноги сами понесли его в игорный дом "Король бубен". Возможность разбогатеть быстро и лёгким способом вскружила ему голову, заставив забыть обо всем на свете. Он играл, отчаянно рискуя, то и дело ошибаясь, и за несколько партий вчистую проиграл всё, что у него было: и свои сбережения, и вчерашний выигрыш, и жалование, полученное в полку, и сто рублей, зашитые в подкладке мундира... Всё, кроме серебряного рубля – маменькиного талисмана. Картежники не отпускали его, предлагая продолжить игру. Он отказывался, но его чуть ли не силой вновь усадили за игорный стол.

– Господа! – в отчаянии объяснял Державин. – У меня нет денег, а играть в долг я не привык.

– Почему же в долг? – спокойно возразил Отто Шульман, – насколько я помню, у вас есть замечательный подарок вашей Mutter. Помните, как он выручил вас вчера? Верьте в него, юноша, а то он на вас обидится.

– Нет-нет! Ни за что!

Но какой-то бес, засевший в его голове, шепнул ему: "Играй!" И всё началось снова... Державин делал небольшие ставки и несколько раз выиграл, потом поставил ва-банк – и проиграл всё. Стал отыгрываться – и выиграл! Хотел уйти, но бес не отпускал. В какой-то момент Державину почудилось, что маленький рогатый урод, водрузившись ему на плечи, азартно хихикает, лукаво заглядывает в глаза и бьёт по груди кривыми волосатыми ножками, понуждая продолжать игру... Сколько времени он провёл за игорным столом? Он не знал. Игроки менялись, он их не помнил, и лишь бледное лицо Отто Шульмана с улыбкой на тонких губах неизменно маячило перед ним...

Наконец, в полном изнеможении он упал головой на зеленое сукно и услышал, словно сквозь туман:

– Ладно, на сегодня хватит! Антон Харитонович, посчитайте, сколько он нам должен?

– Тут и считать нечего! – откликнулся чей-то веселый голос. – С господина гвардейца ровно три тысячи рублей!

Чудовищная сумма, словно ушат холодной воды, привела Державина в чувство.

– Лжёт! – подскочил он.

– У меня всё записано! – обиженно возразил Антон Харитонович, тыча в лицо Державина замуколенную бумажку.

Немец сурово нахмурился:

– Завтра пополудни вы должны оплатить ваш проигрыш! В противном случае у вас будут большие неприятности. Имейте в виду: вы играли при свидетелях!

Державин обвёл глазами игроков. А те смотрели на него, как шакалы на медведя, готовые по первому сигналу вожака броситься на него всей омерзительной стаей.

– Герр Шульман, – глухо промолвил он, стараясь сохранить спокойствие, – завтра я принесу нужную сумму.

– Вот это дельные слова! Но маленькое условие... Entschuldigung**, таковы правила. Вам придется оставить небольшой залог.

– Какой залог?

Шульман поджал тонкие губы.

– Да сушая безделица. Всего лишь серебряный рубль, подаренный вашей маменькой...

Дался ему этот рубль! Державин метнул на него испепеляющий взгляд, не пытаясь сдержать гнев.

– Как вы смеете сомневаться! Я – гвардеец ее императорского величества! И если даю честное слово, то сдержу его или умру. А сейчас мне не о чём разговаривать с вами, сударь!

Державин решительно отстранил немца и направился к выходу. Но не прошёл он и нескольких шагов, как жестокий удар в голову едва не свалил его с ног. Кто-то из игроков оглушил его табуретом. И вся стая набросилась на него. Державин не успевал защищаться от сыпавшихся на него ударов. Его били кулаками, тростями, пивными кружками, железной кочергой – всем, что только попадалось под руку. Били злобно, не щадя, куда попало... Лишь чудом, уловив момент, ему удалось вскочить на ноги и выхватить тесак из ножен.

– Прочь, собаки! – крикнул он. – Убью!

Блеск боевого клинка охладил пыл разбушевавшихся игроков. Толпа отшатнулась, и в наступившей тишине Отто Шульман ехидно проронил:

– Вот уж не думал, что оружие дано доблестным гвардейцам для обороны от мирных граждан. Так и быть, господин Державин, отпущу вас без залога. Вижу, что вы хорошо усвоили преподанный вам урок. Ступайте зализывать раны, а завтра в полдень – милости просим к нам, в "Король бубен"! И не вздумайте скрыться! Вас найдут даже в преисподней.

Бредя по тёмным улицам, Державин еле нашёл дорогу. С каждым шагом ему становилось всё хуже, тошнота подкатывала к горлу: удар табуретом по голове давал о себе знать. Кое-как он доплёлся до калитки дома Блудовых.

* * *

Выслушав покаянную исповедь кузена, Иван долго молчал, потом тяжело вздохнул:

– Эх, братец ты мой... Тебе уж двадцать лет, а умишко, как у малого дитяти. Да неужто ты не понял, что перед тобой картёжные шулера?

Державин отшатнулся.

– Не может быть! Я следил за игрой!

– Ты, Ганя, сам того не зная, играл с открытыми картами!

– Я никому их не открывал!

– Они были известны им прежде, чем ты сам успел в них заглянуть, – невесело усмехнулся Блудов. – Трудно и представить, сколько имеется секретных способов тасовки и сдачи карт! А крапление? Это целое искусство! Гнутые углы, насечки, наколки, слегка изменённый рисунок на рубашке карты... А зеркала, отражающие карты партнёра! Они везде – на стенах, в канделябрах, в обыкновенных табакерках. Я уж не говорю об условных сигналах, которыми обмениваются игроки, и ручных манипуляциях с картами.

– Так почему же ты сразу не предупредил? Зачем притащил меня в этот притон?

Блудов обиделся:

– Зачем? А ты забыл, что ушёл оттуда с немалыми деньгами? Да ещё уговаривать пришлось: ты рвался продолжить игру. Их метода мне хорошо известна. Сначала дают новичку выиграть, причём, по-крупному, не скупятся... А когда игрок приходит ещё раз, обдирают, как липку, и берут в кабалу – заставляют работать на себя. Обучают шулерским приёмам, посылают в трактиры и постоянные дворы "вербовать рекрутов". Это, как птичьи силки: коготок увяз – всей птичке пропасть. Но долг заплатить всё же придётся... И точно в срок, иначе отомстят жестоко. Знаю я этот народец! Мать родную не пожалуют...

При этих словах Державин вздрогнул. Не хватало ещё, чтобы из-за его легкомыслия пострадала матушка. Где достать деньги? Шутка ли – три тысячи рублей! Занять у Блудова? Но едва лишь Гавриил об этом заикнулся, тот замахал руками, объяснив, что даже в руках не держал таких денег. Мелькнула мысль о князе Козловском. Неужели знатный и богатый кавалергард, который когда-то называл его своим другом, не поможет ему в трудную минуту? В сущности, он добрый малый, хоть и шалопай. Наверное, уже корит себя за то, что так холодно обошелся со старым приятелем.

До полудня оставалось около четырех часов. Наскоро собравшись, Державин отправился на Тверскую. Ему повезло: он подошёл к дому Козловского как раз в тот момент, когда князь спускался по гранитным ступеням парадного подъезда, направляясь к нарядному экипажу, запряженному парой английских лошадей.

– Опять ты? – вместо приветствия, нахмурился Козловский. – С чем пожаловал? Приходи, Гавриил, завтра. У меня неприятности: еду к отцу денег просить. Стыдно, конечно, но ничего не поделаешь. Долг чести: или плати, или стреляйся! Я, брат, вчера проигрался в пух и прах, и знаешь кому? Поэту Майкову! Гений хренов... Не стихи у него, а жалкие нескладушки!

Князь что-то ещё говорил о Майкове, ругая его последними словами, но Державин уже не слушал. Коротко извинившись, он сбежал по лестнице и зашагал по мостовой, сам не зная куда. Его мозг напряжённо искал спасительный выход. Обратиться к майору Терентьеву? Он не раз выручал его, но вряд ли у него могли быть такие деньги. К тому же, Ганя обманул его, отпросившись со службы, якобы для того, чтоб навестить больную мать.

Кто ещё мог бы ему помочь? Он вдруг подумал о трактирщике Драгоценном. Имени его он не запомнил, а необычная фамилия прочно зацепилась в памяти. Почему бы и нет? Судя по тому, что в прошлый раз трактирщик "ради знакомства" не взял с него платы за бутылку вина, дела у него шли неплохо...

Трактир был еще закрыт, но Драгоценный, заметив в окне гвардейца, кинулся открывать. В отличие от Державина, трактирщик прекрасно запомнил его имя и отчество.

– Милости просим, Гаврила Романыч! Пришли вернуть долг? Вот, что значит честный человек! Вроде бы, такая малость – гривенник! А вы не забыли, принесли денежку...

Не ожидавший такого поворота, Державин невольно потянулся к кошельку, и, нащупав в нем случайно затерявшийся в складке пятиалтынный, протянул Драгоценному.

– Сдачи не надо!

– Покорно благодарю! Поиздержался я... Вечор бумага пришла: платить за аренду надо, а тут, как на грех, жена заболела, пришлось доктора звать. Детишки без присмотра остались, нянька нужна... Словом, каждая копейка на счету! Гаврила Романыч, нижайшая просьба: не одолжите ли вы мне ваш золотой империял? Я через неделю верну... честное слово!

Державин горько усмехнулся.

– Не обессудьте, любезный. У меня уже нет империяла.

Трактирщик закусил губу, понимающе закивал и предложил кружку пива. Державин отказался и, простившись, вышел за дверь.

* * *

Домой он вернулся подавленным. Матрёна Саввишна стала приставать к нему с назойливыми расспросами, где был, да почему не хочет поесть? Раздражённый Гавриил молча поднялся в свою комнату, но через минуту услышал негромкий, но настойчивый стук в дверь и сладкий голос:

– Открой, Ганюшка! Чего от меня прячешься, друг любезный? Тебе посылка от маменьки пришла!

Гавриил бросился к двери и отпер её.

– На, держи! – Матрена Саввишна сунула ему в руки увесистый сверток. – Фёклушка прислала с оказией. Дьячок какой-то передал. Я ему пятак дала...

Взяв посылку, Державин пробормотал слова благодарности и снова запер дверь к великому удовольствию хозяйки, которой не терпелось узнать, что там зашито в серую мешковину.

Непослушными от волнения руками он вскрыл ножом для разрезания бумаг плотный мешок. В нем было письмо от матушки и крепко завязанный, тяжёлый, туго набитый кошелек! Державин развернул письмо и пробежал глазами аккуратно выведенные строчки. После обычных поклонов и вопросов о здоровье Фёкла Андреевна сообщала, что получила небольшое наследство и просила сына купить под Москвой скромный домик. Ей-то, старой, уже ничего не нужно, а Ганечке именице не помешает. Если им с умом распорядиться, оно со временем будет приносить доход... Не дочитав, Державин с трудом развязал кошелек и высыпал на кровать его содержимое. Золотые монеты, мелодично звеня и отсвечивая благородным блеском, усыпали шерстяное одеяло. Он погрузил руки в кучу монет, набрал пригоршню, чувствуя их приятную тяжесть. Потом пересчитал неожиданно свалившееся на него богатство. Триста золотых империялов – ровно три тысячи рублей прислала ему маменька! Словно знала, что сыну позарез нужна именно эта сумма! В это время настенные итальянские часы, висевшие напротив его кровати, пробили половину двенадцатого. Поняв, что ещё успевает к назначенному сроку, Державин лихорадочно собрал деньги и помчался в игорный дом.

* хорошую мину при плохой игре (фр.)

** извините (нем.)

(Продолжение следует)

ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ

Гомель

Известный белорусский писатель Владимир Николаевич Гаврилович – мастер социально-психологической прозы, родился 30 августа 1967 года в деревне Ветчин Житковичского района Гомельской области. Закончил филологический факультет и отделение журналистики факультета общественных профессий Минского государственного педагогического института им. А.М. Горького (1991). Работал учителем белорусского языка и литературы в Ветчинской средней школе, директором Белевской средней школы в Житковичском районе, главным редактором районной газеты "Новае Палессе" (Житковичи), городской – "Гомельские ведомости" (Гомель), собственным корреспондентом газеты Федерации профсоюзов Беларуси "Беларускі Час" по Гомельской области. С 2005 года и по настоящее время – председатель Гомельского областного отделения ОО "Союз писателей Беларуси".

Автор 24 книг прозы, лауреат Республиканского конкурса "Лучшее произведение прозы" за книгу "Плата за каханне", литературной премии памяти Николая Мельникова (Россия, 2009), Международной литературной премии Бояна (Россия, 2011), Всеукраинской литературной премии имени Т.Г. Шевченко (Украина, 2014), литературной премии имени В.И. Нарбута (Украина, 2015), имени Кирилла Туровского, победитель Международного конкурса "Национальная литературная премия "Золотое перо Руси"" (2020), а также других престижных литературных наград.

НЕ ССОРЬСЯ С НЕБЕСАМИ

Рассказ

1.

Давно не чаяла Анна Порейко, что когда-нибудь заглянет счастье в её старую хату. Уже и надеяться бросила. И Господу докучать своими просьбами перестала – не прогневать бы его чем – не в том она уже возрасте, чтобы Бога гневить. Свыклась с годами, а люди не напоминали иль забыли (всяк своим живёт!), что был у неё, отважной в юности партизанской связной, когда-то сын-сиротинка. Был да пропал. А может, отрёкся.

Стёпу, так звали её парнишку, Анна поднимала сама. Муж Дмитрий оставил её беременной – сгинул в молодости на лесоповале. Сын окончил семилетку, поработал немного в колхозе, а там и призвали его в армию. Был он парень смирный и, что особенно важно в деревне, работающий. Пока мать на колхозной ферме, всё дома поделает. Анна и проводы устроила – последнюю копейку отдала, чтоб сыну лучше служилось...

Стёпа Порейко служил где-то на Севере, а отслужив, остался там жить. Писал матери, и о том знали все соседи, – Анна любила делиться счастьем с людьми – что у него уже семья, взял в жёны коренную сибирячку и усыновил её ребёнка. Вот так стала Порейко одновременно и бабушкой.

Сын – что правда, то правда – поначалу не забывал, аккурат раз в два месяца получала мать письмо-восточку. В ответ Анна кое-как (только одну зиму и походила когда-то в школу, сироте надобно было батрачить) царапала про свои заботы, радовалась Степанову счастью: семья его увеличилась на своих детей – двух дочурок. И время от времени появлялась Порейко с посылочным ящиком на местной почте – слала в далекий край полесские гостинцы: сальце, палендричку (вяленое мясное филе), тыквенные семечки да сухие грибочки, которые у неё, завзятой грибницы, не переводились...

А годы бежали бегом, не успела оглянуться – молодость уже за порогом. Васильковые очи отобрала старость, заменила на выцветшие, глубоко запавшие. Будто и впрямь глаза проглядела, ожидаючи всю жизнь своего Стёпу. Да только напрасно. Сын не ехал и давно не писал – два десятка лет

минуло, как не было из того Северодвинска весточки. А на все её письма один скупой ответ: "Адресат выбыл". Куда? Зачем? Ни слова... А как хотелось Анне, чтобы хата ожила голосами сына, невестки, внуков и правнуков – таких желанных гостей! Изболелась душа матери, избередилась: "Отзовись, сынок!" Но Стёпа не отзывался.

И однажды – всё прибывали её старушечьи годы, девятый десяток разменяла Порейко весной, а ровесники давно перебрались в дубняк за деревней, – поняла Анна, что не дожждётся и помрёт. И как-то сразу успокоилась. На сына не обижалась, только попросила у Господа, чтоб не извёлся род Стёпин на земле. А себе – смерти. И с того дня на глазах начала угасать, хоть ничего вроде не болело. Кажется, здоровой была, а знала – скоро уйдёт отсюда. Не саднила болью за сына душа, не бередили её беспокойные воспоминания, не спрашивала больше себя "а зачем жила?", не терялась в поиске ответа на сыновье молчание бессонными, хоть на всю хату вой, ночами. Ведала тому цену: за её ожидание и страдание Бог даровал ей отпущенье...

2.

Было только начало тёплой осени, но старые люди теперь не смотрели – картошку убирали с поля рано, с помощью детей и внуков, что приезжали на выходные. От них не отставали и такие, как одинокая Анна Порейко, кому подмоги ждать не приходилось.

Анна управлялась со своими сотками даже раньше тех, кто помоложе, будто торопилась. Бураки повыдергивала, хоть они могли расти еще месяц. Дроздюки, соседи её, ещё и не начинали, ждали, чтоб подросли, заканчивали с картошкой.

Кто поздоровее из дальних соседей – хаты в деревне разбросаны, как хуторки, – польстились на колхозную копейку... А у неё, Анны Порейко, сегодняшним утром были свои важные хлопоты.

Как только перекликнулись первые петухи, а радио ещё и не думало просыпаться, старуха потихоньку уже копалась у полыхавшей печи: отставила небольшой, на полведра, чугунок с картошкой, подождала, пока сойдёт пар, схватила тряпкой, сцедила и столкла в малом ведёрке, что стояло у печи, добавив мисочку ржаной муки – кабанчику. Вот почти и все её дела по хозяйству. Курам ещё ячменя сыпнуть... Теперь и о себе подумать можно.

Обычно на день ей хватало картофельного супчика, какого-никакого блинчика или пшённой каши, но сегодня она готовила такое угощение, будто в хате ожидались люди, и не просто люди, а мужчины, два-три, не меньше, и такие, что не прочь хорошо подкрепиться. Чтoб не сказали, что поскупились. Это отняло у старой немало времени.

Утомленная приготовлениями, она обессиленно опустила на лавку под небольшим окошком, тяжело вздохнула. Слушала сердце, что заполошно билось в груди, будто хотело вырваться на волю. Отдышавшись немного, долго сосредоточенно глядела в угол, где над шкафчиком висел старый образ Девы Марии с младенцем, и шептала молитву за дарованный Богом ещё один рассвет.

Наконец заговорило радио, и старуха тихонько вышла из хаты, накинула на двери щеколду...

Опираясь на ореховую клюку, напряженно дыша и тяжело переставляя ноги, неторопливо пошла к хате Иванчика Дроздюка, более молодого соседа, с чьей женой, болезненной Ольгой, Анна дружила с того давнего времени, когда вместе работали доярками на колхозной ферме.

Дроздюки были зажиточные, но бездетные – неведомо, почему не донашивала детей Ольга. Врачи советовали уйти с фермы, так не послушалась. А потом Ольга и совсем разболелась. Думали даже, что помрёт. Однако, благодаря Богу, оклемалась немного баба, только полностью не поправилась – дали группу инвалидности. А Иванчик, как звало его большинство односельчан, был и сейчас возчиком при ферме. Работы большой там не было, и заведующий позволил ему держать лошадей дома. На них и делал всякую нужную работу себе и людям. Правда, Иванчик должен был каждое утро во время дойки ехать на ферму: в наряд. Анна Порейко знала это и, имея сегодня к нему великую свою нужду, спешила, хотела застать человека дома.

Невысокий, курносый Дроздюк – увидела старая, подойдя к их потонувшей в богатом на кругляки-яблоки саду, хате – шёл с пустым ведром от сеновала. Удивился, что соседка в такую рань дожидается его, привалившись спиной к колодезному срубу. Подойдя ближе, поздоровался:

– Здорово, Анна. – И участливо поглядел на старуху, которая натужно, через силу, дышала. – Что так рано? Не случилось чего?

– Здоровьица и тебе, Иванчик... Вот, думаю, пойду, попрошу тебя, может, не сильно занят. Это чтоб после фермы, как вернешься, огород перепахать на зиму... Сколько там – соток пятнадцать будет, возле хаты. Жито посеять хочу... Может, слышь, кто по весне добрым словом вспомнет... – старуха вдруг разволновалась, и мужик увидел, как блеснули в её впалых бесцветных глазах слёзы. Он потерялся, молчал. Наконец испуганно сказал:

– Ты никак помирать вздумала, Анна. Брось это...

– И помирать, Ванечка, когда-то надо. Бог ведает, когда закрыть человеку очи. Да и что меня держит на этом свете? Разве – она притихла, задумавшись о своём. А через мгновение безнадежно отогнала от себя те мысли, спросила, чтоб знать наверняка:

– Так что, Иванчик?

– На ферму мне сегодня не надо – вечером ездил. Только помогу немного Ольке по дому... Сеять сегодня будешь?

– Так день сегодня очень подходящий. Потом поздно будет. Скажи Ольге, пусть как управится, придёт. Пообедаем у меня...

3.

Солнце уже всю припекало плечи, когда сосед вспахал, хорошо прошёлся бороной и засеял тот кусок земли, а женщины – старая Анна, опершись на ореховую палку, и худосочная Ольга – стояли у межи поля и думали каждая своё.

Дроздюк, наконец, управился с делом. У края соток, на заплатке лужка, что прилепился возле редкого ольшаника, за давно сгнившими жердями, стояла телега. Плуг, с весны тосковавший по земле, теперь поблёскивал на возу: хоть жёнка кричала из сада, чтоб не надрывался сам, она поможет, Иванчик и ухом не повёл послушать бабу – есть ещё что-то в пороховнице, ждатель он, видишь ли, будет бабской подмоги, – сам справился. Так же и с бороной, когда-то сделанной им самим, без чьей-либо подсказки, без единого гвоздя – и основа, и зубья из дубовых плашек. Запряг коня, поехал вдоль канавки к своим соткам.

Анна забеспокоилась:

– Ольга, а обедать? Крикни Иванчика...

– Аль не знаешь моего Дроздюка, Анна? Моментом прилетит. Чаркой же пахнет...

– Ты уж за своего не гневи Бога: хозяин. Пусть когда и выпьет человек – не велик грех. Не напиается же... Счастливая ты за ним... – крепко опираясь на клюку, вздохнула, подходя к хате, Анна.

– Ага, Дроздюк мой хороший... – почему-то грустно и тихо согласилась Ольга. Мудрой старухе хватило только краем глаза взглянуть на соседку, чтоб догадаться, о чём подумала в этот момент Ольга: "Он-то хороший, да только со мной несчастливый, хоть бы одно дитя на руках подержал. Не дал Бог!.." Но ничего не сказала о своей догадке, ещё раз, хоть все труднее чего-то становилось дышать и говорить, подтвердила:

– Иванчик твой добрый. Кто же не знает...

4.

В хате, прежде чем накрыть на стол, Анна повела Ольгу на чистую половину. Та удивилась, хотела что-то спросить, но старуха, переведя дыхание, объяснила:

– Тут вот, Олечка, я покажу тебе... Всё, что на смерть приготовила.

Соседка онемела от неожиданности, только глазами хлопала. Старуха же поставила свою клюку возле гостевой – вышитой, вытканной, с высокими подушками постели, уцепилась руками за шкаф, раскрыла одну половину дверей и тогда глянула на соседку.

– Подойди, Оля, сюда...

Дроздючиха, не на шутку испуганная, встрепенулась, послушалась Анну, подошла к шкафу и чуть слышно сказала:

– Что это ты, Анна? Моего переполошила сегодня, а теперь и...

– Ольга, с небесами спорить не будешь, время каждого придёт, когда надо... Поэтому, дорогая, не говори ничего, а слушай, – Порейко не дала договорить соседке, вела своё – тихо, но уверенно, будто для неё это великая радость.

– Тут, подруга моя дорогая, – она показала на одну из полок, – всё, чтоб домовину оббить. А тут, выше, всё, что на меня наденете... Обязательно, чтобы фартук, он сверху. Ещё в девках его вышивала. Тут и деньги на всё найдешь. Горелку держу под половицей, в предпечье. Хватит на похороны и поминки. Кабанчика забьёте, а курей заберёшь. Ну, сдаётся, теперь всё знаешь...

Старуха закрыла дверцы старого шкафа, ухватила одной рукой за спинку кровати, а другой взяла свою ореховую клюку и тяжело потопала к дверям. Побледневшая Ольга застыла на месте. Из передней старуха оглянулась – в глазах Порейко соседка заметила слезы:

– Что это ты? Я же ещё не померла...

– Да ну тебя, Анна, тоску нагнала. – Ольга подалась следом за ней.

Вместе накрывали на стол, ставили яичницу, проросшие прожилками мяса ломтики сала, тушёную картошку... Дроздюк задерживался, а на столе на почётном месте появилась бутылка чистойшей, как слеза, самогонки. Старуха, доставая её из шкафчика, усмехнулась:

– Давно ещё на селе у Лотика покупала, а он добрую гонит, для себя...

– Ага, Лотик знает, как гнать... – согласилась и Ольга. – Иванчик мой уже с месяц тоже в его аппарате вытиснул, – да не повезло, только зерно перевели. Не вышла брага как следует, в недобрый день делалась, может. Ой, да и страшно теперь – на милицию бы не нарваться. Однако же надо холеру эту в хате иметь...

– Так, так, Олечка... Я запасла. Сказала тебе, где... – Старая сидела уже на лавке у окошка, поглядывала на улицу, высматривая Дрозюка. Тот что-то задерживался.

Ольга тоже под села к старухе, вздохнула:

– Вот так живи, живи, а для чего?.. У тебя хоть сын где-то есть...

– Не трогай этого, Оля... – Порейко тихо заговорила дальше. – Как помру, слышишь, сама меня помой. Положите меня рядом с Дмитрием, только с этого края, от дороги – людей хочу видеть...

– Не хочу больше этого слушать, Анна!.. Ты вот как завтра собралась. Ещё поскрипишь! Грех это!.. – рассердилась соседка.

– Один Бог ведает, когда забрать. Может, и сегодня, может, и завтра... Ещё одно скажу. Запоминай. Сын приедет, скажешь: мать не в обиде была, об одном молилась, чтоб счастливым был сам и дети, и внуки...

Старуха хотела ещё что-то сказать, да не успела – вихрем влетел в переднюю запыхавшийся, вспотевший Дроздюк, переполошив жену и соседку. С порога загорланил на всю хату.

– Анна, телеграмма вот... Девка Нинки Параскиной, заведующей почтой, привезла на велосипеде, перехватил у двора... Твой Стёпа с семьёй едет, завтра аккурат к обеду будет тут...

5.

Пригубила горелки на радостях и бабулька – не могла отказаться: вот оно, счастье, уже неожиданное!..

Казалось, в это утро больше женщин радовался раскрасневшийся Дроздюк:

– А ты, старуха, помереть собралась!.. Гляди, как оно повернулось – нашёлся твой Степан. Эх, ты, Анна... Ещё поживём. И жито, что посеяли, даст Бог, ещё сама и пожнёшь. В добрый день посеяли. Правду ты говорила...

– Поздно... – из старческих глаз вдруг покатались слезы. Анна же не ощущала, что плачет. Ей казалось, что счастливей её нет никого на всем свете, а дрожащие губы шептали эти слова и другие, только ей одной понятные:

– Поздно... С небесами не поспоришь. Уже и межа проведена...

– О чём ты, Анна? – переспросил захмелевший Иванчик, но добиться ответа не успел: жёнка даром что квёлая, дала доброго тумака под бок:

– Горелку всю не перепьёшь. Пора бураки начинать убирать. Полдня высидели...

– Ну, спасибо, Анна, за угощение... – мужик послушал жену, поднялся из-за стола.

– Это тебе, Ванечка, спасибо, что не отказал старухе. Храни тебя Господь. Кто б подсобил, как не ты?

– А, сколько той работы было... – мужик, сильно осоловевший, что-то ещё хотел сказать соседке, да жёнка вытолкала его силком из хаты.

Ольга всё время была молчаливая, сосредоточенная, даже выпитые пятьдесят граммов не избавили её от некоторого внутреннего беспокойства. Не сводила глаз со старшей подруги, и тревога за неё росла. Неким седьмым чувством почуяла: не так просто сказаны Анной те слова: "Поздно. Уже и межа проведена".

Когда, опираясь на клюку, Порейко выходила вслед за ними из хаты, Ольга хотела ещё побыть со старой, перекинуться словом. Но почему-то не осталась, пошла, злясь на своего Иванчика, следом за мужем, который мог бы, по ней, хоть сегодня две стопки выпить, а не три, как он, паразит, опрокинул. Пошла, не проронив больше ни слова. Будто горела та работа, либо подгонял кто пойти с соседкиного двора! Только и услышала вослед Аннино: "Живите, добрые люди, в счастье...", но не оглянулась...

Если бы ведала Ольга, что через какой-то час на свежевспаханной меже, в одиночестве и покое, по годам тётка, а по душе подруга, умрёт её дорогая соседка! Если бы только она ведала!..

Увидев вечером покойницу там, на житней меже, будто присевшую передохнуть, минутку другую, она все поняла: эх, не просто так это! Анна, отчаявшись ждать, молила у Бога только такого счастья, чтоб хоть похоронили её не чужие, пускай и добрые, люди, а сын родной. Одно это и было в молитвах к тому, у кого она просила смерти...

Дождалась, старая...

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

Орёл

Татьяна Ивановна Грибанова родилась в деревне Игино Сосковского района Орловской области. После окончания факультета иностранных языков Орловского государственного педагогического института преподавала в районной школе, работала художником, мастером производственного обучения.

Член Союза писателей России с 2009 года. Поэт, прозаик. Автор более десятка книг. Публиковалась в различных периодических изданиях. Произведения Т. Грибановой вошли в четырёхтомное собрание избранных произведений современных орловских писателей (2015, Орёл), стихи и рассказы помещены в раздел "Современная русская литература: избранное" на интернет-портале издательского дома "Российский писатель".

Лауреат международного поэтического конкурса "Звезда полей" (2012), Премии губернатора Курской области им. Е.И. Носова (2014), Международного конкурса "Умное сердце" им. А.П. Платонова (2014), газеты "Российский писатель" в номинации "Проза" (2014), областного конкурса "Орловская книга" в номинации "Литературное мастерство" (2015), Всероссийской премии "Вешние воды" (2015), Всероссийского поэтического конкурса им. С.А. Есенина (2015), обладатель специального диплома "Прохоровское поле" (2013), диплома Международного конкурса "Русский Гофман" (2016), диплома Национальной литературной премии "Щит и меч Отечества" (2016), лауреат Всероссийской литературной премии "Соловьи, соловьи..." им. А. Фатьянова (2019).

ВЕШНИЙ РАССВЕТ

Рассказ

Не припомню такого года, чтобы накануне Вербного воскресенья матушка не снаряжала отца в дальний Богачёв лес – добрых вёрст шесть в сторону Дмитровска – за краснотальником-верболозом.

У нас, по берегам Кромы, обочь ручья Жёлтого, да далеко и ходить-то незачем – спустись в любой овраг, не ошибёшься, повсюду за неделю до Пасхи бушуют цветущие заросли ивняка.

Но что тут поделывать, если матушка их ни за какие коврижки не принимала в расчёт – и откуда она только прознала такие тонкости? – подавай ей не грубый сине-зелёный раkitник, а тонкие, гибкие искрасно-коричневатые веточки, на которых, как только лопнет лощёная, такая же красноватая плёнка у крупных, с фасолину, цветочных почек, на свет появляются сначала серовато-белые пушистые комочки, а через день-другой глядишь, они уже покрываются мелкими зеленовато-золотистыми цветочками. Если особо не присматриваться, издали покажется даже, что на веточках вербы расселись крошечные новорождённые цыплята. Но такой кустарник, как мы ни пытались сыскать, вблизи нашего хутора, к сожалению, не встречается.

Отец, по правде сказать, никогда особо-то и не сопротивлялся маминой прихоти, даже с почтением относился к этой её осведомлённости и настойчивости. Он и сам был не прочь прокатиться пред-рассветным утром по дышащим вешними ветрами просёлкам. Для него всегда было соблазнительно дать волю своим пытливым глазам, на удивление, даже с возрастом ещё более дотошным, снова и снова жаждущим постижения хоть шепотки чего-то доселе им не разведанного.

А вербы привозил он на весь хутор. Ай жалко? Как-никак праздник! Почему ж соседей не порадовать?!

Зная, какое наслаждение в конце апреля проехать в ранний предзоревоый час по ещё даже не везде просохшим лугам и долинам, я никогда не упускала случая и напрашивалась к отцу в компанию.

Как оказалось с годами, поездки те на исходе апреля по неброским, ещё вязким полям, мимо ед-ва-едва лишь лёгкой дымочкой озеленившихся рощиц и перелесков, не затмило ни время, ни яркие ощущения от посещения всеми признанных мировых красот...

Спускаешься по скрипучим крылечным порожкам на подворье. Звёзды сронились ещё не все. Ещё на тёмно-сером штапеле небес явственно переблёскивают их мельчайшие сусальные набрызги. С востока, откуда-то со стороны деревушки Мелихово, лёгкими, влажными шелками накатывает на Мишкину гору тёплый, но всё ещё по ночному влажный, парной ветерок.

Тссс! Чудится, будто кто-то перешёптывается в глубине сеника, шуршит подсохшей прошлогодней листвой, ступая за тобой след в след по постепенно проявляющемуся, пересечённому ракиновыми тенями (лунища-то сегодня какая!) полусонному двору.

Все страхи улечиваются, когда с охапкой сена объявляется обстоятельно сготовившийся в путь отец, уже успевший накормить и запрячь нашу Зорюху, старую лошадь, в белых с рыжей оторочкой чулочках.

Ещё не обмятое сено возвышается душистой горой меж лесинок телеги. Накрываю его домотканой, из разноцветных ситцевых тесёмок, постилкой. Отец о чём-то толкует с Зорюхой, видать, даёт ей последние наставления: мол, гляди – не подкачай, а может, пытается разбудить, наконец-таки, ото сна нашу древнюю добрую клячу. Она в ответ старику пофыркивает, согласно кивает сивой мордой и вскорости уже принимается нетерпеливо переступать с ноги на ногу.

Приношу корзинку со всяческой матушкиной стряпнёй. Белеется ещё тёплая, с Лыскиным парным, бутыл, густо пахнет вынутой из печи, утомлённой в борще гусятиной, даже сквозь полотенце пробивается ржаной дух краухи.

Из курятника медленно и важно выступает Воевода. С шумом отряхивается, взлетает на изгородь и так орёт в почти уже выцветшую ночь, что соседский кочет, поперхнувшись с недосыпу, принимает ему безоговорочно вторить. И вослед за ним, словно по невидимой цепочке, горланит уже в апрельский рассвет петух тётки Маринки, потом, подтрунивая над его неказистеньким голосишком, распевает свой величественный баритон солист заведующего клубом Андрея Михальча, и пошло-поехало! Уж и на дальних урынках задиристо, без умолку, откликаются нашим игинским забякам очнувшиеся кочета.

Во сне взлаивает соседская Жучка. На том берегу Жёлтого кому-то не спится. Спозаранку, можно бы часок другой и понежиться, кто-то колет дрова. Каждый удар настолько слышим в апрельском воздухе, что кажется, будто стук тот не гаснет, а поленья, разлетаясь в мелкие щепки, разносятся эхом на три версты в округе.

Наконец, усаживаемся, свешиваю меж грядок ноги. Сенные перины тут же обминаются. Мудрую бывалую Зорюху и понукать не надо.

Выкатываемся за обнесённую берёзовыми жердями околицу. Тарарайкает телега, надбавляет шагу, поцокивает об успевший просохнуть просёлок окончательно очнувшаяся лошадёнка, воздуха окрашиваются в тёмно-васильковые тона.

Проезжаем мимо почерневшей полузабытой мельницы, мимо заместо неё наскоро срубленного, кой-как потыканного мхом сарайчишки, сворачиваем мимо курящегося прудка с мирно плавающими утками-дикарями, мимо обрушенной бобровой плотины, а потом всё в гору, в гору, пока не вскарабкаемся на самую её маковку. По ней – версты три, а потом – нырк под уклон.

Из-за раннего сумеречного часа, от торопокого ли Зорюхина бега, оттого ли, что катим пологой приречной низиной, под одёжу пробирается прохлада. Закутавшись в старую мамину белокрайку, угреваюсь. Под мерный тележный перестук, под отцовские небылицы, слово за слово, начинаю придрёмывать.

– Н-но! Ррастудить твою туды! Куда ж ты, разэдакая завезла? Об чём допреж того мекекала? – просыпаюсь, заслышав, как спустившийся с телеги отец отчитывает, выговаривает кобыле, – знаю: ума нет, дак меня хоть бы слухала!

Видать, и сам, дав Зорюхе волю, примотав вожжи к лесенке, подул или просто смолк, не желая нарушать торжество предрассветной тишины. Плелась, плелась лошадёнка и свалыла ваньку: не смекнула, что надо бы уйти вправо, а может, не подрассчитала, бултых – втюхалась грешным делом на полколеса в недавнюю промоину, наполненную липкой суглинистой жижей.

Подкинув под колёса бурьянцу, выбираемся на сухое. Старик, наругавшись досыта, смягчившись лицом, словно сто пудов с себя сбросил – весело присвистывает, и лошадка, извиняясь за промашку –

стыдно, глаз не поднять! – припускает. Из-под колёс летят жирные ошметья, а Зорюхе нипочём, только пофыркивает, знай себе поторапливается.

Отмахав вёрст пять, явственно замечаем, как левый край небес, тот, что распластался над Бóльшим логом, малиновеет; в приобоченном сосённике очухиваются сороки, мечась от макушки к макушке, принимаются истошно стрекотать вослед. Из-под серого, ещё года два назад позабытого каким-то нерадивым хозяином бородатого стога, выпугивается косой и, будто его и не бывало, – ма-новью, задние опережают передние, стрекочет в густой молоденький осинник, засеявший неохватные глазом ещё недавно плодородные пожни.

Едем. Осветляются воздушные, всё отчётливее прорисовывается виляющий вдоль полей просёлочек. На просинённом небесном просторе, от горизонта до горизонта, словно распахивается окно, распускаются белые холщовые паруса и принимаются гулять над изумрудной вольницей озимых, над порозовевшими берёзовыми перелесками, над ещё мутными, но уже очистившимися ото льда и сора речушками. В придорожном селении то там, то тут вспыхивают полтинки огоньков, порываются ворота, попискивают калитки, вскурлыкивают пробудившиеся колодезные журавли.

А зарю уже не удержать за дальними далями. Она, настырная, всё ближе, всё шире! И вот, наконец, парчовыми драгоценными её тканями застилается с востока треть небес. Прозревают отуманенные овраги и буераки. Из ночных укрытий выпархивают певцы полей – стозвонные жаворонки. Знаю, неотвязные, переливистые их песни теперь до самой вечерней зари будет перепевать воспрянувшая ото сна душа.

Вот и солнышко не стерпевает! На их хрустальные рулады из-за холмов выманивается, взмывает алое-преалое светило!

Глядишь, глядишь и наглядеться не можешь. И душа твоя посреди этого облаканного, заполняющегося светом, искрящегося мира тоже засветится, воспоёт в унисон этому новорождённому вешнему утру и переполнится невесть откуда объявившейся, молодой радостью.

Окинешь округу взором – до самого дальнего горизонта просматривается: позади – всё ещё видеть – на дальнем взгорье белая, как лебедушка, кировская колоколенка; вокруг неё в два ряда – избы, а там, за речкой, по правому берегу, куда потянулось рябое стадо, – неопушённый листвою калинник, от него версты четыре – посёлок с дивным названием – Красная Ягодка, дальше, за ореховым леском, рукой подать и до Богачёва леса, до прудка с зарослями вербача, за ветвями которого мы и направляемся.

Лошадь, словно почуяла, что скоро прибудем – летит под рассыпчатый хохот телеги, словно молodka, словно на мосластой её спине прорезались крылья. А и впрямь – с полверсты – и на месте. И безбровое солнце за нами ни на полшажочка не отстаёт. Скачет за Зорюхой резвым рыжим жеребёнком: она – под горочку, и солнышко кувырком вослед, она поднатужится – на последний бугорок, а солнышко уж тут как тут – скачет, развевая свою огненную гриву, по верхушкам вербача.

На него в эту яркую апрельскую звонь и смотреть-то невозможно. Так сияют его окроплённые золотой пылью, раскатившиеся на вёрсты кусты-шары, что глазам жмурко.

И как же весело будет среди этого, обрызганного солнцем, мира возвращаться на хутор с телегой, грузённой охапками дивного дива – осыпанной сусалью вербицы, а завтра, в светлый Вербный день, пробежаться спозаранку по хутору от избы к избе и в предвкушении Пасхи раздарить её соседям – всю, до последней веточки.

МИХАИЛ НИКОЛЬСКИЙ

Краснодар

Михаил Никольский – поэт, автор-исполнитель собственных песен. Его стихи публиковались в журнале "Родная Кубань", в газетах "День литературы", "Кубанский писатель", в интернет-журнале "Молоко" и в коллективных сборниках. Член Союза писателей России с 2018 года

Русский

Я всё время живу невпопад.
То чего-то боюсь, то смеюсь.
Попадаю в жару в снегопад,
А весной – в осеннюю грусть.

Жизнь свою раздаю за долги.
А бывает, и просто за так,
В завываньях январской пурги
Разменяв припасённый пятак.

И промозглой дождливой весной,
И под золотом слёз октября
То терзаюсь напрасной виной,
То считаю, что всё это зря.

То опять невпопад матерюсь
И скитаюсь, и пью, и пишу.
То стихами душу свою грусть,
Целомудренной верой грешу.

То, забывшись, усну, наконец,
Прозябая под толщей веков...
То со смертью шагну под венец,
То на волю пробьюсь из оков.

И, карабаясь к свету, вернусь!
И ещё допою, и смогу
Зализать свои раны. И пусть
Станет страшно и тошно врагу!

В резонанс наших душ не войти,
Если с нами не пить и не петь.
Ну а тех, кто пристанет в пути,
Станем, коль не любить, так терпеть.

А дотоль тишина да метель,
Да тоска, что спокон – на века:
Сход народный, колхоз и артель,
И под пьяную руку строка.

... Я проснулся опять в январе...
Лишь позёмка... И всё замело.
Мне уютно в родимой норе –
Пусть не сытно порой, но тепло.

Ты

Ты нигде, и ты везде:
В листьев шорохе и ветре,
В яркой утренней звезде
И в дорожных километрах.

Бриз и яростный норд-ост,
Штиль и мощное цунами...
Нежность – ярость, радость – злость,
Лёд и свечки тонкой пламя...

Ты прохладная роса
И самума вздох смертельный.
Наслаждений райских сад
И железный крест нательный.

Ты молитва и протест,
Брань и слов любви услада.
Порицание и лесть,
Эликсир и капля яда.

Ты моя и ты ничья,
Ты слепа, как сокол, зряща...
Гром и тихий звон ручья,
Полный рог, пустая чаша...

То жестока, то нежна,
То весёла, то печальна...
То понятна, то сложна...
Ты – Вселенское Начало!

Осенний лист

Прощальный бал осенний.
Пёстрый яркий лист
Средь голубей кружится жёлто-рыжей птицей.
На паутинке, как циркач-эквилибрист,
Поймав баланс, в окно тихонечко стучится.

Срывает вверх его порыв и тотчас вниз,
В момент швыряет невесоמוю пушинкой.
Досадно всё ж, что коротка у лета жизнь,
И "Вальс-бостон" хрипит
с заезженной пластинки.

И, с голубиной стаей лист совсем сроднясь,
Парит легко, ко всем заглядывая в окна.
И бабье лето, хризантемами смеясь,
Почти под летним ливнем
вскорости промокнет.

И жёлтый лист, скользя по лужам октября,
Под ветром будет биться завтра, а сегодня
Пусть седины лучи виски не серебрят,
Пусть "Венский вальс"
в саду оркестр играет сводный.

И, желтизною напитавшись, тёплый день
Подарит мне свою прощальную улыбку.
И на мгновенье станет солнечно везде,
Исправив осени досадную ошибку.

Осенний вальс

Над душою вдруг нависла осень,
Хоть ничто вчера не предвещало.
Расколосось с громом небо оземь,
Будто стрельну́л кто-то из пищали.

Полила́, заплакала, задула,
Зашуршала листьями среди ночи.
И, оживши скрипами и гулом,
Растеклась по венам междустрочий

Вальсом грустным с нотами прощанья,
Спетым тихим, старческим сопрано,
И дождём размыла мир песчаный,
Желтизной платаны крася рьяно.

И несла по паркам околесно
Терракотно-охристо-багряный
Вальса звук, отчаянно прелестный,
Чуть с грустинкой, капелечку пьяный.

* * *

Душа скорбела в тишине,
Ждала, когда ты
Свою утопишь грусть в вине.
А день-предатель

Не торопился ночь сменить.
И, как из воска,
Луна. И тлела лампы нить
В ночном киоске.

Стоял и выл ты на Луну,
Смотрел волчищем,
К стеклу оконному прильнув.
И, как мальчишка,

Дышал и пальцем рисовал
Одно лишь имя.
Как будто прочие слова
Ты с сором вымел.

Желтела липа за окном.
Октябрь, сгорая,
Вставал прозрачным жёлтым днём
Из неба края.

И в этот час ты был один
На свете белом.
И, одинокая, в груди
Душа скорбела...

Время

Потому и быстро
Время пролетает,
Что оно как выстрел
По мгновений стае.

Или отзвук эха,
В резонансе сжатый...
Или годы-вехи
На вселенской жатве.

Но порою время
Липнет мягким воском,
Евнухом в гареме
Маслом мажет скользким.

И молчит, и дышит
Медленно в затылок...
И проходят тыщи
Лет в забвеньи стылом.

Время не потрогать,
Не увидеть следа.
Время судит строго,
Скачет, мчит, едет...

Но, в конечном счёте,
Время – просто вирус:
Пули, бомбы, чётки,
Влитые в папирус.

Время – вздох и стоны,
Чья-то смерть и роды,
Лики на иконах...
Рак, болезнь Природы...

* * *

*Рисуют мальчики войну,
Рисуют танки и "катюши".
Висят во всю листов длину
Снаряды жёлтые, как груши.
А. Богословский*

Играли мальчики в войну,
Поднаторев на "Контрол Страйке",
Как будто жизни три "майну́в",
Сорвав попутно сотни лайков.

Они играли не в сети,
Не как участники флэшмоба,
Во всех стреляя по пути
Из ружей, смерть посеять чтобы...

Мальчишки прошлого – войну
В тетрадках толстых рисовали,
И поднимали Целину,
И, если нужно, воевали.

А эти – с вирусом в душе,
И с "умным" чипом вместо мозга.
Они как буковки в клише,
Как дождь ноябрьский промозглый.

И, напившись соком лжи
Из виртуального сосуда,
Готовы в новом мире жить
Взаимы: за фантики и ссуды.

А та, что Родиной звалась,
В их обиходе стала "Рашкой".
Придя, не дай Господь, во власть,
Во всю кошмарят "замарашку"...

Она терпела тыщи лет:
И супостатов, и "героев",
Её терпимей – точно нет –
Страны и гениев, и гоев.

С таким тяжёлым багажом
В тысячелетие вошли мы...
Пока предание свежо,
Пока в музеях есть "максимы",

Жива "Аврора", броневик
И Мавзолей пока не сломан,
Не все, кто знал Победы миг
В предсмертной вытянулись коме,

Спасём мальчишек тех умы,
Сердца и души для России!
Ведь сами их толкнули мы
В объятья липкие трясины.

Где "тренды", "стайлы", "чиксы", рэп...
"Лапта" забыта и "Зарница".
И где китайский ширпотреб
Над всеми властвует. Граница

Приличий стёрта, где герой –
Не добрый витязь, а убийца,
Где Карабасом стал Пьеро,
И чёрным грифом – голубица.

Их надо как-то оторвать
От этих Крюгеров и Шварцев,
Отмыв от накипи сперва
Песком из солнечного кварца.

Спасти для будущих идей,
Свершений всяческих, открытий,
Да просто, в них спасти Людей,
Вернув в мир тёплых чувств, событий.

Спасти, чтоб мальчики войну
Лишь на бумаге рисовали,
Победный Май и ТУ весну.
И Русь Великой называли.

И пусть с утра ноябрь...

Обычный день, не хуже чем вчера...
Досадно, что вчерашнего – не лучше.
Мелькает жизнь в окне: то вечера,
То нудный дождь сменяет Солнца лучик.

И ты всё ждёшь: вот-вот наступит май,
Со всем его теплом и соловьями...
И свято веришь, что уйдёт зима,
И корка льда с души сойдёт слоями.

И всё опять, как много лет назад,
Придёт в весны движенье и броженье.
И вату туч клинки лучей низать
По лету будут до изнеможенья.

И что с того, что юность позади?
Высок каблук, и бёдра гладит юбка!
И пусть смартфон без устали зудит –
В контакте этом красная зарубка.

Тебе сейчас от силы двадцать пять –
 Ну, двадцать семь – ни чуточку не старше...
 И ты влюбилась, кажется, опять...
 И пульс в висках звучит победным маршем.

И пусть с утра ноябрь и снова дождь,
 И понедельник гонит на работу,
 ...Он тоже верит, знает, что придёшь
 Однажды в мае, вечером, в субботу.

Замороженный конфликт

Вполнакала светит лампа –
 Скоро, видимо, погаснет –
 От обстрела в прошлый вечер
 Загорелся трансформатор.
 Здесь ни Путина, ни Трампа,
 Здесь лишь мины да фугасы.
 И рождения предтеча –
 Смерть – над сущими куратор.

Всё здесь "в пол", всё как-то "недо":
 Недомир и недоправда.
 И в пустых глазницах окон
 Недосвет во тьме мерцает...
 Чьи-то, сталкиваясь, кредо
 Аргументами из "Града"
 Сыплют щедро и жестоко
 Меж лачугами, дворцами...

Только шёпот о спасенье
 В каждой утренней молитве.
 И всё реже детский щебет
 В лабиринтах мрачных улиц.
 Ни Союза, ни Расеи,
 Серый с красным на палитре...
 Вой снарядов в тёмном небе,
 Вместо птиц щебечут пули...

И пока без перспективы
 На какую-то стабильность.
 Пятый год войны, и дети
 Так привыкли к артобстрелам...
 Сводки, как речитативы:
 Кто живой, кого убили...
 А в степи всё тот же ветер,
 Только с запахом горелым.

Придут конечно же морозы...

Декабрь балует, и солнце,
 Сквозь тучи жарит от души.
 На глади луж – от капель кольца,
 Но мало кто домой спешит.

В такт настроению, погоде
 Молотит сердце в ритме "свинг".
 И в суете предновогодней
 Народ скупает всякий "дринк".

И ёлок праздничных убранство
 Не по погоде: в блеске бус
 Десятки солнц в земном пространстве –
 Всё жарче градус, выше "плюс"!

И пусть объявятся морозы,
 Светило в туч упрятав тень,
 А нынче – каплю нетверёзый –
 Улыбки дарит тёплый день.

Ты знаешь, Ад – он рядом

Ты знаешь, Ад – он здесь, он рядом,
 Ты только руку протяни,
 Взгляни окрест пытливым взглядом –
 Ну вот же он, за Райским Садам,
 Своим зловонием манит.

Людские рты в нём ежедневно
 Войны глотают гарь и пыль.
 В глазах без слёз лишь пламя гнева.
 А где-то празднует Женева...
 К чему нам сказки? Это быль.

Когда вдруг страх твой сон нарушит,
 А ночь – как вечность до зари,
 Тоска вонзит заточку в душу,
 И Добродетель, взяв "беруши",
 Уснёт, давай поговорим!

Про Райский Сад, в тиши цветущий,
 Про радость, счастье и любовь...
 А их всё больше – Смерть несущих,
 А Бог всё хуже слышит, глуше
 Мольбы стонающих рабов.

И поколения рождённых
 В Аду не ведают про Рай.
 Решимость лиц их измождённых,
 Останки взорванных, сожжённых –
 Про это не покажет прайм.

Про это все молчат пугливо,
 Чтоб усидеть в своём седле.
 А Гефсиманские оливы
 Друг с дружкой шепчутся стыдливо,
 Что Ад – он здесь, он на Земле...

А ненасытная орава,
 Поправ законы, правит бал!
 Взгляни налево и направо:
 За пальмой – видишь? – Ада лава
 Вскипает, как девятый вал.

Ледяной поход, конец

Адский холод – мга и ветер –
С неба сыплет чёрт-те что...
Тьма, хоть час всего лишь третий.
Пушка лупит за баштой.

В лёд земля, одежда, ветки –
Пробралó до самых душ.
И "максимки" крошат метко
Белых, красных... Неуклюж

Покосившийся "журавель"
Без верёвки и ведра...
Так никто и не поправил...
– Всё, соколики, пора!

– С Богом, братцы! За державу!
За Отечество, царя!
С шашкой вверх, от крови ржавой,
Галунов шитьём горя,

Есаул рванул к станице,
Эскадрон – за ним вослед...
Только хлопнули ресницы,
Головы на шее нет...

Конский топот, крики, стоны,
Звон клинков, предсмертный храп,
В грязь хоругви и иконы,
В грязь шинелей серый драп!

Нарвались. Видать, засада
Здесь у красных. Кони ржут –
Смерть – не лучшая награда
За терпенье их и труд.

Лёд копытами ломая,
Ноги рая о плетни,
Кто-то рысью, кто – хромая,
Вдоль по улицам они

Понеслись. Кто с мёртвой ношей,
Кто с висящею уздой...
Урожай смертельный скошен
И кровавой принят мздой.

А остатки конной сотни
Прямо к красным в арьергард
Зарубились клином, плотно,
Разметали, как пурга.

Стало это им спасеньем –
Так внезапен был удар
На коварном льду весеннем –
Провиденья редкий дар.

На восток, вперёд – на Маныч,
Без погони в степь пошли.
Спутал бес иль Бог их планы,
Прочь погнав с родной земли...

Через год добьют остатки,
Большинство полягут здесь.
Кто везучий, с волчьей хваткой,
Доберутся до Одесс,

Севастополей... Оттуда
До Марселей, Каннов, Ницц...
Горечь – главное их блюдо,
Что вкушали без границ.

Сколько их тоски хлебнуло
По парижским кабакам,
По Харбинам и Стамбулам,
Распылившись по векам...

То всё в будущем, а ныне
Им до Дона, на покой...
Ветер, степь, ковыль да иней.
Да по следу Смерть с клюкой...

Доживи, пехота

Заалел далёко
В хмарь рассвет.
Огонёчек блёклый –
Был и нет.
Эх, косить бы травы –
По росе...
Только немец справа,
За шоссе.

Развернуть бы пушку
По нему,
Да по той опушке
Долбануть:
Нынче не до игр –
Ведь вот-вот
Два десятка "Тигров"
Примет взвод.

А трава по поясу
Ждёт покос.
Воет ветер в голос,
Словно пёс.
Дотерпи, пехота,
Доживём!
Встретить день охота
Всем живьём.

Через час в атаку
Фриц пошёл.
Рвали танков траки
Луга шёлк.

Взвода аж две трети
Из полста
Полегли здесь, встретив
Грудью сталь.

А в росе чернела
Масла гарь.
И паучьим телом
Танка тварь
Догорала в полной
Тишине...
...Выл про это в полночь
Ветер мне.

Ночь неслышно прокралась пумой

Мне казалось, теперь легко
О тебе вспоминать и думать.
Но в рассветное молоко
Ночь неслышно прокралась пумой...

И когда ты пришла во сне,
Снова я всё, что было, вспомнил.
Ты мотивом вплыла Массне,
Маслянисто, тягуче, томно.

Лето где-то шумит вдали,
Обделив этот край лучами.
Ты в нём Гала, а я Дали.
И лишь море и крики чаек.

От волны мириады брызг –
Гулок гребня удар о камень...
Все мечты разметало вдрызг,
Не поймать их уже руками.

Рассветает... Пора... Прощай!
Разрешешь о себе мне думать?
И по мягкой стене плюща
Сон уходит на лапах пумы...

Бой в сорок третьем

Мои стихи горчат, саднят, чадят
Пожаров гарью, копотью тротила.
Сквозь ночи тьму проходит череда
Солдат, которых память захватила.

Из года в год, в какой, не знаю, раз,
Уходят в ночь под зарево разрывов.
Скользит тропа, оврага липнет грязь,
Трассёры в тьму летят куда-то криво.

Мне кажется, они зовут с собой,
На высоту без имени на карте.
Там каждый раз один и тот же бой,
И знаю точно: в сорок третьем, в марте.

Среди бойцов в строю родной мой дед,
Артиллерист, гвардеец, замкомбата.
Ему всего там двадцать восемь лет,
Но все солдаты звали деда "батя".

Уже тепло, всю идёт весна,
Высотка их покрылась первоцветом.
И дед кричит оттуда мне, из сна,
Что на войну наложено им вето.

А мне всё кажется, что он зовёт с собой,
На батарею их, что бьёт по склону.
Я слышу взрывы, вижу этот бой...
Но как кремён дед, строг и непреклонен.

Вновь снится сон, что я не раз видал,
И дед живой, и склон в осевшей гари...
...За этот бой он получил медаль.
И капитанских звёзд, и пуль – по паре.

На погосте

Мрачен тихий погост,
Лишь стучат копачи по гвоздям молотками.
Крики вдов не слышны –
Их вполне заменяет собой вороньё.
Я покуда здесь гость,
Пью декабрьский воздух большими глотками.
И совсем не страшны
Пасти ждущих могил, обмеряющих тело моё.

Знаю, срок не настал,
А когда он – не знает никто, кроме Бога.
Не дописан ещё
На руке моей правой из линий узор.
Струн звенящая сталь
Ранит душу и снова пророчит дорогу:
Я ещё не прощён,
И не вынесен мне до сих пор приговор.

Кисть калины – что кровь
Среди голых костей, прежде трепетных
крыльев.
И промёрзший туман,
Оседая, становится коркой из льда.
Я закрыл на засов
Всё, что память в своих закоулках сокрыла.
Знаю: слёзы – вода,
Жизнь – бездонный колодец, а время – его
колесо...

Памятка красноармейца

А ведь бывает так, что вот он – враг!
Его в прицел поймаешь и стреляешь!
Но как во сне дурном – не попадаешь,
Не попадаешь ты в него никак.

И он бежит, стреляет и орёт,
И тоже, как и ты, не попадает...
А страх обоих вас, как глыба, давит.
И сам вдруг в рост встаёшь и прёшь вперёд.

Вот страх остался где-то позади,
И штык примкнут, сапёрная лопата
Всегда придёт на помощь... "Эй, куда ты?!
Стоять! Назад! А ну-ка, погоди!"

Но сдрейфил он, бежит во весь опор,
И ты за ним, как тень, с штыком по лугу...
И он давно обделался с испугу...
А ты никак не выстрелишь в упор.

Вдруг он споткнулся, кубарем в окоп
Скатился, словно стреляная гильза.
А дома Гретхен ждёт, а может, Ильзе...
А он сейчас дождётся пулю в лоб.

И вот он – враг, распластанный, – стреляй!
Всади в него всю полную обойму...
Но жить, понятно, хочется обоим,
Тебе домой, ему – к своей фройляйн.

Дрожит теперь. А вдруг не убивал?
Неужто все они – фашисты, звери,
И нет им ни прощения, ни веры?
Засели в мозг из "Памятки" слова...

...Стоял согбенный немец и молчал
У памятника русскому солдату –
Он каждый год приходит в эту дату –
И плавилась в руке его свеча...

Не ко времени

Так потеплело не ко времени:
Деревья почками беременны,
Цветы и травы с насекомыми
Проснулись враз, теплом влекомые.

Весны неожиданной околесица –
Как в март верёвочная лестница.
И всё сиянием наполнено –
Тепла живительными вóлнами.

И вдруг незваная нагрязнула
Зима... И каплями багряными
Кровит сквозь снег кустом калиновым.
И фиолетово, малиново
Лежат на белом самоцветами
Цветы весенними приветами.

* * *

Повеса Март пришёл опять:
Вовсю орут коты,
Ночами бедные не спят...
И вместе с ними ты

С Луной заводишь разговор
Об этом и о том.
И луч её в оконный створ
К тебе ползёт котом.

Цветущей веткой абрикос
В стекло твоё стучит,
И лунный свет, проникнув сквозь,
Поёт тебе в ночи

О том, что канула зима
В седое небытьё...
И света лунного сурьма
Течёт в окно твоё.

И гиацинта аромат
Дурманит и пьянит,
И шепчет: "Кончилась зима",
Лучи сплетая в нить.

А я машу рукой: "Привет"...
И прыгаю в твой сон.
Туда, где с птицами рассвет
Горланит в унисон.

Туда, где снова всё цветёт,
И юная весна,
Из душ вытапливая лёд,
Ваяет явь из сна!

Солдат Победы

Он столько лет носил в себе войну –
Под сердцем грамм металла от снаряда.
Героем был..., а после был в плену:
Сперва в немецком, позже – в нашем – к ряду.

Потом опять геройски воевал –
Смывал "позор" своей и фрицев кровью.
И вновь войны накрыл девятый вал,
Когда лишился матери и крова...

Но всё ж дошёл до самого конца,
И даже орден дали за Варшаву,
А он, по сути, был совсем пацан –
Солдат Победы, сын своей Державы.

И он дожил почти до сотни лет,
Ненужным став последние лет тридцать...
Жалел, что сдал когда-то пистолет –
Сейчас бы смог, наверно, застрелиться:

Вчера его в автобус не пустил
Шофёр, решив, что бомж он и бродяга...
Хотя и впрямь карманы-то пусты,
А был – герой Победы с красным стягом.

Хоть плачь теперь, хоть вешайся – саднит
Осколок тот... И рвёт не сердце – душу.
Однополчан броней укрыл гранит...
А гул Победы дальше, тише, глуше...

Тот мир ушёл навсегда

Тот Мир, что мы знали, ушёл навсегда.
Другой он теперь, без "понтóв" и иллюзий.
Другими в нём стали природа и люди,
В нём яства горьки на отравленном блюде,
И воздух отравлен, и с ядом вода.

Привычный – навязчивым сделался быт:
Все люди теперь под домашним арестом.
И рушатся вновь синдикаты и тресты.
В Москве, Барселоне, Нью-Йорке, Триесте
Кошмары плодятся, как в сырость грибы.

Как в карты, играет весь Мир в "дурака".
Но козыри все на руках не у Мира –
Он, деньги и золото сделав Кумиром,
Давно позабыв запах ладана с миром,
Попал в свой же собственный волчий капкан.

И помощь – зови, не зови – не придёт –
Эдем свой мы сами, увы, распахали,
Бессовестны стали, жестоки, нахальны...
Лишь капля Надежды Свечою Пасхальной
Горит под иконой – Дня Судного ждёт.

Карантинный Первомай

Из детства чёткая картинка:
Вверх граблями антенны с крыш...
И Кристалинская с пластинки
Поёт, как топает малыш.

Я не малыш – мне три! Четвёртый!
На мотороллере с отцом
Качусь и руль сжимаю твёрдо,
Со строгим, папиным, лицом.

А завтра праздник Первомай!
Мне купят шарик и флажок!
Хвостом виляя и хромая,
Проводит верный пёс Дружок

На демонстрацию! На праздник!
Где "Мир-Труд-Май", цветы и смех.
Пацан-сосед – и тот не дразнит –
Ведь праздник! Общий! Он для всех!

Прошло полвека, даже больше...
Уж многих нет из той поры.
Не с нами Чехия и Польша,
Румыны точат топоры...

Канун, преддверье Первомай,
Весь Мир закрыт на КАРАНТИН!
Живём, гостей не принимая,
Как миллиарды "буратин",

Которых злые "карабасы"
Враз засадили под замки...
Одни – питаются сибасом,
Другим – морковкины вершки...

Уж нет величия и славы,
Добытых предками в веках,
Цинизм и ложь густой отравой
Текут, смывая правды прах.

И не пройдут, увы, шеренги
Людей из тех далёких лет...
Цвет настроения – маренго.
И в прошлое не взять билет...

Таков зенита механизм

Ты спросишь: "Милый, что болит?"
"Душа, –отвечу я – не тело...
Она бы в Космос улетела,
Но тяжела, как монолит..."

Гнетёт ли что её? Как знать...
Но не летает ведь, по факту.
Пилюли, может, есть, экстракты?
Не знаешь, где их заказать?

А может, просто помолчим?
Погладь мне голову и плечи –
Я слышал, ласка тоже лечит.
Найди от дум моих ключи.

Прижмись, тебя я обниму.
Ты знаешь, скоро будет лето...
Давай возьмём с тобой билеты,
Навстречу вылетим ему?

И там начнём другую жизнь,
В которой каждый точно знает,
Что тени в полдень исчезают –
Таков зенита механизм...

Коронавирусное лирическое

Настало время юк и роз,
Клубники алой и черешни...
В ночь Скорпион вонзает клешни,
Согнувшись, словно знак "вопрос".

Пришла пора внезапных гроз,
Что раздирают громом небо...
Дождей, природе на потребу,
Что поят колос, лист и гроздь...

И всем бы радоваться, жить,
Вдыхать цветущий клевер в поле,
Но, покорясь недоброй воле,
Не покидают этажи:

Есть те, кого сжимает страх,
И те, кого сжигает злоба...
И те, кто верят Вангам, Глобам...
И те, кто в Призрачных мирах...

И все, в пружину сжавшись, ждут,
Когда придётся распрямиться,
Чтоб замелькать сквозь дни, как спицы
Колёс, летящих по дождю.

Но нет пока людской толпы
И непрерывного движенья:
Повсюду камеры слеженья...
И то ли вирус, то ли пыль...

Сверчок

Упавший в пыль, молчит его смычок,
Что пел в ночи, приветствуя в ней лето.
Устал, уснул, намаявшись, сверчок,
Найдя в саду укромный угол где-то.

Он спать мешал порой в кромешной тьме
Он, говорят, вредил на огороде...
Играл сверчок на скрипке песни мне
Про то, как месяц ночью в небе бродит.

Про то, как крот живёт в сырой норе,
Червяк мечтает стать большой цикадой.
Как спит медведь в берлоге в январе,
Как соловей поёт в ночи рулады.

Про то, как волки воют на Луну,
А лисы зайцев ловят в первоснежье.
Как чешет лось загривок о сосну,
Как прячет рысь добычу под валежник.

Играл всё лето, а теперь – молчок,
Уже дней шесть молчит, а может, восемь...
Пропал совсем мой друг – ночной сверчок.
Должно быть, просто наступила осень...

Зоя Космодемьянская

Девчонка совсем, в синяках и босая,
В разорванной блузке нательной в крови,
Стояла на площади, губы кусая,
Шептала себе: "Не реви! Не реви!"

Лютуют фашисты... Оно и понятно:
Кругом диверсанты, куда ни ступи.
В Европе всё было легко и приятно,
А здесь партизаны в лесах и в степи.

Девчонку повесят: она – поджигатель,
Она для фашистов – опаснейший враг.
Ей петлю на шею затянет предатель,
А после свезут за деревню, в овраг...

Она назвалась на допросе Татьяной.
Её избивали, окурками жгли.
Фельдфебель гестаповский, злобный и пьяный,
Насыпал в ладонь ей из печки угли.

Она искусала до мяса все губы,
Так фрицу под пытками и не сказав,
Ни сколько их было, ни будет ли дубль...
Смеялась, плевала фашисту в глаза.

... А тело её обдували метели,
И днями клевало глаза вороньё...
Глумились фашисты над ним, как хотели –
Хоть с виду и люди, а чисто зверьё.

Лет восемь десятков почти просвистело,
Теперь не понять, кто друзья, кто враги...
И только на фото – промёрзшее тело,
Всё в крошечке снежной мезги...

ЛИДИЯ ЖЕЛЕЗОВСКАЯ

Краснодар

Лидия Васильевна Железовская – поэт, член Международного союза писателей и мастеров искусств. Провизор по образованию, последние двадцать лет работала в аптеках и лечебных учреждениях Краснодара, но всю жизнь тяготела к литературе и в особенности к поэзии. Издала книгу стихов "Я лелею в душе мечту..." (2020). Готовится к выходу вторая книга, в которую, кроме авторских стихотворений, вошли переводы произведений классических и современных поэтов. Является членом краснодарского литературного объединения "Верность" при КРО СПР, член редакционного совета объединения.

Памяти Вячеслава Динеки*

1.
Он ушёл... Он всё-таки ушёл...
А ведь был нам так необходим!
Свой последний стих для нас прочёл
И – умолк. И мы простились с ним.

Наш Учитель вёл нас по тропе,
Выводил на свет из темноты.
Робких, неуверенных в себе
Нас высвобождал из немоты.

И поддерживал, и вдохновлял
Словом, поэтическим пером.
И на равных быть с ним позволял,
Хоть безмерно выше был во всём.

Светлою весеннею порой
Вечным сном безвременно почил.
Не святой поэзии одной –
Он нас жизни вдумчиво учил...

2.
Военный оркестр и награды у гроба,
Прощальные залпы, цветы и венки.
О, как безнадежно они коротки –
Мгновенья последние: слёзы и ропот.

Но души! Ушедшие нас не покинут,
В беде не оставят, в тоске не отринут.
Незримо пройдут над землёю года...
Покуда мы помним, вы с нами всегда!

* Вячеслав Александрович Динека,
краснодарский поэт и прозаик, руководитель
ЛТО "Верность", покинул этот мир
30.04.2021 г. в 6 часов утра

* * *

Дома по пояс в тумане,
На лужах ледок с ночи.
Промозглым утром ранним
Трамвай нас по городу мчит.

Насторожённых, хмурых, сонных
Ждут заботы, нелёгкий день.
И десятков проблем нерешённых
Пробегает по лицам тень.

Нынче жизнь, как на поле брани.
Не заметят, хоть закричи,
Что дома по пояс в тумане,
Что на лужах ледок с ночи...

* * *

Было, было...
Тебя я безумно любила.
Безумно? Да нет, пожалуй.
Себя я в узде держала,
Голову я не теряла.
А любовь взяла и пропала...

А.С. Пушкину

Рискну ль несмелою рукой
Воздать хвалу стихам бессмертным?
Влекомые столетий ветром,
Струясь, текут они рекой.

Источник ясных, чистых дум,
Красот небесных русской речи...
Восторг душе при каждой встрече
Внушает твой высокий ум.

Мой драгоценный, верный друг!
В минуту грусти и печали
Вдруг слышу: снова зазвучали
Твои стихи – спасенья круг!

Нелли Василюхиной

Вы такая хрупкая и нежная!
К вам давно мечтала подойти.
Аура богини безмятежная
Преградила смертной, мне, пути.
Пообщаться вышло нам нечаянно –
Душ родство я ощутила миг.
Верю я – та встреча не случайная,
Восхищенья повторится миг!

* * *

Мне мало времени осталось:
Спешу доделать все дела,
Пока безмерная усталость
На плечи камнем не легла.

Спешу допеть, что не допето,
И долюбить, пока есть силы,
Пока душа теплом согрета,
И губы произносят: "Милый!"

Пора всё в жизни завершить.
Я чувствую – осталось мало,
Ведь долго так нельзя прожить,
Как мы живём.
А я устала...

* * *

Расцвела черёмуха душистая
У колодца, на пустынной улице,
Белоснежная, наивно-чистая,
Да никто цветами не любит.

Не вдыхает запаха чудесного,
Не ломает веток для красавицы.
Позабыты посиделки с песнями,
К лепесткам душа не прикасается.

Променяли запах дровяной
На угар и смрад автомобильные...
Чахлый, пыльный скверик городской
Всколыхнул в душе сны неизбывные.

* * *

Боюсь нарушить твой покой
Движением неосторожным.
Ты спишь так чутко и тревожно,
Что страшно шевельнуть рукой.

Такие разные – вдвоём
С тобой друг друга дополняем,
Печали преодолеваем
И прелесть жизни познаём.

А если выпадет уйти
В тот сон, который длится вечно,
Не смей забыть меня беспечно!
Прошу, с собою захвати...

* * *

Ветрами выжжена земля,
Цепляется за камни зелень.
К себе голубизной маня,
Плат моря широко расстелен.

Сплелись в одно мечта и явь,
Следы истории в руинах.
Над Крымом крылья распластав,
Орёл парит, туман раздвинув.

Вернулся он к родным горам;
Стал крыльев взмах ещё мощнее.
Пришла желанная пора –
Быть здесь царём, всех птиц сильнее!

* * *

То ветер холодный, то дождь
С промозглого сыплется неба.
Весну запоздалую ждёшь,
Надежду всё так же несёшь,
Как будто обманут ты не был.

Как будто у ног не лежали
Осколки разбитой мечты.
Их склеить возможно едва ли...
И мысли в испуге бежали
От ужаса и пустоты.

Как важно людское участие,
Желанны спокойные сны!
Пройдёт затяжное ненастье,
Блеснёт долгожданное счастье,
Мы снова дождёмся весны!

* * *

Подступает возраст золотой,
Близко так, что некуда деваться,
И морщинки дружной чередой
На лицо непрошено садятся.

И уже не скрыть седых волос –
Только красить их теперь осталось.
Да печалит, горькая до слёз,
Эта бесконечная усталость.

Но всё так же льётся в душу свет
От весны с черёмухи кистями.
Я гляжу на мир, как в двадцать лет,
Широко раскрытыми глазами.

Время, ты не властно надо мной,
Даже пусть не за горами старость,
Потому что знаю – молодой
Навсегда в душе своей останусь!

ЕЛЕНА МАШУКОВА

Орёл

Елена Анатольевна Машукова – поэтесса, член Союза писателей России с 2010 года, автор поэтических книг "На горячих крыльях" (2000), "Икебана из одуванчиков" (2003), "Лунница" (2009), "Рисунок на ладони" (2013), "Если вернуться" (2015) и нескольких книг для детей. Её произведения публиковались в различных журналах и сборниках, а также на сайте "Российский писатель".

Лауреат премии Сахалинского фонда культуры за вклад в развитие культуры Сахалинской области (2000), региональной литературной премии им. А.А. Фета (Курск, 2013), Всероссийской литературной премии "Вешние воды" (Орёл, 2014), Всероссийского поэтического конкурса "Звуки Космоса" интернет-портала "Планета Королёва" (2015), Международного литературно-педагогического конкурса "Добрая лира" (2016), интернет-портала Союза писателей России "Российский писатель" в номинации "Поэзия" (2016); лауреат V открытой Южно-Уральской литературной премии (2016) в номинации "Литература для детей".

* * *

На рассвете снег сиреневый,
воздух мартовский горчит.
Над селом,
как ударения
над строкой,
летят грачи.
Восклицают озабоченно,
гнезда старые узнав...
По заснеженным обочинам
вьются полозы канав,
а вокруг –
берёз парение
раскрывается в гало
Как в душе –
стихотворение,
просыпается село.
И звучит его мелодия –
беспокойная печаль,
сердцу близкая, как родина,
бесконечная, как даль.

Старый бабушкин дом

Дверь тяжёлую открою,
век, что снег, стряхну с платка,
только в бабушкином доме
не разжечь мне камелька.

Нелюдим, непроницаем,
в белом поле дом плывёт.
Будто время отрицает...
Родины не узнаёт
и меня не замечает, –
призрачна его стена,
над снегами дом качает
детской памяти волна.

Лес в окне похож на фреску.
Над застывшей тишиной
сквозь метели занавеску
тает в поле свет живой.

Романс

Раскинул в небе невода
закат волнисто и высоко,
и под кувшинками вода
смежила радужное око.

И шелест ив студёным стал,
в аллеях тропы опустели,
когда проснулась в колыбели
звезда, свободна и чиста.

Её далёкий, ровный свет
дарил надежду и участие,
как будто в жизни нет несчастий,
как будто в мире горя нет.

Бывает так в судьбе земной,
когда любви ослепнет пламя,
мы можем стать кому-то сами
такой звездой.

Мы станем вдруг кому-то сами
такой звездой.

Фиалка

Когда закончится зима,
ты в это сразу не поверишь.
Ещё в снегу пологий берег,
и в белом облаке дома.

Упала чашка со стола,
над лестницей погасла лампа,
а на окошке расцвела
фиалка ярко и внезапно –

Перешагнула Рубикон,
объятья раскрывая свету.
И ты её простым цветком
защищена, как амулетом.

Ветла

В белом небе – синие ветра.
В белом поле – чёрная дорога.
На пригорке старая ветла
показалась странницей убогой.

Оголились руки до локтей,
растрепались волосы седые,
уходила будто от людей,
позабывших истины простые.

В белом поле мёртвая трава
к старице протягивает тени.
Облетят ненужные слова
и погаснут в воздухе метельном.

Тишина

Заступник спрятался. Шарманка онемела.
Вольфрам погас.
Окаменел комар.
И тишина, блаженная, как дар,
на землю опускается несмело.

Она – сокровище,
но ей не каждый рад.
Её высокий звук в пустыне страшен.
Опричники посыпались из башен.
Заступник спрятался.
Молчит убитый брат.

Неслышно в тесных берегах клубится
холодное дыхание воды.
На ветках тополя, как чёрные плоды,
топорщатся обугленные птицы.

Ты думаешь: закончилась война,
земля щедра, и небеса хрустальны...
Обманет всё.
И только тишина
вдруг беспощадную
откроет тайну.

Отшельник или смерть Диогена

"Ищу человека"
Диоген

Это случилось вечером.
Дождь за окном, хмарь,
глянешь на небо – кажется,
что запотело стекло,
что потерял отшельник
негаснувший свой фонарь
где-то за горизонтом и плачет: не рассвело.

Бродит он, горемыка, бос, немощен, сед:
не развиднелось, не занялось и людей никого.
"Старая ты развалина! Не уберёг свет.
И не нашёл человека..." –
слышится шёпот его.

И тогда он подумал, что больше надежды нет,
и, возможно, напрасна жертва его судьбе,
но каждому от рождения даруется Божий свет,
чтобы найти человека, прежде всего, в себе.

Баллада о прощении

*"...он назвал ее Муму.
Все люди в доме её полюбили
и тоже кликали Мумуней..."*
И.С. Тургенев

А спас её рыбак... Он жил когда-то
в Капернауе древнем, но теперь
на берегу реки широкой поселился
в землянке ветхой. И над ним светились
раскидистые тихие берёзы,
а тёмная вода была щедра.
Сомов, и карасей, и окуней,
сверкающих на солнце и прохладных,
он приносил в деревню ровно в полдень,
раздаривал сиротам и недужным.
Его в деревне называли часто
юродивым и даже колдуном
за то, что ничего взамен не брал,
лишь улыбался и шептал: "Прощайте!"

И, принимая жадно угощение –
сомов, и карасей, и окуней,
сверкающих на солнце и прохладных, –
никто не понимал, чего он хочет.
Ему кивали и, смеясь, прощались.

Но как-то в ночь случилась непогода;
ломало ветром сонные берёзы,
и затопила ветхую землянку
в одно мгновение тёмная вода,
и разметало по реке широкой
клоками сети. В них плескалась рыба,
освобождаясь от неволи страшной.
Сомов, и карасей, и окуней,
Сверкающих от молний и прохладных,
река в свои объятия принимала.

Рыбак бежал по берегу, растерян,
и вдруг споткнулся о тяжёлый камень.
Неподалёку на песке лежала,
обвязана размокшею верёвкой,
собачка небольшая, в пол-аршина.
Её на берег выбросили волны,
чтобы однажды тот, кто жил когда-то
в Капернауме древнем, а теперь
на берегу реки широкой поселился,
нашёл её. Ещё не позабыв
горячую, как выдох, тайну слова
"Прощайте", прошептал рыбак: "Прощаю!"
Гроза не утихала. Не расслышав
дыхания, он так в него поверил,
что бережно упрятал под рубаху
находку, чутким сердцем согревая
комоч остывший как частицу мироздания...

Назавтра в полдень он пришёл в деревню,
чтобы раздать сиротам и недужным
сверкающих на солнце и прохладных
сомов, и карасей, и окуней.
Бежала рядом ладная собачка
с хвостом пушистым, с длинными ушами.
Спокойными и умными глазами
она смотрела на людей, на небо.
Рыбак шепнул с улыбкою: "Прощайте!"

Никто не понимал, чего он хочет.
И каждый, сожалея об утрате
подарков завтрашних, прощался с рыбарём
и с маленькой, чудной его собачкой.

Гроза в деревне

По деревенским сонным ивам
ударил шумный дождь с утра.
В траву ныряют с веток сливы,
а в поле мокнут трактора.

Сквозняк гуляет по веранде,
вздымая занавеску-флаг.
Стекло дрожит. Картелью градин
гроза взрывает тёмный фланг.
Мелькает огненная пропасть.
Над крышей – грохот требушет,
но почему такая лёгкость
и ликование на душе.

* * *

Я слушаю – ты говоришь,
и кажется – времени много
у нас.
Осмелевший стриж
так низко мелькнул над дорогой,
над глиной, размытой дождём,
ногами трава примята,
мы вместе домой придём,
где сумерки пахнут мятой...

Кто словари любви
сжёг и развеял пепел,
тот и себе не верил,
когда о любви говорил.

Зимние окраины

Кристалльно-нордический
 окрик окраины ранит.
Под тяжестью инея гнутся, кряхтя, провода;
и так неожиданны яркие вспышки гераней
сквозь мутную толщу оконного тёмного льда.

Лилейные дымы, подобно
 волшебным растениям,
над стылými крышами вьются,
 творя полусвет;
а время крадётся по скользким,
 скрипучим ступеням, –
колючей позёмке не вытравить угольный след.

Становится зримым, молочно
 клубится дыханье.
Старик закурил и глядит из-под белых ресниц.
И пёс рыжеухий, зевнув, с упоением обляял
величье холодное высокомерных столиц.

Дорожное

Пустые хлопоты.
Случайный интерес.
День слякотный за окнами вагона.
Назад бежит, спешит трефовый лес,
над ним кружит пиковая ворона.

И провода
и рельсы,
и ноябрь,
полей заплатки, станций эпизоды,
столбы, бытовки, хатки, огороды
и в воздухе сыром печная гарь...
Мой сонный край,
мой неудобный дом,
так дорог вдруг,
что жар сжимает горло.
Как просто всё.
Как быстро мчится "скорый".
Ритмичен стук колёс. О чём,
о чём они стучат?..
"Окно закрой! Сквозняк!"
Сосед в купе храпит хмельно и ровно.
В промозглый сумрак,
в дальний березняк
пикирует
пиковая ворона.

"Светит месяц, светит ясный..."

На лавочке старик поёт –
ладони лопасть
вот-вот рванёт его в полёт,
а ночь как пропасть,
слепая чёрная дыра,
астральный омут,
в котором скоро куб двора
и он утонут.
Дед ноту высоко берёт,
срывая голос...
Никто не верит, что умрёт.
Печальна повесть
холодных мартовских ночей,
реки звенящей
под ледоходом,
всех свечей,
в ночи горящих.

Под окнами поёт старик,
что месяц светит,
ладонью выверяя ритм,
забыв о смерти.

* * *

Наши тайны наивны.
Одинаково светит
солнце робким и сильным, –
мы всегда Божьи дети.
И в лукавой гордыне,
и в лишеньях, гонимы,
мы, слепые, седые,
всё же кем-то любимы,
а за что – неизвестно.
И как будто случайно
в суе поднебесной
эта светлая тайна.

Костёр на снегу

Когда на дровах заискрится
живая, текучая медь –
прищуриться и сквозь ресницы
на острое пламя смотреть,
на злые, шипящие стрелки
в оправе вечернего льда:
на кобальтовой тарелке
танцует морская звезда
и светится жаром контур –
раскрыта в пять пальцев ладонь, –
на синие скалы кондор
роняет с крыльев огонь.
Мелькающий, жадный, быстрый
рассержен осиный рой –
взметнутся слепающие искры
в туманность за "чёрной дырой", –
в седые, горбатые льдины,
во тьму, из которой дымы
неслышно и неотвратимо
медведем встают на дыбы.

ЛАРИСА ДОВГАЯ

Новороссийск

Лариса Павловна Довгая – журналист, поэтесса, председатель правления Новороссийской городской общественной организации "Творческое объединение "Русское слово", автор целого ряда поэтических сборников и краеведческих книг.

НА КРЕСТНЫЙ ХОД
Путевые заметки (Травелог)

Вместо вступления. Автостоп

Дорога в семь тысяч вёрст
Откроется с первого шага,
А нрав автотрасс непрост –
Они не потерпят фальши,
Они унесут без возврата.
И надо идти,
 надо идти,
 надо идти дальше.

Пусть спину гнетёт рюкзак,
Обочины сумраком скрыты –
Обрежь все пути назад.
Салют – фонари на марше,
И прошлое честно отбыто,
И надо идти,
 надо идти,
 надо идти дальше.

Над свитком шоссе пролёт
Вновь в будущее напрягся,
И новый забился отсчёт
На цифрах километража –
Живём, всё путём на трассе,
И надо идти,
 надо идти,
 надо идти дальше.

Кто ждёт, кто уже не ждёт,
Отбросил обиды с обочин,
Получит небес зачёт,
Свой путь обретёт бесстрашно
В бессоннице творческой ночи.
И надо идти,
 надо идти,
 надо идти дальше.

Награда сама в пути,
Обнимемся ли, разминёмся,
Важнее – что впереди,
Путь сам обновит пейзажи,
И крутят наивно колеса,
И надо идти,
 надо идти,
 надо идти дальше.

Начинай с молитвы

Больная, смешная, в дорогу ушла. Знала, что ждёт, долго перебирала содержимое рюкзака: это надо, это просто необходимо, без этого никак. И всё в граммах, которые неизбежно складываются в килограммы, и каждый – на твою тощую спину. Но вот 9 июля – день Тихвинской иконы Божьей Матери, и пора в путь. До 16 июля – до крестного хода в Екатеринбурге к Ганиной Яме в самый раз, чтобы до этого Екатеринбурга добраться. Две тысячи восьмьсот километров от Новороссийска – 5-6 дней пути по расчётам автостопщика. И перед такой дорогой перед Тихвинским образом в самый раз и помолиться.

А начинать всегда стоит с молитвы, с порядка в душе своей.

Простые утренние дела – прибрать постель, поплотнее позавтракать (будет ли обед?), выставить за дверь кота и отнести соседке еду для него – покормит в моё отсутствие. Рюкзак на спину, подогнанные ляжки в замок, дверь на ключ и – к микроавтобусу на Волчьи Ворота.

Автостопщикам: из Новороссийска лучше выходить у КПП при повороте на Анапу. Чуть в горку по правой стороне, рюкзак можно опустить, повернуться навстречу едущим машинам и – руку поперёк с отогнутым большим пальцем вверх. Я – автостопщик. И палец вверх означает, что буду соблюдать все правила случайного пассажира, не курить без разрешения, не навязывать своих взглядов, молчать, если надо. Отвечу, если спросят. Есть те, кто едет с заготовленной легендой: деньги закончились, к бабушке срочно надо... Я езжу без легенды. Что есть – то есть. Еду на Царский крестный ход в Екатеринбург. Почему не на поезде? А вы видели русского ремесленника от пера на поезде? Ему Россия нужна. А то задохнётся...

Входишь в город как придётся, какой транспорт будет, на легковушке – до остановки, грузовиком – с объездной на маршрутке. А выходить из города лучше пригородным транспортом. Надо взойти на трассу, потому как и автостоп, и законы трассы действуют только на ней.

Исхоженные улицы Новороссийска одна за другой остаются на своём месте, тянется пригород, непонятно кем и как застроенный, нечем тут гордиться, Монферран отдыхает. Перевал Волчьи Ворота, где с дороги видно, как железнодорожные пути уходят в дыру под скалой – Баканские тоннели. И вокруг уже лес, сосновые посадки, уже всё другое, даже на самой трассе воздух иной. Вот она, начинается красавица М4. И побежит до самой Москвы через Аксай, Воронеж, Каширу.

Вот и легковушка сворачивает на обочину рядом.

– Куда?

– Сначала на Крымск.

Не надо сразу говорить о конечном пункте. Во-первых, не поверят. Во-вторых, у водителей своя жизнь, свое направление движения, и надо вписаться в это направление. Ровно до необходимого поворота.

– А потом?

– На Аксай.

И ему уже всё понятно, дорога у меня дальняя, Аксай – объездная Ростова-на-Дону.

– А зачем?

– На богомолье.

Это в России понимают. Он окидывает взглядом: стоптанные, но как раз по ноге светлые мокасинки, которые выдержат все неровности пути, потёртые и пригнанные плотные джинсы, красная майка (на автостопе своя безопасность), белый платочек. Он самый, белый платочек, в котором наши бабушки, послевоенные вдовушки в церковь ходили. Простой в мелкий синий цветочек и повязан так же. Он и есть пропуск: на богомолье. Юбочку я всегда из рюкзака достану и перед двором церковным надену. А лицо... Какое лицо после шестидесяти?

Карту полезно изучать и маршрут знать, но всего не предусмотреть, остаётся своеобразный плюс-минус. А потом в голове карта автодорог откладывается своеобразно: развязки Крымска (как пройти), Славянска-на-Кубани, Тимашевска... Правда, я помню, что это были станицы Крымская, Славянская, Тимашевская, но вслух – ни-ни. Жители считают себя горожанами, а то, что город предполагает и своё мышление, и свой уровень общения, об этом они ещё не догадались. И я им этого не скажу.

Выхожу с северной Тимашевской развязки на Брюховецкую. Направление обозначено. Кто подберёт? Тормозит машина чёрного цвета. С размаху закидываю рюкзак вовнутрь и только потом вижу, что за рулем сидит монах в рясе и скуфеечке.

Вот так вот помолиться с утра. Накануне я в церкви в дальний путь не благословилась. Так и так. На Царский. Россия без государя, что рой без матки... Потому и лишили нас Государя.

А отец едет в Екатерино-Лебяжью пустынь. Восстанавливается старый монастырь общими усилиями. Тяжело. Место для казаков особо святое, там выжившие в боях старость свою в молитву обращали. Спрашиваю: был ли факт, что ЧОН взорвали собор вместе с монахами и поселившимися в монастыре коммунарами? Был. Думаю о романтизации в советской литературе ЧОНа, того же Бориса Корнилова... Есть такие люди, которые и к ВЧК с романтическим придыханием относятся. Поворот на пустынь чуть не пропускаю.

– Не благословения прошу, отец...

– Буду молиться...

А у монашеской молитвы особые крылья!

Вот и Кисляковскую прошла, поворот на М4. Красавица! На тебе я чувствую себя легко и свободно. Теперь – просто вперёд. Опять смена машины. КамАЗ! Карета автостопщика. Идёт до поворота на Белую Калитву – удача. Водитель молчаливый, и я опять дышу в приоткрытое окошко горячим степным воздухом и рассматриваю всё вокруг. Моя малая родина – Костромская область, а большая – вся Россия! Все степи, все моря, все леса, реки, озера! – всё мое!

Часто людям, которые вдруг взялись писать, подсказываешь: у вас ошибка в пейзаже... "Откуда ты знаешь, что в нашей степи ковыля нет?.." Нет. Поля. Лесополосы. Балки. Всё распаханно, обихожено, нет ковыля. Начинают что-то отвечать из учебника по природоведению для четвёртого класса. Советую выехать в степь и посмотреть самому. Обида и свысока: "Да ты-то откуда знать можешь?" Просто видела. Просто люблюсь живьём. В этой радости себе не отказываю.

Вечерний закат застаёт на просёлке рядом с автотрассой. Оранжевый, яркий, вполнеба. В лучах заходящих какие-то птицы летят чёрными комочками. И какой-то человеческий муравей по поверхности Земного Шара тащит свою поклажу к кукурузному полю: пора отдохнуть.

Один из лучших летних ночлегов в кукурузных полях. Одно из самых безопасных мест, здесь никто тебя не найдёт. Сам заблудится. Важно из-под спальника твёрдые комья земли откинуть. Палатку я не беру, чтобы не утяжелять рюкзак, пенка и просторный спальник, в котором крутишься, как хочешь...

Телефонный звонок:

– Ты где? Всё в порядке?

– Где-то в кукурузном поле у Россоши. Спать хочу. Всё путем.

– Я на связи!

Это "вечерний рапорт". Автостоп – удел всё же одиночек. Так лучше. Но тебя ведут. Один человек звонит по вечерам и делает отметки на своей карте. Другой звонит с проверкой по утрам. И если я не отвечу или не перезвоню в течение десяти минут, то мои друзья поставят на ноги всех. Потому особо слежу за зарядкой телефона. Всегда. Ведь действительно всех подымут, потому как бывших журналистов не бывает. К сожалению.

Век учись

В природе будильником работает солнце. Рассвет – и организм сам просыпается. Причём, нет желания полежать ещё. Организм сам встает и намекает, что горячего чаю он бы выпил.

Но до чая неблизко. Сначала приводим себя в порядок, организм должен выдержать холодное обтирание мокрыми салфетками. Сверху донизу. Салфетки – просто х/б лоскуты, на которые выливается

часть обязательного запаса воды, плюс капля геля для душа из небольшого тюбика. Смена белья. Зубы. Проверка одежды и рюкзака.

Если вы думаете, что автостопщик сродни немытому обходчику мусорных баков – ошибаетесь. Наш может дрожать под снежным ветром, но в порядок себя приведёт.

М4 бежит с юга на север, значит, из кукурузных зарослей выходим от встающего на востоке солнца. Его ещё нет, ещё блёклые краски, и настроение серенькое. Просёлок, а за лесополосой – трасса, она уже слышна в своей неугомонности.

Вот и подходящая канавка, у которой можно разжечь огонь. Ругаю себя, что не взяла всё же печку-щепочницу, которую и придумала, и сделала сама из старого металлического хлама. Приходится довольствоваться небольшой ямкой с тремя все же найденными камешками у дороги. От кусочка твёрдого горючего и бумажной рекламки поднимается язычок пламени, струится по обломкам веточек, собранных в лесополосе; железная большая кружка, в которой и кашу сварить можно, нагревается. Пакетик чая. Галеты с сыром. Эти продукты не портятся в дороге при любом раскладе.

Что это? Мой дорожный проверенный нож с трудом врезается в сыр. Да и сам сыр больше похож на кусок жёлтой скрючившейся пластмассы, только магазинная бирка гласит "Костромской". И вкус пластмассы. Кострома, родная, ты такое позорище видела? Торговый дом братьев Бландовых это изделие за сыр мог выдать? Вологодское масло и костромской сыр из молока караваевской породы коров Россию в своё время прославляли. "Масляные" поезда из Сибири по отдельному скоростному расписанию в Питер докатывались, поставляли в Европу вкуснейшие сыр и масло.

Один из деревенских стариков (Костромской губернии или области) в детстве рассказывал, что есть настоящий сыр. Сам он по юности в артели-сыроварне работал, потому знал. Отрезаешь, учишь, большим ножом тоненький ломоть, да и смотришь сквозь него на солнце; если диск виден, то гоже, правильно изготовлено, а потом проводишь пальцем по поверхности, если масляный палец, "роса" выступила – выдержанный сыр, так и распознавай.

Но мне деваться некуда, приходится разгрызать то, что есть. Дальше придётся что попало в дороге употреблять, а ведь силы нужны. Силы потеряешь, потом нагонять сложно.

MAN готов подбросить меня до Павловска. Утро началось хорошо. Говорили о забегаловках-кафе у дороги. Посоветовал водитель поесть всё же в Павловске и не уходить вправо. Я же помню, компьютер смело советовал маршрут Павловск – Борисоглебск. А водитель не советовал. В их фирме такого прохода нет, если едут, то на Воронеж, через Тамбов, Пензу на Саратов.

Разговаривайте с водителями. В кабине два места. Если идёт с напарником, просто не возьмёт. А если без напарника, да несколько дней в дороге на пределе внимания? Я лишь дверку открываю, а он уж радиоприёмник выключает – живой человек всегда лучше. Спутник нужен в дороге. Потому и существует автостоп.

Раньше я с собой атлас автомобильных дорог таскала, а он тяжёленький. Сейчас стараюсь держать в памяти маршрут по направлениям. Но лучше всего поговорить с дальнбойщиком. Ему не до карты, он и так уже все прошёл не один раз. Он просто знает. И сообщит необходимое с удовольствием, ведь хорошо, когда наши знания нужны кому-то!

Идёт чемпионат мира по футболу, но я на спортивные темы не разговариваю. Не считаю спорт чем-то положительным. Здоровье даёт? Так почему именитые спортсмены болеют всю оставшуюся жизнь? Сама гоняла мяч с внуком на полянке, но болеть за кого-то на стадион не пойду – пустая трата времени. Говоришь со спортсменом, замечаешь, что "весь в ботву ушёл", неинтересно, никакие чемпионские титулы не помогают. Может оказаться, что с водителем вы болеете за разные команды, и чем это может закончиться?

Помню, как-то перед Краснодаром меня посадил свидетель Иеговы и начал свою пластинку вправлять про конец мира от грехов наших. А я ж отвечаю на его вопросы что думаю, сама вопросы задаю. И в Библию заглядывала, и ему посоветовала изучить её повнимательнее. Высадил он меня на краснодарской объездной. А высадить на краснодарской объездной – это водительское свинство.

Так что аккуратнее с разговорами. Есть темы, которых лучше не касаться. Я человек православный, всё на этом, далее тема не развивается вплоть до открытого "говорить не буду", не проповедник же я. Ни за "Спартак", ни за "Динамо" я болеть не могу, потому как футбол мне до лампочки. Разные музыкальные группы мне не известны, потому как симфонический оркестр люблю. Не эстрадный, не эстрадно-симфонический, а только симфонический. И вопросы про попсу отпадают сами. Вот об опере поговорить рада. Но такой темы на дорогах не встретилось. А ещё рассказываю что-то из истории. Слушают. Потому что не по учебнику рассказываю, а то, что сама искала. Это нашла, а вот это – не удалось.

Очередная обыкновенная кафе-стекляшка, только в Павловске. Городок и запоминается как пересадочный пункт, ничего особого не увидела, но и не искала. Горячее в дороге необходимо, как заправка машины. За соседним столом вальяжно восседает кавказец в окружении семейства – русской блон-

динистой жёнушки и двоих мальчуганов. Весь его вид говорит о том, что он хороший кормилец и глава безупречного семейства. Напоказ. Уже поблѣкшая жёнушка одета модно и хорошенько покрашена. Едут на своей машине отдыхать к морю, могут себе это позволить. Официантка приносит щедрый заказ. Она тех же лет, что и жёнушка, но одета с ближайшей барахолки, некогда красивая, теперь измождённая. Понимай, дома дети, денег не хватает, потому согласна на любую работу и побольше, а без хозяйки дом – сирота. Ау, мужички расейские, вы ещё мужички? Как?

Покупаю какие-то пирожки в путь, выхожу и сворачиваю на дорогу, по которой ещё не ездила, на Калач. Кто прав: компьютер или дальнобойщик? Ну, не хочется опять на воронежские развязки, а здесь и коротко нарисовано, и время сэкономить хотелось бы... У обочины отдыхает КамАЗ. Интересно. Водитель пока не может сказать точно, куда и когда. Уже повернулась спиной, а у него звонит телефон, короткий разговор и золотое словечко "садись".

Лесостепь. В ней особый уют, особая живописность, словно лоскут планеты видишь меж пологих холмов, тёплых в косых лучах солнца. Светило поднимается, поднимается дух трав, ароматом влетает в кабину. Сам Калач – небольшой городок, расположился вольно и неровно над речками. Высаживаюсь у администрации.

– На Воробьёвку? Только микроавтобус, до трассы не дойдёте, да и рюкзак тяжёлый, давай помогу. Слушай, я сейчас водиле автобуса скажу, что моя невеста, он тя в лучшем виде доставит. Правда, не хочешь за меня замуж?

И ушёл.

Залезаю в микрашку, подтягиваю рюкзак под ноги, чтобы никому не мешал, проход свободен.

– Ездят усякы... – Рот этой женщины не закрывается. Только комментировала какие-то сплетни, тут я сажусь. Говорит на средне-украинском суржике, это не подделаешь. И голосом таким, что хочется поискать регулятор громкости. Задаёт тон.

– Что, не нравлюсь? – спрашиваю открыто.

Та не ожидала и проболталась:

– А кому ж ты можешь понравиться?

– Бывает, – говорю. – И чьим-то мнением не интересуются.

Та застыла с открытым ртом, нехорошо даже.

Знаю, что люди, мову за родную принимающие, часто пытаются ставить "кацапив" под свою оценку, контролируют, а потом "пануют". Вот же ж словечко! Нет такого в речи русской. А по хохлушке видно, что значит "пануваты".

Словно радиоточка, неизвестно кому стала набалтывать районные сплетни с неизменно отрицательной оценкой действующих лиц. Дошли до кого-то.

– Что такое? Повторите вновь и внятно! – Сидящий за спиной хохлушки произнёс это достаточно тихо, но автобус смолк.

Та обернулась. И вновь ситуация с открытым ртом.

После почти минутного тяжкого молчания вновь тихий голос.

– Советую за любой помощью более не обращаться.

И автобус облегчённо выдохнул. Кто-то же должен сказать...

А в дороге не перестаю удивляться меловым скалам. Белые стенки! Красиво, необычно. В Воробьёвке вновь спрашиваю дорогу, спрашиваю и о меловых скалах. На Бутурлиновку, советуют. А за Бутурлиновкой, оказывается, и монастырь в меловых скалах есть. Есть Дивногорье, есть Урыв, есть такая красота, что туристов туда лучше не пускать...

Но от Воробьёвки до Бутурлиновки просто так доехать не удалось. Очередная милая душа из сельских интеллигентов высадил меня где-то посередине, у него своя дорога. Прошла немного от поворота. Луг. Поле. Запахи травы такие, что голова кругом идёт. Кажется, застряла. Нет машин. От слова "совсем".

В автостопе свой набор суеверий. Если с этого места не уезжается, пройди ещё немного. Так понемногу нахожу место за плавным поворотом, где машину видно издали, но это всё местные бизнесмены пересекают на "японцах". Эти не берут. От слова "никогда". Да и тех немного. Можно отдохнуть. Тут обнаруживаю, что воды осталось с пол-литра. Одна грубая ошибка за другой... Но без анализа и работы над ошибками ничему не научишься.

Луг. Поле. Солнце палит нещадно. Берёзы рядком вдоль дороги. А за берёзами, сразу не разглядишь, шатры тальника, причём тоже рядком. То есть должна быть вода. Рюкзак оставляю за одиноким кустиком у дороги, чтобы самой потом найти свой камуфляжный, иду с полторушкой к тальнику, так и есть – ручей! Осоковый, топкий берег. Чёрная ольха, травы знакомые и незнакомые. Нетоптанные. Да это лоскут счастья! Июль. Никого на километры. За ветлой – полоска чистого берега, даже дно не заилено. Скидываю с себя всё и долго плещусь в пронизанной солнцем воде. Набираю воды с собой и возвращаюсь по цветам к одинокому кусту у дороги. Пора и перекусить теми пирожками, что при-

хвачены из Павловска. Но хватает на один пирожок, вдалеке показался КамАЗ, всё на место – готовность номер один. И он тормозит, карета подана!

Гружён под завязку свежим зерном, идёт тяжело, но словно не замечает ямин на дороге. Потому здесь и машины редки – дорога плохая, хоть и обозначена в справочниках. Жара, а от двигателя поднимается горячий воздух, и водитель словно извиняется, что нет комфорта. А мне всё хорошо. Я еду, а не стою у дороги. Важно идти вперёд, тогда пройдёшь весь путь.

В Елань-Колено труженик хлеба сворачивает к хранилищу, предварительно растолковав мне, как пройти, чтобы попасть на дорогу, которая выведет к трассе. И это уже будет "тридцать восьмая" – через Борисоглебск на Саратов.

История – тоже дорога

Но до Борисоглебска ещё далеко. Солнце уже закатывается. Уже ничего не хочу, уже просто сижу у пустой дороги. Проснулась светлая простая молитва к святым нашим Борису и Глебу. Помощь небесных придёт, просто надо подождать, пока на небе управятся. Иногда минут десять. Иногда пару лет. Важно не унывать.

Через пару минут сам тормозит КамАЗ:

– Поехали хоть до деревни, не сиди!

Доехали до ближайшего дома с десятков километров. Водитель на прощанье помахал:

– Разговаривай с людьми, разговаривай!

Я смеюсь всюю и обращаюсь к вышедшему на крыльцо старику с просьбой о воде, протягиваю уже пустую полторашку. Дедушка кликнул кого-то из внуков. Те выносят чемоданы, грузят в старенький "Москвич". Принесли и наполненную бутылку.

– Куда на ночь глядя?

– Внук возвращается к своим в Москву, ночью поезд из Борисоглебска.

Аж дыхание перехватило, боюсь поверить в удачу.

– А меня до Борисоглебска не прихватите?

Дед пожимает плечами:

– Нас трое. Место есть, но поедем минут через сорок.

Есть такое, что к определенным святым обращаются по очень целенаправленным вопросам. К святым Борису и Глебу – о мире и согласии в семье. А я просто у дороги уже никакая сидела, и вот – чудо. До полуночи буду в Борисоглебске, к которому стремилась весь день, но с машинами на плохой дороге туго. А здесь – просто деревня, полузабытая в полях России, и – напрямиком в цель! Словно выстрел из лука небесных князей.

Последний свет уходит, и в сумерках немного осматриваю место. Деревья вдоль старые, роскошные, видно, что под ними были дома, но – пусто. И эта деревенская тишина, которую можно пить, как колодезную воду... Уютная была деревня, место жизни, сейчас – пяток домов. Старые берёзы у дедушки под окнами (семь – восемь?) хранят дом, летом ветвями ограждают от жары, зимой берут на свои плечи ветер... Стоит запомнить, потом всплывёт откуда-то из глубин памяти, чтобы лечь в стихотворение.

За руль садится дед, два внука сзади, а я как гостя – впереди.

Так распорядился старик. Ему за восемьдесят, а ведёт машину профессионально, чувствуется привычная рука. Ай да молодец! И семья, чувствуется, у него хорошая. А ведь это так сложно, прожить, сохранить своё в деревне и детей в люди вывести! Удивительные помощники у святых наших. Есть над чем задуматься.

Светлые, добрые князья, тоже таким странным образом убиенные, что и тела их на вольном воздухе не разлагались... Семейная усобица? Святополк Окаянный пытался известить на Руси "византийский обряд", по приказу святого Владимира Святославича был брошен в темницу вместе с женой-полькой и духовником Рейнбергом. После смерти Владимира Красно Солнышко взойшёл на Киевский престол, на котором усидел едва год. Это первое восшествие. Но за этот год (1015) были убиты единокровные братья Борис, Глеб и Святослав.

Незадолго до кончины святой князь Владимир призвал из Ростова любимого сына Бориса, дал ему войско и отправил в степь. Но печенегов в степи Борис так и не отыскал: Владимир знал или догадывался о преступном сговоре и позаботился о том, чтобы в переломный момент у любимого сына было под рукой войско, способное и защитить, и ввести в Киев. Стан Бориса расположился на реке Альте (Льте), это рядом, потом на месте гибели святого будет городок Ольго, князь Владимир Мономах заложит церковь, а ныне он известен как Борисполь, рядом международный аэропорт. Согласно летописям, известие о кончине отца Борис получил в день субботний и... отправил от себя войско,

оставив только "мало отроков". Не желал войны святой князь, никак не желал. Святополк в это время должен был находиться в темнице, но...

Окончил дни князь Владимир внезапно. "Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковёр и спустили верёвками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы..." – гласит свидетельство. Вот как – утаили. А Святополк вопреки воле Владимира вдруг действует на свободе. То есть сообщники у Святополка были, и не они ли "помогли" отправиться князю Владимиру в мир иной? Не мятеж, а тихий захват власти.

И в пути уже некто Путша и с ним Талец, Елович, Ляшко, так гласит летопись. После воскресной заутрени убийцы входят в шатёр князя Бориса, пронзают его копьями. В этот момент гибнет верный слуга князя венгр Георгий. Раненого князя убийцы везут по слову летописца в Вышгород. Но есть ли дорога мимо Киева? Где-то здесь их встречают двое неизвестных и добивают князя острым орудием. Что за орудие? И просто ли так резали? Сам момент свидетельства не имеет.

Не первое, не последнее кровопролитие в истории. По листам записей звенят клинки: копья, мечи, кинжалы, штыки. Или вот еще орудие – швайка. Но там, где ритуальная швайка, достоверности не ищи, там следы уже замазаны. Всё той же кровью.

Святополком князь Глеб вызван из Мурома, куда на княжение определил его равноапостольный отец. Но благополучно добрался Глеб Владимирович только до места пересадки в ладьи. Под Смоленском речка Смядынь впадает в Днепр, здесь и пересаживались с коней. Именно здесь поджидал светлого князя некто Горясер (вот имечко, словно из ада) с людьми. Глеб был зарезан поваром Торчином и уложен в гроб из двух колод. Опять зарезан...

Тогда же посланным Святополком отрядом был убит ещё один сын святого Владимира – Святослав. Но о том как-то более не вспоминали.

Ещё один святой сын святого отца Ярослав Владимирович (Мудрый) вскоре разгромил Святополка Окаянного (навел поляков на Русь, Отрепьев – не первый) на той же Альте и стал править в Киеве. Одним из первых распоряжений Мудрого "во князех" была отправка посланников с приказом отыскать тело князя Глеба. Искать долго не пришлось. В пустынном месте у Смядыни люди видели временами свет, слышали пение, там и обрели простой непогребённый(!) гроб с телом. С великим почтением на ладье по Днепру гроб доставили в Вышгород. Похоронили Глеба Владимировича рядом с убиенным братом Борисом Владимировичем в ветхой уже церкви Василия Великого (святого покровителя Владимира Святославича).

Однажды в церковь вошли варяги, и один из них наступил на надгробие – тотчас взлетевший от пола огонь опалил ноги. С тех пор к мощам опасались подходить близко, но поклонялись с уважением и страхом. Вскоре от удара молнии деревянная церковь Василия Великого сгорела, тела князей решили перенести в часовню. Свидетели было немало удивлены тем, что сами тела были "целы и белы, лица светлы", не имели тления. Поразившись чуду, доложили о том князю Ярославу Владимировичу, а тот приказал строить пятиглавую каменную церковь на месте другого чуда – исцеления больного мальчика по молитве к Борису и Глебу.

Так и пошли строить на месте чудес, явленных Борисом и Глебом, сначала на Руси, потом в России. Городки да посёлки Борисоглебски то тут, то там. Понятно, что Борисполь и речка Смядынь храмами отмечены, а вот Борисоглебск Воронежский – что здесь-то произошло? Молчат документы, а жители, бывшие в курсе дела, просто храм поставили, да молились.

Вот ещё деталь, пригодится для размышлений: меч князя Бориса потом оказался среди святынь Андрея Боголюбского.

Вот и моя молитва к святым князьям дошла, княжеской стрелой помощь прилетела, еду в город Борисоглебск на машине с хорошим водителем... Это тоже надо испытать, пережить. Спит земля, спит страна. Из темноты бегут навстречу кусты, деревья, дорожные знаки. Сворачиваем на трассу, здесь ужелюдно, ибо слова "машинно" нет в словарях. Вот и город, и я поражаюсь его уютности, патриархальности. Деревянные дома в красивых наличниках, все устроено, сохранено. Любуясь тем, как жили деды наши! Лучше живую видеть, чем многочисленные исследования читать и напрягать воображение: что было, где, когда... И не надо отделять дорогу от истории. История – тоже дорога.

Благодарный поклон вам, святые Борис и Глеб.

Перрон старого вокзала

В комнате отдыха на вокзале было тихо, я проспала. Казалось бы, рядом площадь, поезда, но тихо. Стены толстенные – добротнo строились при царе-батюшке. Не спеша воспользовалась всем, что даёт такое пристанище в провинции, полюбовалась старой привокзальной площадью из окна третьего этажа. Как водится, рядом и автовокзал. Напротив стоит остов дома с надписью "Продаётся". Купила

бы. Но за весь свой рабочий стаж так и не заработала не то что на дом, а и на простую квартиру. А здесь – дом позапрошлого века для большой и дружной семьи в два этажа. На втором обычно жили, в нижнем – склады и лавки. Может, второй сдавали комнатами приезжим, а на первом – трактир. Уже не поймёшь, одни стены и пустые окна. Но и на одни стены и пустые окна не заработала. Все отбирают, все высчитывают, так – всю советскую дорогу. И партия на этой дороге покруче разбойников: те – с оружием к путникам, эти – с экономикой.

Надо заправиться, тут чая с пирожком не хватит. Будет ли обед? А пока – уютная провинция, надо воспользоваться остановкой. Вокзал вполне вместительный, но привычных ларьков в нём нет. Единственный человек в большом зале ожидания – майор полиции, к нему и подхожу. Обычные вопросы: где ближайший банкомат, сносная столовая? Он терпеливо отвечает. Немного странный вопрос: как от вокзала добраться на 38-ю трассу? Он ещё раз оглядывает меня: почему не автобусом? Я здесь в первый раз, даже не ориентируюсь, у меня богомолье такое, автостопом. Улыбается: скоро у нас пересменка, банкомат там-то, покушать там-то, а через час сам довезу до 38-й, всё равно по пути.

Выхожу на перрон, иду по платформе, удивляюсь: за путями великолепный кирпичный пакгауз и совсем немаленький. Стоит просто идти и любоваться. И почувствовать себя и в прошлом, и в позапрошлом веке. Хотя, лучше не надо.

Утром 6 января 1906 года здесь остановился курьерский поезд. На платформу вышел плотный, хорошо одетый человек, он и внимания не обратил на худенькую молодую девушку, очень симпатичную, вдруг направившуюся к нему. Ничего особенного в барышне не было, белокурая, шубка меховая, видно, что из хорошей семьи... Но это полудитя из муфты вытащило пистолет, и зазвучали выстрелы. Чиновник грузно упал, а барышня поднесла пистолет к виску – осечка. Где-то здесь, на этой платформе...

Что ж, информационный повод как для жёлтой либеральной, так и революционной прессы более чем замечателен: покушение на советника Тамбовского губернского правления – палач тамбовских крестьян заслужил свою участь, избивание казачьим офицером! И если фамилию убитого тут же забыли, как и не было человека (кто управляет нашей памятью?), то имя "мученицы", хватившей нагайки за неадекватное поведение, быстро разлетелось по городам и весям.

Тут и была арестована, отправлена в Тамбов. Газеты печатали фотографию девушки, смакуя подробности. Сохранился и протокол медицинского осмотра, после которого больную направили прямоком к психиатру. Так и стала Мария Спиридонова "знаменем" эсеров: её били, а других нет. "Царский режим" судом присяжных приговорил к повешению, царской милостью приговор был заменён на пожизненное, но отбыла наказание Спиридонова только 11 лет. Далее: после февраля 1917 года, по распоряжению А.Ф. Керенского отбыла из Акатуя (место отбывания наказания) в столицу, где занялась партийной работой по поддержке советов в ущерб основной власти. Встретила и Октябрьский переворот так, что Джон Рид в известной книге назвал её "самой популярной и влиятельной женщиной в России". Поддержала предательский Брестский мир, вскоре изменила мнение на противоположное. С лета 1918 года её ждали аресты, жительство под надзором, ссылки, вновь арест – в 1937 году приговорена к 25 годам тюремного заключения. Расстреляна сотрудниками НКВД в сентябре 1941 года в Медведевском лесу под Орлом вместе со 153 другими заключёнными, среди которых был и её муж Илья Майоров. И... никакой прессы, никаких заголовков, ничего от "героини" не осталось... Надо же...

Событие – один из полюсов беспорядков в Тамбовской губернии, вызванных листовками, лгушицами о том, что царский Манифест 1905 года якобы даёт право крестьянам отнимать насильственно землю у помещиков. Сочиняли и распространяли те же местные эсеры.

Страшная мысль посещает: а чем же недосамоубившаяся знаменитая революционерка отличается от нынешних керченских и прочих "стрелков"? От того же Влада Рослякова? Немногим. Вместо свидетелей Иеговы культивировались революционеры и свободы. И слово "ненависть" пока вписано в листовку, а не красуется латиницей на футболке керченского стрелка. Либеральные писаки, как могли, изгалялись в прессе по поводу "удушения свобод", упиваясь собственной безнаказанностью и красуясь перед читателями показной смелостью.

"Просвещённая" публика считала за честь укрыть террориста. Верующих людей высмеивали, искренне удивляясь, как можно верить в Бога в век пара и электричества, самодвижущихся колясок и телеграфа, "Капитала" Маркса и теории эволюции видов Дарвина. "Они ещё не знают, что я принёс им чуму", – внёс свой пяточок сексолог Фрейд.

Поздравления императору Микадо из России в честь победы Японии в Русско-японской войне 1904–1905 годов – из этой же серии. Смыть такой позор невозможно!

А что же на другом полюсе, как кричали, черносотенном? Это в адрес тех, у кого православие, самодержавие, народность.

Уже можно оглянуться назад. И осмотреться вокруг. Идёт информационная война, хотим мы того или нет. С трупами, с ранами, с разбитыми душами.

Будучи гимназисткой, Маша Спиридонова вначале никак не отреагировала на появление у подруг заграничных брошюр, призывающих к террору. Но у неё умирает отец, материальное положение семьи пошатнулось. Можно было год доучиться и получить документ о праве работать учительницей, но перспектива работы её не привлекла. Молодые девушки влюбляются, так есть. Разумно привлечь внимание молодого человека своими человеческими качествами, но эсер, красавец Владимир Вольский был женат. И... она выбрала путь ниспровержения устоев, в том числе семейных. Это модно, дёшево и сердито. И громко.

Вопрос: откуда взялись "заграничные" брошюры? Почему так быстро героизировали убийцу? Во время революционного перелома вновь воспользовались "героиней", чтобы потом, как ненужную куклу, отбросить на задворки. И расстрелять за полнейшей ненадобностью. Кто-то готовил крах Российской Империи и воспользовался недоумками, клюнувшими на "революционный романтизм".

О патриотах, монархистах, каким был тяжелораненый Гаврила Николаевич Луженовский, и говорить вдруг стало неприлично. С нападением Японии на Россию Луженовский стал одним из организаторов сбора пожертвований в Тамбовской губернии на восстановление русского флота. По воспоминаниям деятеля монархического движения, активного члена Союза Русского Народа Николая Жеденова, когда в Тамбовскую губернию пришли первые вести о неудачах русского оружия, в среде местных адвокатов произошёл следующий случай. Адвокат Вольский, происходивший из польских евреев, с нескрываемой радостью по случаю первых поражений флота заявил буквально следующее:

"– Наконец-то нас проучили. Давно бы пора. Так нам и надо. Ура, началось! Так погибнет и весь русский флот..."

Луженовский при этих словах вскипел. Он вскочил с места и, выпрямившись во весь свой богатырский рост, громко крикнул на него:

– Как смеешь ты... при нас, русских, радоваться русскому горю, русскому поражению? Только низкий изменник или жид может радоваться унижению своего отечества!

Вид Луженовского был настолько внушителен и грозен, что адвокаты, разделявшие мнение Вольского, сразу притихли, а Вольский поспешил ретироваться.

– Уничтожат одни броненосцы, соберём денег на другие – кричал ему вслед Луженовский"...

После выстрелов на платформе Борисоглебского вокзала советник Тамбовского губернского правления Гаврила Николаевич Луженовский умирал долго и страшно. Он прожил ещё двадцать шесть дней. Организм здорового тридцатичетырёхлетнего мужчины боролся до последнего. Тело разлагалось заживо, раны источали такой запах, что просто находиться рядом было трудно. Началось рожистое воспаление живота. Сложными были перевязки – к бинтам налипали не только лоскуты кожи, но и кусочки мяса. Когда приходил в сознание – стонал от боли. Похоронили его в имении Токаревка, в фамильном склепе.

После февральских событий в 1917-м солдаты, оставившие окопы войны (а если честно, дезертиры), которая должна была закончиться победой России, и вернувшиеся "разагитированными" по деревням, разломали склеп, извлекли останки и возили их по деревне под свист и улюлюканье. На площади перед церковью был сложен громадный костёр, на нем и сгорело многострадальное тело...

Так что нынешние СМИ-шные страсти не чета тем... Но рука, льющая информационное масло в огонь, та же.

Так почему многие готовы оправдать революционный терроризм? На латыни революция – откатывание, переворот. Мы не видим своего счастья в повседневной жизни с её мелкими неурядицами и не задумываемся, что может быть гораздо хуже, если не будем ценить то, что имеем, а соглашаться с продажными (сейчас расценки в долларах) негодьями, которые кричат о невыносимой жизни, о том, как у нас в стране всё плохо, и только они одни знают, что надо делать...

А на том же вокзале через час с небольшим в патрульной машине полиции прощаюсь с Борисоглебском – что-то в нём есть такое, что хотелось бы жить в этом покое, у этих цветов, у этих церквей. По пути отвечаю на вопросы майора об автостопе, какие у нас правила, обиход. Мы не бомжи, всё у нас налажено, могу документы показать, но у меня такое дело: всю жизнь работала и в командировки ездила, уже прощаться скоро с этим миром, а какая она, Россия – не знаю. Но хочу знать.

Вот и трасса, помахала рукой доброму майору на прощание, помахала и городу Бориса и Глеба: до свидания! С таким городком не стоит прощаться, в нём стоит жить.

Грузовик подхватил быстро, дорога до объездной Саратова не заняла много времени, дело к обеде. Водители всё знают. Пока я доедала свой борщ в очередной стеклянной кафешке, он уже "пристроил" меня к своему знакомому прямо на Самару. Вновь благодарно машу рукой доброму человеку, путь которого в Камышин, и на ВОЛЬВО объезжаю Саратов. Жаль, войти не пришлось, так и не посмотрела, что за город такой...

Святые, дорогие Борис и Глеб, как не радоваться помощи небесной?

Мост через Волгу – обычные, полукругом, пролёты светлого цвета, а под острым углом с трассы кажутся белым кружевом. Водитель немногословен, не расспрашивает, думает о чём-то своём, но тут улыбается:

– Вот такая она, наша Волга, как море, только с берегами!

Точно. Синяя под солнцем вода с рябью в зелёной раме. Не устаёшь рассматривать всю нашу красоту. Сколько радости – видеть это! А есть же люди, кто дома сидит...

А Волга впадает в Хвалынское море

Город Энгельс не привлёк внимания – то же, что и везде. Поворот на город Маркс. Вопрос, а что Маркс с Энгельсом в этих местах делали? Был городок Покровск, стал Энгельс; был городок Екатериненштадт, стал Маркс. Опять же созвучие: Екатериненштадт – Екатериненбург.

А погода хмурится, до дождя дело не дойдёт, но какая-то серость в воздухе, не жарко. Я начинаю дышать после черноморской и степной южной жары, но эта тяжкая серость не радует – неба не видно, как прижимает что-то к земле. И между этой серостью и полями внизу по дороге мчит машина.

Екатериненштадт – Екатериненбург... Непростое имя – Екатерина. Утравило начальную "Г". Женское имя от Гекаты – повелительницы преисподней и тёмных сил. Изображения в венце о семи острых рогах. Одно из лучших – статуя Свободы в бухте Нью-Йорка. Кто сомневается, что это так – обратите внимание на старые изображения – характерный венец и на пьедестал. Ничего не напоминает? Галикарнасский мавзолей, храм Шивы-Натараджи, мавзолей Гранта, мавзолей Ленина, ступенчатый зиккурат, наследник Вавилона... Наивные европейские археологи полагали, что зиккураты – башни, "в которых жрецы бога Бела могли укрыться от жары и москитов"...

И всё же в полях за Марксом, Энгельсом темновато, давит не то погода, не то ещё что-то.

Если меловые выступы под Воронежем тянулись полосой, то в степи странные выходы из земли – холмами. Ровная-ровная степь – вдруг горка ступенями, покрытыми зеленью. Может, продолжение мелового пояса, может – ещё что светлое, я не геолог. Но мысли вновь сворачивают и к языческим капищам, и к зиккуратам. Их здесь и строить не надо, чуть края подтесать.

Есть в мире такое, о чём не хочется думать, неприятно. И мы – всё мимо, мимо... А оно есть.

Весь наш мир разделён на два полюса, в мире действуют две силы. Одна из них несёт жизнь, помогает человеку осознать себя и всё же стать Человеком. Другая обещает много вкусного, пользуется обманом и в конечном итоге тянет к смерти. И тела-организма, и души, и духа. Часть людей осознаёт это и делает сознательный выбор в ту или иную сторону. Часть не осознаёт, но полагается на душу, на подсознание. Часть и знать не хочет по внушению ли, по глупости, по махровому невежеству... Да и неприятно, знаете ли... легче не отвечать ни за что, мол, хата с краю.

А тут зиккураты какие-то, не то шумерские, не то вавилонские. Есть ещё кхмерская пирамида смерти Прасат-Тхом... – ученые, и те не разберутся. Да и у меня желания нет рассказывать о кровавых культах Гекаты и Ваала. Казалось бы, история древняя, но тогда зачем статую Гекаты ставят у входа в Нью-Йоркскую гавань? И смотрит на меня эта дива и с футболок, и с картинок, и с заставок, с чего-то ещё? Так это с современного Запада.

А Волга впадает в Каспийское море или, как раньше говорили, Хазарское, Хвалынское. Про Хазарию вообще возникать не буду, не то в чём-нибудь обвинят. И те, и другие, и третьи. А Хвалынь, потеряй южное придыхание Х, окажется Вольнынь. Хотя иранцы и так называют море Хазарским. Всего-то 1200 км с севера на юг этот Каспий. Для автостопщика – не расстояние. Для парусного судёнышка – тем более. И древний культ по воде проходит легко, а потом поднимается на тех же ушкуях по Волге.

А народы и племена населяли волжские берега разные. И язычество смешалось с кровавым культом. Не где-то – рядом.

Вот дал указ князь Владимир принять христианство. И ретивые ставленники-воеводы исполнили, отчитались: сброшены-де идолы, костры жертвенные на ропатах потушены. Сколько уж раз такое видели... А куда вот волхвы-жрецы делись? Или скрылись в леса со своими предметами, знаниями и привычками, или пошли по языческой Волге, или "затерялись, не отсвечивая" среди населения. А тело, привыкшее к жертвенному мясу, а ум их, несущий то мировоззрение, а душа-то их, не привыкшая к христианской самодисциплине, смогла ли встать на трудный-трудоу путь? Ропата – языческий жертвенник, родственник ропоту, противостоянию. Святой наш князь Владимир только указал на путь к небу, а сама дорога для каждого далека.

Ну, скажите, что это за бабки, к которым многие полечиться и погадать ходят? И бабок-дедов немало, гораздо больше по числу, чем священников православных. Откуда эти яжки (от слова "ясть") "потомственные" берутся? Что мутят?

И есть на Земле только два пути: или к небу, или под землю. Путь к лучшему или в преисподнюю, где царица – Геката. Через яжек, экстрасенсов, сектантов, оккультистов – к Гекате. Которой под видом свободы поклоняются вдоль Северной Атлантики. И у которой свой, даже уже не скрываемый масонскими ложами, культ. И пришёл он из-за моря Хвалынского, из Вавилона.

Ох, как неприятно о таком думать!

Лучше напевать небольшую молитву: Иисусову, Трисвятое, Богородице Дево или одну из тех, что нам Иоанн Златоуст как вечерние оставил. Можно самому что-то своё спеть, потому как молитву сочинить невозможно – это даже не стихотворение, это изнутри и надёжнее.

Под таким серым низким небом, в такой однообразной степи пелось Богородице: радуйся! Сама не заметила, что напеваю уже вслух. Но водитель скоро подхватил.

В том краю, где жёлтая крапива

Есенин не ошибся: здесь, как есть, крапива желтая. Не мог ошибиться, он знает, он пережил, он расплатился.

Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озёр,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочём ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.

Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты.
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Вот она, жёлтая крапива, можно руками потрогать, а машина мчится на Урал. Опять возвышенности, похожие на курганы, которые археологи не торопятся раскапывать. Да и дались вновь эти язычники... Вроде, давно и далеко... Но совсем рядом.

"Вместо церквей и мечетей – огромные деревья. Молитвы – только неведомым богам на непонятном языке. Главный обряд – кровавое жертвоприношение. В каких-то ста километрах от Казани живут "луговые мари", до сих пор исповедующие собственную древнюю религию. Корреспондент РИА "Новости" провёл два дня с язычниками в марийском селе ... и стал свидетелем уникальных обрядов, скрытых от посторонних глаз" – в современных новостях.

Женщины на фото в белых фартучках с цветочками, милые – глаз радуется. Вот у одной из них проблемы (то ли дочку замуж выдать, то ли здоровье подправить, то ли ещё что), и она жертвует овечку и гуся. Причём карт (жрец) ждёт, когда овечка, почуяв близкую смерть, затрепещет, а гусь в последней попытке улететь замашет крыльями... Далее таким, как мы, не полагается...

Вот такие бабки-яжки рядом живут. Часто к ним "погадать" идут. С приношением.

И кто-то пищит от восторга: народные традиции живы!

А так – XXI век на дворе. И где вся идеологическая мощь советского государства? Скопировали у жиганов вечный огонь? Или жертвенный огонь всё тот же, но именно так его легче поддерживать?

Так вот Волга и за Волгой. Более древним считается произношение "У", сравнение: современная Болгария – Волжская Булгария, Русь – Россия. Кстати, Раса или Рса – славянское название Волги. А что за страна Бал-гария? Гари (огненные жертвенники) Балу-Баалу... От *жру*, в смысле *истребляю, снедаю посредством огня* (ибо говорим: огонь *пожирает*) произошли ветви *жертва* (иначе всеожжение), *жертвенник*, *жрец*, *жертвоприношение*...

Или еще глагол жигать – жечь. У чехов и ныне жигати – костёр для покойников. И занимались этим жиганы. Отсюда – горы Жигулевские, самое опасное место некогда было на Волге. Все идущие

сверху суда видны с Волжского утёса, дымом костров сигнал подавался на Большую и Малую Рязань, а там уж ушкуйнички готовились к встрече купцов. И тоже жертвочку на ропате за удачу приносили. Овечку и гуся жалко – самим кушать мало, а вот пленных-то куда девать? Не кормить же их...

Потрудились государи христианские, российские, чтобы Бал-гарь стала мирной Волгой, чтоб погасли страшные огни жертвенников. Настоящему, Благому Богу жертва не нужна, Он и так подаст полезное. Он – Отец. Жертва нужна чужому – ты мне, я – тебе. Торг. За подачку подачка.

Оттого-то частью и затерялась Русь в Мордве и Чуди, нипочем ей страх...

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с верёвкой на шее
Поллюбить тоску...

Ничего не придумал Сергей Александрович. Видел он на дорогах и жёлтую крапиву, и разных люд – убийц, революционеров, жиганов, и отдельно отметил дороги до Сибирских гор, дороги на Екатеринбург.

Так и вспоминается ритуальное убийство князя Андрея Боголюбского Амбалом Ясином и Ефремом Мозаичем, московских доходов недосчитавшихся. Причём убийством самого князя Андрея не ограничились, погибли все его пять сыновей: Глеб, Владимир, Изяслав, Мстислав и Юрий. В 1701 году были обнаружены нетленными мощи Глеба Андреевича – судя по повреждениям на теле, убит был так же ритуально, острым орудием. Так и вспомнишь о мече святого князя Бориса, который не пускал врагов в дом. Где он?

Сказки лжи и сказки правды

Госпожа Литература в вашем присутствии подождёт брезгливо свои ясные уста, госпожа История и огреть может чем попало, да так, что потом разогнуться и прийти в себя трудно, господину Русскому Языку только в ноги кланяться – и общение наладит, и поможет, где не ждёшь.

Дорожный указатель на Балаково... Балахна, Балашиха, разные городища, которые уже предполагали наличие языческой ропаты-жертвенника, где постоянно горели огни (круглые, с костром в центре или в виде звезды с огнями и на лучах). А то ещё словечки есть: баламут, балабол, баланда, балахон, балбес, балда, балядь... Есть (была) практика ритуальных жертвоприношений не только молоком и мёдом, не только ягнятами или другими животными, но и людьми. Есть ещё индийская пурушамедха. Желаящие ознакомиться могут набрать в поисковиках, изучить. Но... неприятно нам это знать, нас иначе в школах учили и учат. А пересмотреть мировоззрение – это труд такой...

Не то погода давит, не то местность странная, как подёрнутая чем-то смурым. Да и чем известна эта часть степи? "Гуляя по Уралу Чапаев-герой..." Кто он, Чапаев? Как-то схлестнулись на просторах Интернета с человеком, который фильм "Чапаев" воспринимал как документальный. Даже цитировал персонажей в качестве аргументов. Пришлось спросить, а кто же тогда Борис Бабочкин? Первый сценарий фильма написала Анна Фурманова, вдова писателя Дмитрия Фурманова, комиссара 25-й дивизии. И фамилия какая-то из-под Одессы... Васильевы переписали сценарий, сняли фильм в соответствии со своими представлениями о художественном образе в кинематографии. И вместо конкретного человека со странностями биографии, его подлинного характера, появился образ-легенда.

Помните, что было написано у экрана каждого клуба, где был проектор, каждого кинотеатра? Напомню: "Из всех искусств для нас важнейшим является кино. В.И. Ленин". Так и подменили подлинные события на кино. Правду – на пропаганду. И мы по детству поверили. А ведь вы лжец, господин Советский кинематограф! Причём холодную войну выиграл Голливуд. Тоже лжец. Разумно ли верить киносказкам?

Но до Чапаевска ещё надо доехать. В сумерках въезжаем в Пугачёв. Бывший Николаевск. Ох, и мешал же большевикам святитель наш Николай! А что Эмилиан Пугачёв? Даже кино про него сказочное снять не могли, – не единожды беглый со службы казак (дезертир) сменил исповедание на старообрядческое, чтобы легче уйти от наказания, довёл семью до той точки, что родные выдали беглеца неторопливым властям, самозванство... И не каким-то князем сказался, а государем Петром III. Не единожды отказывался от своих слов, пытался судебные дела решать за взятки и тут же рассказывал, что страдает "за крест и бороду", за веру, мол. Не успело обозначиться недовольство яицких казаков старшинами, как получили "царскую аудиенцию" с обещаниями – нечто вроде спектакля, кино или предвыборного выступления – поддерживай! В Мечетной слободе (позже – Николаевск, Пугачёв) выдали Емельяну Ивановичу "царское" платье. Понеслась война. Одна наложница с братом убиты сподвижниками, взял в "жёны" другую, 17-летнюю. Взорван Михайловский собор у Оренбурга – тут уж

адам пахнет. Поражения без побед и бегство при столкновениях с правительственными войсками. Только после смерти командующего Бибикова смогли взять крепости: Магнитную, Карагайскую, Петропавловскую, Степную, Троицкую. Отступление к Красноуфимску. Затем – Казань. Там встретил свою первую венчанную жену и... отказался от неё. Вновь суды и жестокие массовые казни на месте. Реки крови. Планировал по Волге сбежать к Каспийскому морю, но повернул к Эльтону, а дальше – свои же и сдали правительственным войскам в обмен на помилование. Ещё дальше – путь в тесной клетке на Симбирск под охраной А.В. Суворова. В Симбирске на допросе сдал всех своих поимённо и по делам, потом отрицал свои же показания. Перед казнью в Москве на Болотной площади (привет либералам!) крестился на церкви, кланялся и просил прощения у народа православного. Именно у православного. Потому как по бесовству своему знал, с кем войну поджигал.

Невольно вздрагиваешь: истинные наследники Владимира Красно Солнышко сделали всё, чтобы предотвратить междоусобную войну; самозванец сделал всё, чтобы война носилась в степи...

Интересно, что последняя юная жена Емельяна в заключении требовала, чтобы с ней обращались как с царицей. На вопрос, а с чего ты взяла, что ты царица, отвечала, что у мужа её есть прапор государя Петра III. Прапор действительно нашли. Но прапору место в Зимнем дворце, как же он в Мечетную-то слободу попал? Один вывод: кто-то из Петербурга доставил. И сделал ставку на Пугачёва, на войну. Подсобил крепко. То бишь партия войны... Опять партия...

Но уроки госпожи Истории не выучены. В сумерках уже плохо просматривается Пугачёв, разве что новый собор глаз радует. Значит, есть надежда, что всё образуется. А пока – только единицы добротных зданий, построенных ещё при царе-батюшке, словно целый век прошёл стороной мимо, а за ними всё те же столетние деревянные дома (по сколько же семей в них живут?), и печаль в глазах женщин, стоящих с табличками у дороги. Крупно пишут: "Ночлег. Недорогой". Верно, им и такой заработок необходим. Так за каким хряком... Не буду ругаться.

А за Пугачёвом как-то легче. Темно, неба не видно. Стоянка в Ивантеевке. Ночлег недорогой. Даже ужинать не хочется, нет сил. Но в удовольствии поплескаться в душе не отказываюсь. Как хорошо вытянуть спину на кровати. Спина ещё не болит, но уже постанывает, и засыпаю медленно и плохо.

Утром подскочила в восьмом часу. Конечно, моя машина уже ушла. Но на стоянке пересаживаться легче. Да мне и надо в саму Самару. Это уже недалеко. Мне и объездная в самый раз. Вскоре поднимаю рюкзак в очередной КамАЗ и понимаю, что надо передохнуть в Самаре. Спина даёт о себе знать.

Водитель, пожилой уже человек, немногословен. Но узнав, куда я всё же еду, вдруг рассказывает:

– Подумал, что в Вавилон дол к источнику ездил. Это у Ивантеевки. Говорят, в давние ещё времена там церковь с неба спустилась, да под землю ушла. Позже уж в том лесочке предводителя шайки Вавилу изловили, ослепили, да и пустили на все четыре стороны – пусть своим расскажет, что так со всеми будет, кто у дорог разбойничает. Упал в овраг слепой, слышит: колокола под землёй, молитвы поют, а где – понять не может. Вырыл он пещерку небольшую, стал в содеянном каяться. Другие люди к нему пришли, рядом свои пещерки вырыли, потом соединили пещерки под землей ходами, а потом и церковь под землей устроили. Там источник в овраге целебный. Ну, жили бы и молились, советская власть пещеры взорвала, монахов расстреляли, послушников пересажали, кто в лес тот пойдет – десять лет заключения. Уж в войну послабление вышло, все старухи, мамки солдатские ходили туда за своих молиться. Что там происходит – никто не знает. Говорили, что не все ходы взорвали, часть живых осталась, так и жить продолжают в молитве под землёй. Из земли то колокол слышится, то в дырах свет виден. А шли туда и шли священники изгнанные, иноки монастырей разрушенных, знали, как под землю пройти, скрывались. А ещё говорят, что поднимется чудная церковь из земли перед концом света...

Вот мимо какой святыни я по незнанию своему мимо проскочила. А теперь сожалеть только. А вдруг ещё в этой жизни получится вернуться и мимо уже не пройти?

Чапаевск тоже мимо памяти прошёл, словно и не было – безликий городок.

Приближение города-миллионника чувствуется издалека. Появляются дачи, дорогие легковушки снуют. Мост через Самару-реку. Объездная. Вновь машу водителю рукой, а он направляет палец на нужный поворот. И указатель – Самара.

Зоенька

А в Самаре у меня дело небольшое, пришлось войти в город. Лишний день заложен в маршрут заранее. С объездной перехожу на входную дорогу. Ещё не успела цветы на обочине рассмотреть, сама тормозит иномарка.

– С дачи?

Мой ответ озадачивает интеллигентного водителя. Прошу подвезти до церкви. Любой. День Петра и Павла, а у меня по отчеству вторые именины. Святая моя Лариса, единственная святая с таким именем, приходится на Великий пост – 8 апреля, сразу после Благовещенья. Но как-то даже с Пасхой совпал. Не поспрадишь и друзей не позовёшь. И появились у меня ещё и именины по отчеству – конец Петровского поста, отмечаю на здоровье. Но время обеденное, все службы уже прошли.

Завожу разговор о Зое. Да, было дело, подтверждает самарец, хочется сказать самаритянин, потому как доброта на лице. Подъезжаем к одной церкви – на реконструкции, подъезжаем к другой – глухо ворота закрыты, а день праздничный. Так и попала я в сам Покровский собор, при закладке которого участвовал Иоанн Кронштадтский.

В храме окутывает атмосфера намоленности, даже о необходимом, но тленном думать не хочется. И меньше болит спина...

Обращаюсь за помощью к старосте храма. По его слову послушницы в трапезной накормили меня праздничной кашей на молоке, борщом. Попрошачась, отдала юбочку, взятую у входа, и по указанию старосты сначала по Садовой, потом по Вилоновской топаю со своим набившим спину рюкзаком в Иверский монастырь. Мечты сбываются!

Сколько раз на картах видела эту Садовую, собирая материал о "каменной девочке", здесь недалеко и завод "ЗиМ", бывший трубочный, и транспорт в сторону Чкаловской, да и пешком недалеко – вот, всё здесь, у этих домов происходило...

Из далёкого детства всплыл неясный шепоток бабушкиных подружек на уличной лавочке. Подошла к ним, они замолчали, только запомнила: каменная девочка. Узнала неполную версию, а потом стала узнавать, собирать материалы не просто на очерк, на поэму. Почему? Потому что это история о целом поколении, воспитанном на лютном безбожии. Сама атеисткой была, помню советскую школу. И как сложно было обрести веру, каких ошибок понаделала! Потому что на месте Зои Самарской (Карнауховой) могла быть и я, и многие из нас. Испытание выпало ей. Чем больше узнавала, тем меньше осуждала её, а как мы готовы судить всех и вся!

А вот сейчас даже приехала в Самару только затем, чтобы увидеть место происшествия. Если сидишь над большой, сложной вещью, то чем точнее видишь в себе бывшее, тем лучше будет вещь. И вообще, врать нехорошо. Даже в художественном произведении.

Фабула такова. На встречу нового 1956 года собралась молодёжная компания. Планировалось, что праздновать будут семь пар, но приятель девушки Зои не пришёл на вечеринку. Выпили, закусили, стали танцевать под пластинки. Зоя сама не своя: все танцуют, а ей не с кем. Это сейчас все выскочат в круг и делают свободные странные телодвижения, а тогда ещё танцевать умели. У всякой уважающей себя девушки должен быть свой молодой человек. А парень по имени Николай не то опаздывал, не то и вовсе передумал идти в гости в сомнительную компанию. Зоя сняла с божнички образ святого Николая Мирликийского и стала танцевать с образом: с этим Николаем танцевать буду. Её останавливали: что, мол, делаешь, так нельзя. Зоя ответила: "Если Бог есть, то пусть меня накажет!"

Громкий треск в воздухе, словно при электрическом разряде, вспышка на какое-то время ослепила всех. Глаза протерли, а Зоя, словно каменная, на месте с иконой в руках стоит, не шелохнётся. Вызвали "скорую", милицию. Но никто и ничем помочь так и не смог. "Каменной" Зоя простояла почти до самой Пасхи – 128 дней. В Великую Субботу 5 мая в её теле стала появляться жизнь, она ослабела, упала. Говорили, что умерла. Но так ли?

Я не собираюсь сочинять новую версию, я хочу понять, как это было. У любого произведения есть сюжет, пусть не столь открытый, кто пошёл, кто сказал, но есть и сюжет идей, направлений мысли, сама люблю такие переливы. А тут и вовсе ничего не происходит: стоит и стоит девочка, потом упала...

Шла по самарским улицам и вглядывалась в лица волжанок (а Зое-то тогда 18 было), хороши девчонки. Лица открытые, ясные, загорелые, а волосы льняные. Больше голубоглазых. Стройные, глаз радуется. И по описаниям Зоя русая, одета была в синее платье с мелкими более светлыми крапинами.

Предновогодний день был рабочим, а 1-е января воскресенье. "ЗиМ" – завод имени Масленникова. А вот основал завод царь-батюшка Николай Александрович. Необходимы России были трубки – взрыватели. Помните: прицел – 120, трубка – 15? Артиллерия – царица, все ей кланяются. Занимался завод взрывателями до 1917 года. А там сами знаете. Завод вновь запустили в 1923-м, тогда же присвоили имя Александра Александровича Масленникова. Тогда всё по-большевистски переименовывали, а мы до сих пор те переименования терпим. Названы в честь... Какая может быть честь у человека, едящего хлеб с маслом, потому как является членом организации, цель которой – разрушение государства? На какие шиши жили по границам и занимались деструктивной деятельностью все эти РСДРП и прочие партии? И что петрил этот Масленников в артиллерии и точной механике? Что он

может предъявить толкового? А вот тот, кто осваивал в годы Великой войны на том же заводе выпуск "катюш", так и остался в неизвестности. Кто налаживал производство часов "ЗиМ", многих сложных изделий для оборонки, так и остались без памяти, без благодарности. А уж все, кто хоть краем сталкивался с оборонкой, при имени Самара снимают шляпу. Так вот эти, в отличие от бла-бла-политиков, не удостоены. Как не имеющие честь... И когда мы на рельсы здравого смысла вернемся?..

Топаю по бывшей Александровской, ныне Вилоновской, опять же в честь (не в позор) профессионального революционера, одного из лидеров самарских большевиков Никифора Вилонова. Чувствуется, что квартиры в здешних домах также принадлежали большевикам, партийным деятелям. Заказник. И вдруг – монастырь! Видно, что восстанавливается, что благоустраивается, и душа вздыхает свободно – выздоравливаем.

Можно говорить о значительной истории монастыря, а можно просто любоваться и дышать намоленным воздухом. Он чист и хрустален. Пусть и город рядом. В гостиницу монастыря меня как непутёвую паломницу пристроили быстро. Даже сообщили, когда трапеза. Пожертвовать достойно карманы не позволяли, потому просто радовалась хорошему ночлегу.

И опять же, Зоя... Она не раз проходила мимо места с разобранной оградой, с остатками колокольни, разорённых могил благотворителей, строителей, тружениц-насельниц. Часть оставшихся строений передали под жильё, часть – под различные организации. Возможно, она слышала одно из страшных самарских преданий: последние монахини монастыря были заведены на дряхлое судно и вместе с ним утоплены в Волге... Скоро советской девочке самой предстоит стать героиней одной из самых необычных историй. Мы привыкли, что чудо всегда – нечто такое восхитительное, чарующее, оздоравливающее. А чудо – во спасение. Так есть.

Ах, Самара-городок

Удивительно спокойно чувствую себя на улицах Самары. Одно не пристало – городок для ботаников идущего чемпионата мира расположили в одном из скверов в аккурат напротив консистории; шла мимо вечером в свой монастырь (здорово написала: в свой монастырь), а из-за кустов – места для шабаша – двое в цветных рогатых шапках. Мне футбольные страсти до фонаря, но преградили дорогу, лопочут что-то на своем иностранном. Так неожиданно, так не в настроение. Ну, я им и сказала всё, что я об этой бесовщине думаю. По-русски. Но вежливо. Они не поняли, но затихли. А может, поняли. Потом один догнал меня и подарил зажигалку с эмблемой. Молча. Кивком поблагодарила, он расцвёл в улыбке. Чего не бывает?

Большой город – и за день, и за два, и за три не посмотришь. А во мне всё живет любовь к технике: вот бы знаменитые заводы посмотреть! Но здесь, видимо, свой юмор. Окно комнаты в гостиничке выходит на лестницу Иверского собора, радостно видеть образ Девы Марии просто в окне. Рядом с дорожкой – часовня во имя, в честь убиенных Государя, его семьи, слуг, это я сочла благословением в дальнейшую дорогу. Насельницы просыпаются очень рано, хотела на утреннюю службу пойти, но проспала и не просто проспала, а словно очнулась поздним утром...

Окно санитарной комнаты выходит на Волгу. Подошла посмотреть и вновь удивление: завод! Не советский, шелудивыми коробками, в которые и входить нет желания – одно определение – производство. Завод царских времен, добротные строения из серого камня и старого красного кирпича невольно притянули взор своей соразмерностью, продуманностью, благородством линий. Даже такой критерий, как красота, применить можно. Он и есть, Жигулёвский пивоваренный завод. Более ста лет он уже стоит и пиво знаменитое варить продолжает, и ещё сто лет простоит, а потом благодарные потомки музей в нём откроют. Если всё хорошо будет. Но что будет? Неужели не видят люди зависшую над страной свинцовую тучу?

Так что хоть один из самарских заводов увидела. Интересно, проходят ли там экскурсии?

Позавтракала запасёнными накануне кефиром с булочкой и отправилась искать "дом Зои". Деревянный домик в три окошка принадлежал Клавдии Петровне Болонкиной. Сама она жила в другом месте, а домик сдавала. В 1955 году его снимал некий монах, может, священник, соседи доложили, что ходил в рясе. Жил один. Накануне Клавдия Петровна получила известие из мест не столь отдалённых, что с отсидки возвращается её единственный сын, 18-летний Вадим. Она быстренько спроводила постояльца. И выделила сыну деньги, чтобы он мог встретить свой первый день дома за хорошим столом. Сама она продавала пиво на рынке, потому и могла себе позволить купить жильё и для сына. О Вадиме известно, что сам он был высокий, чернявый, очень приятен лицом. Но – к 18 годам уже два хождения "на зону". И потом, даже будучи непосредственным свидетелем чуда, не свернул с воровского пути.

А тут – Новый год, как в компании своих не попроздновать? И что за молодежь на том праздновании собралась? Рождественский пост, который заканчивается после всенощной 7 января, а послед-

няя неделя поста самая строгая, самая непростая. Смешно слышать невежественные всхлипы, будто у русских есть традиция пить шампанское и уеяться салатом московского повара оливье в новогоднюю ночь. Нет такой традиции. Телевизора насмотрелись. Есть традиция поститься. Потому и празднуют Старый новый год. Словно разделены все на людей Нового советского года и людей Старого нового года. На тех, кто помнит, кто он под небом, и тех, кто сам или родители отказались именно от своих традиций, от своей родословной, от корней. Но если мама без папы и торгует пивом на рынке, а сам парень со второй отсидки, то о чём, собственно, речь?

Встречные дружелюбно указывают дорогу. Вот уже поднимаюсь по Чкаловской к дому 84, памятуя, что сам неказистый домик в три окошка находится во дворе. Все деревянные дома, как говорили, мещанская Самара. А если чуть подумать, то русская изба, городской деревянный дом, предназначенный для жилья, сами порой есть произведения искусства неизвестных мастеров. Так, идёшь по такой улице, любишься и домами, и садиками, и цветами. Перед тем как уничтожить, обычно шельмуют. Любими словами. Неэстетично. Мещанская. Устаревшее... Неужто пятиэтажные коробки, которые заполнили города, лишая их лица собственного, эстетичнее? Порой не сразу и сообразишь, в каком городе и в какое время находишься. Водопровод с сортиром в квартире? А кто не давал дом благоустроить? Ах, денег мало платили... Ну, это не ко мне. Потом про это поговорим. Если время будет.

И вдруг остановилась перед удивительной часовней. Над четырьмя беленькими столбами золотится купол с крестом, на низеньком постаменте – казалось, прямо на тротуаре – стоит святитель Николай Мирликийский. Скульптура. А ноги завалены живыми цветами. Что ж, пришла. Сюда, в маленький домик в три окошка, приходил святой Николай. К обыкновенной волжаночке Зое.

Чкаловская, 84. Сворачиваю в ворота влево за деревянным двухэтажным домом, за ним и есть искомый в три окошка. Да тысячи таких домков в России. Дверь закрыта наглухо, окна забиты железом. Некогда были доски покрашены голубенькой красочкой, но облупились, шершавые на ощупь. Три окошка выходят во двор. Два справа – самая большая комната, комната, где стояла Зоя. Ещё одно окно этой комнаты между углом и входной дверью выходит во двор. Окно фасада слева – небольшая комната между кухней с проходом, огибающим печь, и комнатой стояния. Кухня сразу за входом из небольших сеней. Что может быть в этой кухне? Печь, согревающая дом, прочее, что и в остальной тысяче таких домов. Но вот особенность. Зоя стояла у двери между большой комнатой и кухней. Причём дверь свободно открывалась и закрывалась. На место стояния указывает квадрат из досок другой ширины и толщины, это зафиксировано. А вокруг дома розовый осот, спорыш – ни цветочка в земле, ни цветка на кустике.

И поговорить не с кем. Этот двор привык к посторонним, нигде окошко не скрипнуло.

Вот так обыденно, так обыкновенно, ничего особенного. Только прекрасная часовня у входа именно в этот двор, где стоит эта облупленная и нетрогаемая деревяшка. И именно здесь происходило одно из самых удивительных чудес XX века.

Дальше мне уже не столь интересно. Прошла к бывшему Никольскому монастырю, там сейчас военный госпиталь, территория закрыта. От всего монастыря остались только входные кирпичные ворота по причине, что у них собирался "рабочий кружок" обучающихся демократии, да и сами ворота перенесены на другую улицу. До сих пор радуют милые башенки на воротах, выложенный свод...

Был Никольский монастырь с тремя храмами, двумя колокольнями, множеством построек и служб. В стенах монастыря располагалась и семинария. Даже небольшой свечной завод был. И все было разорено. Кто там от советской власти? А имущество куда дели? А монахов-тружеников с места согнали или всё же расстреляли? А где святыни храмов?

Красу города, собор святого Николая в русско-византийском стиле на 1500 молящихся разобрали на кирпичи и на том же заводе имени Масленникова построили из них фабрику-кухню в виде серпа и молота. Вот эту кощунственную "святыню" искать не хочется, но говорят, это сооружение в целости.

Эх, плакать бы...

Ах, шарабан мой, американка

От госпиталя прошла к набережной. Пусть душа усвоит все впечатления. А потом от новенького памятника князю Владимиру отправилась вдоль берега. "Ладья", киоски с мороженым, пляж... Волга в невысоких волнах. А за её синевой плывут на юг зелёные острова. Даже горы Жигули справа видны. Надо посидеть на чистом песке, сообразоваться. Купаться не хочется, но как в той песне: "...свои ладони в Волгу опусти..."

Русаки воду любят. Не помыться, не поплескаться – хуже нет наказания. И строились у воды, и жили у рек, и чтоб в жилище чисто было. Пусть бедно, но чисто. И мода прогуливаться по набережным завелась быстро. И рядом дорожками – цветы. И тихий ветерок с воды словно отгоняет плохие мысли, настраивает на что-то новое. А новое порой сложно воспринимается.

Занимательна скульптура по картине Репина "Бурлаки на Волге". Рама как мольберт, фигуры бурлаков, а за ними – сама Волга. Размер рамы-мольберта повторяет размер подлинника. Непонятно только про зиму, по льду тоже бурлаки ходили? Или у Репина других картин нет? Эх, интеллигенция XIX века! Это ведь и вы вели к ужасу революции...

А у восстановленной часовни святителя Алексия Московского можно и отдохнуть. Дальше идти нет сил. Вот так бывает: нет сил. Глаз радуют скульптуры самого святителя Алексия и его ученика Сергия Радонежского из белого камня. Отдыхал на этом берегу святой Алексей, предрёк: здесь будет град великий, в котором просияет благочестие, и никогда разорению не будет подвержен.

А в голове всё события в Самаре января 1956 года. Весть о стоянии Зои быстро облетела город и... людям захотелось увидеть чудо, которое посреди города, рядом. В самом домике дежурили милиционеры. Любопытные заглядывали в окна. Власти старались убрать от посторонних глаз Зою. Но ноги Зои словно срослись с досками пола. Попытались выдолбить доски, но из зарубок потекла тёплая кровь. Никто не решился более применять инструменты. "Пригнали" спецмедкомиссию. Медики разрезали на девушке одежду, пытались тыкать острым – безрезультатно, стоит, как мраморная. Мать Зои, женщина верующая, упросила прикрыть нагое тело дочери, и девушку сначала накрыли простыней, а потом позволили длинную юбку и шаль. А в груди у девочки – сердца стук, глаза с лица на лицо переводит. Иногда по ночам милиционеры слышали: "Молись, мама, молись, в безбожии гибнем, мир, как колыбель, качается..."

Мать привела и священника отца Серафима Полоза, которого очень уважала. На Рождество отец Серафим отслужил возле Зои молебен и достал из её рук образ святого Николая, который вернул на божничку в красном углу. Предрёк: будет стоять до Пасхи, пока не простит Господь. За этот молебен был обвинён в содомском грехе (любит кто-то грязь свою лить) и отправлен в тюрьму.

А город бурлил. В церквях вдруг оказались раскупленными все крестики, новых не хватало. Люди шли на улицу Чкаловскую. Посты милиции были выставлены дополнительно и у входов во двор. Но людей все прибывало – тысячи. И всем надо посмотреть. Стояли крещенские морозы. Власти распорядились полить окрестные улицы из пожарных машин. Не помогло. Как же справились?

Легко. И трёх лет не прошло со дня смерти Сталина, из мест отдалённых возвращались сидельцы – донесли прочим, каково там, куда Макар всё телят угнать не может. Взглянуть, молодой человек, желаете? Можно. Но сначала протокольник оформим. ФИО. Год рождения. Паспорт. Где работаете? Как не сообщать на работу? Вы же взглянуть желаете? Вот всё под вашу личную подпись оформим и – можно.

Не помните аппаратных партийных игр? Не знаете, откуда ноги растут у современной бюрократии? Эти из любого живого чувства такую бумагу состряпают... Так и унялся людской поток к стоящей Зое. Приезжали и учёные АН в специальную командировку как-то понаучнее объяснить происходящее. Приезжали от Патриарха, вновь отслужили водосвятный молебен – никаких изменений, подтвердили: стоять до Пасхи. Незадолго до Благовещенья пришёл к дому благообразный старец. Не пустили. На другой день старец приходит вновь. Ответили: отойди, дедушка. А в Благовещенье как-то так получилось, что пропустили. Из комнаты с Зоей слышали: "Не устала стоять, девонька?" Милиционеры в комнату – никого! Только Зоя в красный угол глаза перевела. Старца больше не видели, но мнение милиционеров неизменно: сам святитель Николай Мирликийский дом сей пожаловал. И Зоя потом это подтвердила.

В Великую Субботу в теле девушки появилась мягкость, она упала, её перенесли на кровать. "Как так, 128 дней без пищи, без воды?" – спрашивали. "Меня кормили голуби", – ответила. Потом пришла специальная машина и увезла Зою. Куда? Основная версия – умерла. Так ли это?

Читала материалы по биографии отца Иоанна (Крестьянкина). Есть за Волгой-рекой посёлок Гаврилова Поляна, вроде недалеко, а от Самары добираться – намаешься. С 1939 года располагался там отдельный лагерный пункт. Администрация лагеря для себя руками заключённых выстроила административное здание, десять бараков располагались ниже. Здесь и отбывал свой срок московский священник Крестьянкин, получивший его за то, что назвал Александра Невского благоверным князем. В 1954 году лагерный пункт закрыли. Бараки вскоре разрушились, а добротное четырехэтажное здание администрации с пристроенными службами оставалось стоять.

С января 1956 года встал вопрос о перегруженности самарской психиатрической больницы. И как раз к началу мая было всё готово к открытию в Гавриловой Поляне областной психоневрологической больницы № 2. Больших подготовительных ремонтных работ не потребовалось. Ну, не может же допустить партийное руководство, чтобы живая Зоя Карнаухова сама рассказывала о своей встрече с Николаем Чудотворцем! А вот если человек в "психушке" побывал... И долгие годы Зоя провела там. А дальше? После прихода к власти Брежнева Зою "перевели на амбулаторное лечение", то есть дали инвалидность и отправили на проживание в посёлок Кинель. Но Зоя не стремилась с кем-либо общаться, жила замкнуто до дня своей смерти.

Вот такие мысли перебираю в голове на волжском песочке. Возвращаюсь от часовни святого Алексия к Иверскому монастырю, но иду верхом, к академическому театру, поражает памятник В.И. Чапаеву. Сам Василий Иванович на вздыбленном коне, а у копыт и Петька, и Анка-пулемётчица, и башкир в рваной рубахе, и матрос с пулемётом, другие фигуры. Подошедший бомж рассказал, памятник называется "Вперёд, на обком", что шашку из руки легендарной личности время от времени воруют, однажды унесли и пулемёт "Максим". Рассказал, что рядом могилы борцов с контрой, настоящих чекистов, а если подняться повыше по улице, то можно попасть в бункер Сталина. И попросил сто рублей: я бы, мол, пакет молока и булку купил. Посмотрела в его честные глаза и выдала просимое. Тот обрадовался и указал, как лучше пройти к монастырю. Устала, а скоро часы читать будут.

Завтра снова в путь. В гостинице всё рассказали, как лучше уехать. Утром спускаешься к нижним воротам, микроавтобус доставит как раз к автостанции. А там – на Красный Яр. Там уже "челяба" – М5.

Вечерний чай, пора расходиться по своим двухэтажным коечкам. Тихо напеваю: не выдавай меня, Самара! Одна из постоялиц вскидывает бровь: это неприличная дворовая песня: пью политуру заместо кваса... Не согласна. Это очень трагичная песня Гражданской войны. Вот едет в шарабане девочка, гимназистка седьмого класса. Да, а гимназия – это не современная школа. Где её родители? Как случилась, что чистое создание вдруг стало пить политуру? Почему она одна в шарабане бежит из-под Симбирска? Что с ней сделали по дороге "герои" Гражданской войны? Полного текста этой песни мне найти так и не удалось – всё обрывки какие-то. Девочка на двухколёсном шарабане бежит от войны... Я долго складывала их про себя, пытаюсь найти связь. И поняла, что не хватает всего трёх строк. Вот что у меня получилось:

Я гимназистка седьмого класса,
Пью политуру заместо кваса.
Ах, шарабан мой – американка,
А я девочка, я шарлатанка!
Теперь ты дом мой, моя карета,
Теперь люблю я тебя за это!
Убили маму, убили папу,
И разучилась навек я плакать...
Успела спрятать в рукав записку,
Когда бежала из-под Симбирска.
Удрать успела от красной кары –
Не выдавай меня, Самара!
Вот шарабан мой – американка,
В своей стране я, как иностранка!
Ах, шарабан мой – американка,
Всё потеряла я, шарлатанка...

Слушательницы то ли согласились, то ли нет. Как хотят. Но с этой песенкой свежим утром я спустилась на остановку у нижних ворот. Вновь в дорогу. Не поминай лихом, Самара! Вдруг тебе восстановленная песенка понравится, как когда-то утеранный подлинник.

Все дороги ведут в Москву

М1 – из Минска. М2 – из Харькова. М4 – Дон. М5 – Урал. М7 – Владимир. Пропустишь свой поворот – угодишь в столицу. А уж пересаживаться в золотой Москве... Она ведь только к чужим хорошая, своих со слезами вышвыривает. Водители об особо правильном дорожном указателе не единожды рассказали: две стрелки, налево – Москва, направо – Россия. Всё никак не может столица со страной состыковаться. В Москве – одно, в России – другое. По всем дорогам везут пропитание Москве – в ответ...

Все разговоры на дорогах о пенсионной реформе. Комментарии: мужикам по пять лет принудительного труда выдали, женщинам – по восемь. Это ж как надо было "учёным-экономистам" и "эффективным менеджерам" в болевую точку угодить! Очевидцы рассказали и о протестах по большевистско-революционному методу (А как иначе? Нам же этот марксизм-ленинизм столько лет всеми доступными средствами в головы без нормы вбивали), и просто о том, как маму обидели. А доморощенные чиновники всё исполнить готовы.

У нас всё же в правящих головах застряло – люди для государства. А должно быть – государство для людей. Москва для России. На практике – Россия для Москвы. И видно, что Москва своим пре-

тензиям не соответствует. Так не теорию классов, построенную на зависти к тем, кто что-то имеет, во главу угла положите, а то, что человек – возлюбленное дитя Всевышнего. Каждый. Имеет он что-то в материальном мире, не имеет. Важно, имеет ли душу, и что в душе.

Поповское мракобесие, отвечают материалисты. Полное бездушие, отвечают человеки. Если кто-то не занимается становлением души, это и есть бездуховность. Я раньше думала, что все люди имеют душу: большую, маленькую – другой вопрос. Меня заставили убедиться, что есть существа, души не имеющие. Или продавшие её.

И все же дальнбойщики – мужики. Сами за рулём, женщины дома. И очень обижены за своих благоверных: жёны и работали, и детей, и дом, и стариков тянули, по двадцать часов в сутки крутились (это не считая женской дискриминации на работе, которой на словах не существует, и, как женщина, я это прошла на своей шкуре), вот тебе ещё восемь лет до того, когда сможешь хоть немного поспать. Водитель предпенсионного возраста возмутился в точку: "А мне дочка сказала, и чего ты так рвешься за российскую власть – получил ещё пяток, так неужели ты и для нас того же хочешь?" Ударил Москва больно в самый уклад советского сознания: будешь работать, и у тебя что-то будет, потом отдохнёшь. Получилось: будешь работать до смерти, а пользоваться результатами твоего труда будут другие. И дети тебя не поймут, они телевизора насмотрелись. И семья тебя словами сквернить будет.

Но это на поверхности. Трасса Урал за Самарой идёт через Башкирию, потом – юг Татарстана, опять через Башкирию. Многоголоскутная земля наша, мир тебе! И есть ещё глубинные пласты жизни нашей.

Русский – имя прилагательное. Грузин, украинец, чукча – имена существительные. То есть, что-то утеряно или скрыто. Был такой указ Императрицы Екатерины Алексеевны – зваться носителям русского языка великороссами, жителям юго-западной окраины – малороссами, запада – белоруссами. Но "имперские" указы отменили в 1917-м. Хотя тот же В.И. Ленин пишет "О национальной гордости великороссов"... А великоросс – имя очень даже существительное.

Водитель-татарин категоричен:

– Вы, русские, последнее отнимаете, до того довели, что оружие на вас брать пора.

Опа! Слепа Москва на многое, делёжкой денежек незаработанных занята...

– У всех последнее правительство отнимает. Наши ещё хуже живут.

Спи, Москва, спи. Принимай очередное нелепое постановление. А тут уже межнациональные клинья вбиты. Кто нас от своих же соседей защитит? Единственное благо, что живём рядом с мусульманами сотни лет. Можно оставить машину, но вот-вот настигнет дождь, и я обращаюсь к опыту дедов:

– У нас Один Величайший Создатель Вселенной. Он воистину Велик. Акбар. Просто мы пошли за Великим Сыном Марии, Сыном Божиим, а вы – за специальным посланником Единого Бога Мохаммедом. И да благословит нас в трудной дороге Всевеликий! А неправ тот, кто не желает знать Аллаха, Настоящего Хозяина Вселенной, которые считают себя потомками мартышек и ведут себя, как мартышки. Господь настолько велик, что любое правительство дуновением поменяет без всякого оружия. Надо Бога просить.

– А что говорят ваши... как их...

– Старцы?

– Да, да, ваши уважаемые в народе.

– Говорят: молитесь. Просите. Мало молимся.

Уф, направился разговор в мирное русло... На дороге я могу нести только мир. Моей земле – только мир. На прощанье мы чуть не целуемся с уважаемым мусульманином, мы уже вполне договорились: вы молитесь по-своему, мы будем молиться по-своему, главное, чтобы результат был. А именно: та власть, которая ЗА людей. А хорошее правительство только Единый Бог – Аллах и нам, и всем дать может. Только Он всё может, Всевеликий Господь наш...

– Ты и мёртвого царя будешь о том просить? Ты же не виновата, что его убили...

– А я грешна – и пионеркой была, и комсомолкой... Мы нарушили Соборную клятву верности народа Государю. И попрошу Государя, чтобы он простил нас. А меня счёл своей подданной. У Господа все живы, и убиенные нас слышат.

Полоса непогоды осталась позади. Опять солнышко, но в предуралье уже не столь жарко. И я опять оставляю рюкзак и немного гуляю по цветущему лугу. После дождя от земли поднимаются необыкновенные запахи – не столь для обоняния, сколь для души. И невольно замечает глаз другие цветы, другие травы. "И на холме среди жёлтой нивы чету белеющих берёз..." Надышаться, надышаться, – моя Родина!

День был удачным, ушла за Уфу, и на какой-то невесть где стоянке нашлось койко-местечко "для дамы" в тихом уголке. С бельём и душем. Недорого. Но без буфета. Ничего, нам не привыкать и на пустом чае засыпать, и с утра – кусочек хлеба.

Серебряная вода

Водители советовали повернуть на Кропачево у Шарлаша – лучший переход с М5 на Е22, через рекомендуемый картами Челябинск – дальше. Слова дальнбойщика надёжнее справочника, это мы уже прошли. Последние четыре сотни километров – и то, что с запасом еды негусто, уже не беспокоит. Уже должна дойти. А в Екатеринбурге или, как говорят здешние, в Ёбурге, уже забронировано местечко в недорогом хостеле. Последний день пути.

Машины с утра – всё легковушки, но по просьбе добрый башкир остановил у продуктовой лавчонки и подсказал, какой хлеб лучше, какое молоко свежее. Это отдельная моя благодарность добрым народам России. И сельским интеллигентам. Опять пересадка, опять легковая. Не думайте, что на легковой вы едете как в такси – это как раз испытание. Но парень за рулём улыбочивый и разговорчивый, обратил внимание на указатель – здесь ещё Башкортостан, а вот уже Свердловская область. Промчались мимо невидимой черты – Урал.

А я всё разглядываю окрестность: чем Урал от Кавказа отличается? Те же скальные выходы, но более приглушённого серого цвета, очертания гор более плавные, протяжённые. Живописность, панорамность – глаз не оторвёшь. Это Кавказ меняет картинку едва не на каждом шагу, а здесь – постоянство. Нет резких, бьющих в глаза лучей, нет изнуряющей летней жары. Вот так, я с Кавказа еду на Урал и радуюсь, а здешние удивляются. Слишком много сказок про Кавказ. Не рай это, как все рисовать взялись, больше отпусками и потраченным хвалятся.

– За водой заедем. – сообщает водитель. – За серебряной! Здесь Сарсы-Вторые...

– Зарцы? – переспрашиваю. – А почему вторые?

– Потому что Сарсы-Первые уже проехали!

Он торопится, у него встреча где-то перед Ревдой, уже на Е22, но матушка наказала воды побольше привезти, раз оказия. А матушка прибаливает, ей подлечиться надо. Сворачиваем на грунтовку, едем до мостика через ручей. Он хватает четыре пятилитровых баклажки и бежит через мостик. Я со своей полторашкой – за ним, выливая оставшуюся воду на ходу. Вот набрали, успеваю чуть плеснуть на лицо, как вновь за ним приходится бежать уже к машине.

Маршрут он определил мимо Красноуфимска от Натальинска, но мне нужна эта Е22, не до сожалений. И важно, что он столь добродушно разговорчив.

А что это за вода для приболевшей мамы? Был монастырь Боголюбской иконы Божией Матери, у монастыря – родник. При наступлении советской власти монастырь разрушили, и родник исчез. А недавно во время молебна родник пробился на целых 10 минут. Так и молятся теперь каждый год 1 июля, в день Боголюбской иконы, и вода показывается. Ещё в семидесятые пригнал к источнику парторг совхоза бульдозер, все остатки строения монастыря раскатал до неузнаваемости, останавливали: оставь! А в того как бес вселился. Источник, где воду взяли, не тот, но тоже целебный. Просто много здесь источников, даже купаленка для желающих окунуться есть. Но наилучшая вода от источника, которая на молебне пробивается, на горке. Вот так, пока молятся – есть вода. Замолчали – нет той воды... И церковь была святых Бориса и Глеба... Выходит, и здесь святые светлые князья свой добрый след оставили.

Дорога на Красноуфимск по долине, на юге – степь. Потому и поставили укрепление для защиты от набегов башкир на уральские вёси. И корень в названии красн- не от большевиков, а от цвета глины на берегу реки Уфы. Заселили новое место уральские казаки. Сеяли хлеб. По Уфе сплавляли излишки хлеба и железо, жили. Славились земство: приглашали на работу специалистов – учителей, врачей, агрономов. Создали первую земскую больницу, боролись с эпидемиями. Основателю больницы преподнесли золотой нагрудный знак. Уважалась интеллигенция за дела свои в глубинке. А вот что в столицах? В демократию играли? Доигрались...

А мысли всё к серебряной воде возвращаются. Боголюбский образ Девы Марии был написан по видению князя Андрея Юрьевича, которого по отцу должно было бы величать Долгоруким, но за отношение князя ко Господу и за великие дары Господа князю прозванному Боголюбским. История донесла, что в 1155 году князь Андрей направился из Вышгорода в Залесье – Волго-Окское междуречье. Собирался недолго. Взял с собой великую святыню земли Русской – Владимирский образ Богородицы. Взял и меч святого князя Бориса, с которым не расставался. На одной из стоянок в походном шатре князю Андрею явилась сама Пречистая Дева и повелела доставить её образ во Владимир. Князь исполнил повеление, образ, написанный евангелистом Лукой на крышке стола из дома Богородицы, был принесён в указанное место. Образ был помещён в Успенский собор Владимира и по приказу князя

"богато изукрашен". А на месте явления Царицы Небесной, в 10 километрах от Владимира недалеко от устья реки Нерль, князь Андрей выстроил церковь Рождества Богородицы и рядом – свой замок. Поставил и Богородичный женский монастырь, ввёл в обиход новый праздник Покрова, а недалеко от своей резиденции построил церковь. Да, именно её, жемчужину русского сердца – Покрова на Нерли...

Ещё князь повелел написать новую икону Божией Матери именно так, как он увидел Её в своей палатке: без Младенца, а с воздетыми в молитве руками, обращёнными ко Христу, изображённого в отдельном сегменте. Чудеса и знамения образа побудили людей создавать списки, многие из которых также прославились.

Князь Андрей – неординарная личность, человек, отдавший себя становлению Руси, одна из ключевых фигур русской истории. Но почему мы так мало знаем о нём? Жил в XII веке? Но об его отце, деде знаем не больше, а они на виду. Вспоминается реставрация внешности по черепу, выполненная М. Герасимовым – питекантроп краше. А ведь по описанию современников князь был среднего роста, хорошо сложен, красен лицом. Последующие исследования мощей говорят о явно европейском типе. Храбр в бою. Знание шести языков, архитектуры, ремесел. Распорядителен. Знаток Писания. Говорили, что великую набожность обрёл в Святой земле, в коей побывал лично. Ещё современники отмечали явную нелюбовь князя к междоусобице. И не жаловал Киев. Даже взял Киев войском и отдал на разграбление, словно ответил на что-то. И... вернулся во Владимир, имея все права на Стол киевский. Отдал этот Киев младшему брату Глебу. Во Владимиро-Суздальском княжестве он был не просто полновластным хозяином, но народным любимцем. О таких князьях, как Андрей Боголюбский, простые люди с почтением говорили: "Сам спит на соломе, а Богу возводит белокаменные обители". С. Соловьёв оценил это так: "Поступок Андрея был событием величайшей важности, событием поворотным, с которого начинался на Руси новый порядок вещей. Князь Андрей заявил фактически, что власть в нём самом, а не в земле и не в князьях".

Киев, утвердившийся на пути из варяг в греки, терял своё значение. Только ли набеги половцев тому виной? Чем занимался сам Киев, вызвав гнев князя? Обратим внимание, что князья на Киевском престоле менялись систематически, а купцы, не считающие своей родиной Русь, сосредотачивали в своих сундуках более чем достаточные средства. Это им было выгодно стравливать князей-наследников, которые сегодня здесь со своей дружиной, завтра там с непонятно какой дружиной. Власть реальная отходила от княжеского дома в тень, ближе к сундукам. Интересная ситуация: князь вынужден свой стольный град приступом брать. Слишком возмнил олигархат, как ныне бы сказали. Вот эти люди и пострадали во время взятия Киева. И содержимое сундуков вместе с новонабранной дружиной князя Андрея отбыло к Боголюбово.

А в Ростово-Суздальском, или уже во Владимирском княжестве назревали другие события. Торговый путь по Волге стопорился. У Жигулей хозяйничали разбойники, жиганы; булгары, живущие на средней Волге, захватывали суда – своих товаров предложить не могли, потому как не имели. Не имели той культуры, ремёсел, чтобы что-то предложить.

Опять же, булгары... Современник князя Андрея Михаил Сириец так писал: "Три брата из Внутренней Скифии вели с собой тридцать тысяч скифов и за шестьдесят дней прошли путь от горы Имаона. Они шли в зимнее время, чтобы находить воду, и достигли Танаиса и моря Понтийского. Когда они достигли границ ромеев, один из них, по имени Булгариос, взял с собой десять тысяч мужей и отделился от своих братьев. Он пересек реку Танаис и подошёл к Дунаю, впадающему в Понтийское море, и послал (своих представителей) к Маврикию просить дать ему область, чтобы поселиться в ней и стать помощью ромеев. Император предоставил ему Дакию, Верхнюю и Нижнюю Мезию... Они обосновались там и стали охраной для ромеев. И ромеи называли их булгарами..."

Другие два брата пришли в страну аланов, называемую Барсалия (Берсилия) и города, которые были построены ромеями, например, Каспий, именуемый Ворота Тораяна (Дербент). Булгары и пугуры, населявшие эти места, в старые времена были христианами. И когда иноземцы начали править этой страной, они стали называться хазарами по имени старшего из братьев, которого звали Хазариг (Казариг)".

А третья часть осела на средней Волге. Это Волжская или Серебряная Булгария.

Хазария пала благодаря военным действиям Святослава, но что же хазары? Верхушка этого народа, исповедующая иудаизм, рассеялась и по Таврии, и по Понту, и по Кавказу Северному, и по Волге. Если раньше жили от мыта за пропуск сквозь Ворота Тораяна (единственный сухопутный путь из Персии в предкавказские степи), то теперь пришлось налаживать торговлю по Волге, по северному предкавказью к Дону (Танаису), по Чёрному морю. И рынок Кафы (Феодосии) недаром стал самым большим невольничьим рынком региона.

Другими словами, самые золотые сундуки живущих в Киеве принадлежали далеко не славянам, не ремесленникам, мастерам, а часто перекупщикам и торговцам рабами. Плюс старые связи с волж-

скими булгарами подпитывали хазарам мечту контролировать и торговый путь по Волге от Камы до дельты, а там по воде – Каспий, Персия. Поход князя Андрея на болгар (и их вдохновителей хазар) открывал торговую путевую связку Волги и Великого Новгорода, далее на Балтику. Так подумать – вот это сшибка интересов! Что ж удивляться, что стольный князь Андрей выбрал себе жительство рядом с театром военных действий, поближе к врагу, чтобы быть всегда наготове. Походы на болгар предпринимались русскими князьями и ранее, захватывали болгары и Муром, и Суздаль, но решающая схватка была впереди. И она состоялась. После похода князя Андрея на камских болгар и взятия Брахимова путь по Оке был расчищен, вскоре там встанет торговый Нижний Новгород. Неспроста опять Новгород – это новый путь с Востока на Запад, и контроль уже у славян.

Могли ли с этим смириться прежние контролёры торговых путей? Естественно, нет. Бороться силой против новой (устроенной по-новому) дружины князя они не могли, да и не привыкли. Поступили иначе: организовали заговор против князя. Это мы в нашей истории не раз видели, тот же март 1917 года говорит о многом.

Исторические записи, но как их порой тяжело читать! "Повесть об убиении Андрея Боголюбского" глаголет: "...бежали с крыльца, опустясь в погреба, напилсь вина. Сатана возбуждал их в погребе и, служа им незримо, помогал укрепиться в том, что они обещали ему. И так, упившись вином, взошли они на крыльцо. Главарём же убийц был Пётр, зять Кучки, Анбал, яс родом, ключник, да Яким, да Кучковичи – всего числом двадцать зловредных убийц, вошедших в греховный заговор в тот день у Петра, у Кучкова зятя, когда настала субботняя ночь на память святых апостолов Петра и Павла. Когда, схватив оружие, как звери свирепые приблизились они к спальне, где блаженный князь Андрей возлежал, позвал один, став у дверей: "Господин мой! Господин мой..." И князь отозвался: "Кто здесь?" – тот же сказал: "Прокопий...", но в сомненье князь произнёс: "О, малый, не Прокопий..." Те же, подскочив к дверям и поняв, что князь здесь, начали бить в двери и силой выломали их. Блаженный же вскочил, хотел схватить меч, но не было тут меча, ибо в тот день взял его Анбал-ключник, а был его меч мечом святого Бориса. И ворвались двое убийц, и набросились на него, и князь швырнул одного под себя, а другие, решив, что повержен князь, впотьмах поразили своего; но после, разглядев князя, схватились с ним сильно, ибо был он силён. И рубили его мечами и саблями, и раны копьём ему нанесли, и воскликнул он: "О, горе вам, бесчестные, зачем уподобились вы Горясеру? Какое вам зло я нанёс? Если кровь мою прольёте на земле, пусть Бог отомстит вам за мой хлеб!" Бесчестные же эти, решив, что убили его окончательно, взяв раненого своего, понесли его вон и, вздрагивая, ушли..."

И поминается Горясер, убийца святого князя Глеба. Поминается и тесть Андрея – боярин Кучка, тот, в ведении которого Москва, ещё селение на Москве-реке, но потом именно Москва займёт главенствующее положение на новом торговом пути. А пока – соперничество с князем на предмет наполнения сундуков. И рядом с заговорщиками боярами кто? Некто Анбал. Вспомним: Бала-шиха, бала-лайка, Ан-Бал... То есть, предатели и сатанисты против благоверного князя.

"Проклятые же, возвращаясь оттуда, убили Прокопия, любимца его, оттуда прошли в палаты и забрали золото, и дорогие камни, и жемчуг, и всякие украшения, – всё, что дорого было князю. И погрузив на лучших его лошадей, до света ещё отослали себе по домам. А сами, схватив заветное княжье оружие, стали собирать воинов, говоря: "Ждать ли, пока пойдёт на нас из Владимира дружина?" – и собрали отряд, и послали к Владимиру весть: "Не замышляете ли чего против нас? Хотим мы с вами уладить, ведь не только одни мы задумали так, и среди вас есть наши сообщники". И ответили владимирцы: "Кто ваш сообщник, тот пусть будет с вами, а нам без нужды." – и разошлись, и ринулись грабить – страшно глядеть! Прибежал на княжий двор Кузьма-киевлянин: "Уже нету князя – убит!" И стал расспрашивать Кузьма: "Где убит господин?" – и ответили ему: "Вон лежит, выволочен в сад! Но не смей его брать, все решили бросить его собакам... Если же кто приступит к нему, тот враг нам, убьём и его!" И начал оплакивать князя Кузьма: "Господин мой! Как ты не распознал мерзких и бесчестных врагов своих, идущих тебя убить? И как это ты не сумел победить их, некогда побеждавший полки неверных болгар?" – и так оплакивал он князя. И подошёл ключник Анбал, родом яс, управитель всего княжьего дома, надо всеми власть ему дал князь. И сказал, взглянув на него, Кузьма: "Анбал, вражий сын! Дай хоть ковёр или что-нибудь, чтобы постлать или чем накрыть господина нашего". И ответил Анбал: "Ступай прочь! Мы хотим бросить его собакам". И сказал Кузьма: "Ах, еретик! уже и собакам бросить! Да помнишь ли ты, жид, в каком платье пришёл ты сюда? Теперь стоишь ты в бархате, а князь лежит наг, но прошу тебя честью: сбрось мне что-нибудь!" И сбросил тот ковёр и плащ. И, обернув ими тело, понёс Кузьма в церковь и сказал: "Отоприте мне церковь!"...

Если вас предали, принесите молитву перед Боголюбской иконой.

(Окончание следует)

СВЕТЛАНА МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

Краснодар

Светлана Николаевна Макарова-Гриценко – поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России с 2001 года, Секретарь Союза писателей России, член Высшего творческого совета Союза писателей России и Белоруссии. С мая 2004 года возглавляет краевую писательскую организацию.

Светлана Николаевна – заслуженный деятель искусств Кубани, лауреат Саратовской губернаторской литературной премии им. М.Н. Алексеева (2008), лауреат Краснодарской муниципальной литературной премии им. А.Д. Знаменского (2013), номинант Международной открытой литературной премии "Куликово Поле" памяти Вадима Негатунова (2014), лауреат Международной литературной премии им. В. Нарбута (2014), лауреат Всероссийской православной литературной премии святого благоверного князя Александра Невского в номинации "Проза" (2015), лауреат издательского дома "Российский писатель" в номинации "Периодика" (2015), кавалер Золотого ордена "Служение искусству".

"БЛАЖЕН КТО ПОСЕТИЛ СЕЙ МИР В ЕГО МИНУТЫ РОКОВЫЕ..."

Со стихотворением великого русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева "Цицерон" моё поколение знакомила советская школа. Нам много рассказывали тогда о грозных годах Великой Отечественной, ещё больше – о революции 1917-го. Мы бредили героикой, знали биографии легендарных воинов и маршалов, защитников нашей страны. Конечно же, печалились о том, что героического нам, увы, не досталось вовсе. Потому что после сытых "застойных" семидесятых обязательно наступят ещё более сытные, светлые и радостные времена, а все глобальные грозы и потрясения теперь в прошлом.

И кто бы тогда знал, что моему поколению благополучных советских детей оказалось более созвучна вторая строфа столь небольшого стихотворения:

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
"Я поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!"
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды её кровавый!..

Действительно, события "перестройки" 80-90-х продолжающейся и донныне, перевернули "застой" нашей страны в "закат звезды её кровавой".

Моё поколение получило уникальный опыт выживания – по определению Юрия Селезнёва в "Третьей мировой войне" – и встало перед необходимостью осмысления происходивших на его глазах тектонических сдвигов. Которым, к сожалению, не видно конца, в том числе и потому, что осмысления не происходит. Почему? Вот об этом хотелось порассуждать...

Мы жили при дефиците ширпотреба, гигантские очереди выстраивались за импортом даже в столичных универсамах. В обиходе практически всё отечественное по качеству уступало зарубежному, которое часто продавалось из-под полы, за переплату. Нам, молодым, считалось "стрёмным" не знать, не слушать западную музыку. Пластинки советской фирмы "Мелодия" с зарубежной эстрадой точно так же доставали "по благу" или переплачивали за них.

Всё это, несомненно, повлияло, подготовило, явилось даже неким катализатором ферментного бурления, благодаря которому в "перестройку" мы легко заглотили приманки от "младореформаторов", высыпаемые через телевизионный "Взгляд" и другие шоу. Рассказывать, чем это обернулось, думаю, излишне. Достаточно сказать, что совсем недавно моя взрослая дочь, родом из начала девяностых, увидев на кухне новенький скромный тостер с русскими буквами на нём, удивилась несказанно. Она впервые смотрела на отечественный бытовой прибор да ещё с названием на кириллице...

В моём детстве и юности невозможно было шутить на тему Великой Отечественной войны. Зато с огромным удовольствием, чуть не каждый день, мы травили всё новые и новые анекдоты про Чапаева. А ведь он – былинный герой для предыдущих поколений. Мальчишки, которые ушли умирать за Родину, играли в Чапаева. А для детей и подростков сытых семидесятых Василий Иванович оказался посмешищем. Мы, дети, конечно, не могли знать, что анекдоты про народного героя придумывают за океаном. Как и "современное" искусство, отрицающее самое главное – красоту, по открытым сегодня документам, проталкивалось к нам за деньги ЦРУ.

Зачем я об этом вспоминаю? Потому что процессы, запущенные пятьдесят лет назад, не завершены. Хотя в XXI веке герои революции или забыты, или записаны в антигерои, но технология анекдотов применяется уже к следующим поколениям, и теперь объектом насмешек стали генерал Карбышев, Александр Матросов, Зоя Космодемьянская. Те, кто когда-то кормил нас новеньким анекдотом, травит наших детей и внуков. Параллельно со снижением героического пафоса в поминании подвигов национальных героев идёт обеливание предателей – например, книга К.М. Александрова "Мифы о генерале Власове". СМИ как могут, рекламируют процесс с участием Алексея Навального, влёгкую оскорбившего ветерана войны Игната Артёменко. Причём, и ТВ, и радиоканалы не устают дословно цитировать высказывания "узника совести".

Я не ставлю задачу перечислить всех, против кого сегодня развёрнуто осмеяние. Мне важно показать тенденцию, вектор, по которому работают разрушительные силы против молодого, неопытного сознания. Задумайтесь, почему так успешно? Нет ли в этом и нашего участия? Нашей нераскаянности в "западничестве", которой со времён 70-х годов становится только больше. Эта разрушительная тактика рассчитана на жизнь не одного поколения, против России идёт глобальная информационно-психологическая война, которую мы радостно и добровольно проигрываем. Добровольно и радостно...

Война идёт по широкому фронту. Мишени информационно-психологических диверсий легко просматриваются, особенно теми, кто пережил распад страны в конце двадцатого века. Мишени – это, прежде всего, история России и русского народа, победа в Великой Отечественной войне; русская культура и русский язык как основные скрепы многонационального государства; российская наука и искусство. А в итоге – российская государственность. Я не ставлю задачу объять в статье весь этот необъятный фронт, я снова – о наших русских буквах. Вы заметили, как стремительно их становится всё меньше вокруг? С каждым годом, с каждым днём. Принятые поправки в Конституцию о защите русского языка в нашей системе госуправления бездействуют. Более того, к огромному сожалению, даже некоторые коллеги-литераторы – профессионалы, живущие в языке, в его грамматике и синтаксисе, знающие и о воздействии на читающего начертания букв, уверяют, что в происходящем нет ничего опасного. Уж, якобы, наш "великий и могучий" всё выдержит, освоит, и всё пойдёт ему только на пользу. А что на самом деле?

Вот недавний случай. В адресованном мне электронном письме от молодой поэтессы русское "т" было заменено на латинское "t". Не скажу, что меня это сильно удивило, но расстроило безмерно... Давно известно (жаль только, что не той самой поэтессе, страстно желающей войти в национальный литературный процесс), что в родном языке хранятся и передаются основные матрицы идей, которые составляют ценностный фундамент самоидентификации. Деформации языка **неизбежно** приводят к изменениям сознания, к потере чувства национального единства. "Отношение к языку – ключевая составляющая языковой безопасности страны и народа, так как информационно-психологическое воздействие на сознание человека и нации в целом осуществляется преимущественно через языковую среду и посредством языка. Язык – самый убедительный критерий целостности государства", – пишет в своей статье "Русский язык, как фактор национальной безопасности: лингвоэкологический и лингвоаксиологический анализ городской эпиграфики" лингвист Н.В. Михайлюкова. И в подтверждение этого не надо цитировать мегатонны заимствованных слов в агрессивной транскрипции, ко-

торые днём и ночью звучат с экрана, господствуют в радиозфире. Слов, убивающих и уродующих мелодику русской речи; слов, которые вытесняют наши родные корни. Вслушайтесь и вдумайтесь: корни русских слов!

Давайте всего лишь проанализируем, казалось бы, самое безобидное, мимо чего мы по привычке проходим каждый день – вывески. Много уже написано о засилии латиницы на улицах городов и сёл России. Москва и Питер здесь, конечно, в лидерах. Писала об этом и я ("Первое условие спасения", <https://denliteraturi.ru/article/4512>). Тогда в комментариях меня в основном поддерживали, но нашлись и критики. Упрекали в том, что я ратую за изоляцию России, стремлюсь отгородить страну от международного сотрудничества.

Теперь же свои суждения я решила подтвердить выводами учёных-лингвистов. Вот как характеризует языковую ситуацию в одном из российских городов (нет смысла его называть, картина одинакова по всей стране) Н.В. Михайлюкова:

1. **"Массовое нарушение орфографической нормы** (орфографический нигилизм): **шыны, грушы, требуются афицанты, обличовачный материал, оденьте очки** (в кинотеатре), **шиколад, дигустация** продукции, **пышка** в сахарной глазури, **хочеш** дешевле, замена масла **бисплатно**, **жывое** пиво, острожно **сосулкы**, **шинамантаж**, **загарай** дешево, **дамафонные** ключи, **солярий находится** за углом, требуется посудамойщица, **грузаперевозки**, мужская обувь и красовки, **постельные** принадлежности.

2. **Экспансия английского языка.** Около 70% вывесок содержат англоязычный эргоним или написаны латиницей. Более 80% текстов городской эпиграфики содержат англоязычную лексику или написаны латиницей. Более 50% текстов меню содержат англоязычные названия блюд (при наличии аналогов в русском языке): *entrecote, steak, balyk, broth, meatballs, stuffed cabbage roll, pancakes* и др; *релиши, киш, браунис, крамбл, рулада* и т. д. Около 70% текстов "о моде и красоте" содержат англоязычную лексику: *аутфит, look, showroom, corner, mua, hair, fashionista, trendsetter, dresser, street-styler* и др. В сфере городских афиш экспансия иноязычной лексики проявляется наиболее ярко: около 90% всех афиш содержат англоязычный компонент. Настораживает, что даже в университетском дискурсе обнаруживается указанная тенденция, например: научный *stand up*, кафе *Let's science* и другие.

Разрушение структуры русского языка наблюдается в текстах, где русские слова написаны латиницей, особенно если это лексемы, обозначающие национально значимые ценности или артефакты (кафе "Matreshka", Urvat, Pushkin, Hohloma, Ogonek). Языковая игра с использованием латиницы зачастую затрудняет восприятие текста и определение его языковой принадлежности: *хуммус-дип* или *хуммус-gun?*; *малиновая панна котта* (котта или комма?); *B2B, gr8, 274 2day, 5ница*. В этой связи возникает вопрос: что сегодня есть признак "русскоязычности" текста? Где границы русского языка?

Экспансия английского языка культивирует во многом чуждую нам культуру, при этом происходит дискредитация русского образа жизни и мировидения, утрата национальной картины мира. Наблюдается калькирование (семантическое и синтаксическое): "Мы сделали это!"; "Вам повезло стать нашим клиентом!"; салон "Счастливая свадьба" (в лексическом значении слова "свадьба" уже заложена сема "счастье"); "агрессивный лук" (от англ. look – образ), "агрессивный дизайн" (= вызывающий, дерзкий); более частотное, чем в русском языке, использование местоимения "свой"; конструкции с приложением (кофе-брейк, шопинг-комплимент) и т. п. Глобальный английский не только изменяет лексический состав и коммуникативные нормы русского языка, но, задавая идеологический вектор концептуализации процессов и явлений, становится катализатором культурных и ценностных трансформаций, происходит **перендентификация** населения. Вместе с чужими словами навязывается чужой взгляд на мир. Например, происходит вытеснение продуктивных ранее безличных или неопределённо-личных конструкций императивными моделями: "Выиграй машину!"; "Получи приз!"; "Звони!"; "Узнай больше!"; "Возьми два!"; "Получи бесплатно!"; "Управляй мечтой!" Лингвоаксиологический анализ городской эпиграфики показал, что происходят глобальные сдвиги в системе ценностей. Утрата культурной памяти, кризис национального самосознания, агрессивность информационного поля повседневной коммуникации и другие многообразные деструктивные процессы в обществе.

Любому объекту придаются характеристики товарности, торговля и её атрибуты становятся объектами душевной привязанности, свойственной ранее только человеческим отношениям. Например: "Наш новый фреш – любовь в каждой капле!"; "Ваш родной и любимый ресторан"; "Самый нежный и ласковый" (об устройстве для депиляции).

Проявлением речевой агрессии в коммуникативном пространстве города считаем следующие факты:

- а) тексты, написанные полностью или почти полностью на иностранном языке без перевода на русский;
- б) инвективизация и вульгаризация малых письменных жанров;

в) засилье печатной рекламы на городских улицах;

г) увеличение лексических единиц разных типов с "агрессивной" семантикой: "Не парь мозги!"; "Порви жару"; "агрессивный дизайн"; "агрессивный лук"; "Жги!"; "Мы порвём их!"; "Разрушительная вечеринка"; "Разгромный тусич"; "Убойные цены" и т. д.

Подобные рекламные тексты требуют интерпретации в аспекте языковой политики и юрислингвистики. Безусловно, это далеко не полный список лингвистического неблагополучия современного города – языковых угроз национальной безопасности значительно больше. Это лишь вершина айсберга, первое приближение к указанной проблематике не может претендовать на полноту охвата. Однако даже перечисленные факты свидетельствуют об угрозе языкового геноцида. Чтобы противостоять деструктивным воздействиям на язык, а через него на весь Русский мир в целом, необходимо признание русского языка общенациональной ценностью не только на бумаге, но и в сфере бытового использования, например, в рекламных текстах.

Для спасения русской нации, для поддержания и усиления престижа Российского государства необходима опора на интегрирующую, системообразующую функцию русского языка в масштабе страны и всего межконтинентального русскоязычного Русского мира. Русский язык в этом громадном пространстве служит духовной скрепой; формирует относительно общий взгляд на мир, реализуя мирозозидающую функцию; укрепляет информационную безопасность; упрочивает международные позиции России; питает и сохраняет лингвокультурологические основы Русского мира".

Предельно профессиональное изложение проблемы. И не могу не повторить вслед за автором статьи: мы переживаем уже неприкрытую попытку языкового геноцида, и, по-моему, это очень щадящее определение происходящего. Ведь одновременно с лигво-оккупацией, на наших глазах уже полвека продолжается убийство и музыкальной народной культуры. Россия так же подвергается музыкальному геноциду. А вот пример, когда они соединяются:

Хэй, хэй

Хэй, хэй

Every Russian woman needs to know (Ха, ха)

Каждой русской женщине необходимо знать: (Ха, ха)

You're strong enough to bounce against the wall (Эй, эй)

Вы достаточно сильны, чтобы пробить стену (Эй, эй)

Every Russian woman needs to know (Ха, ха)

Каждой русской женщине необходимо знать: (Ха, ха)

You're strong enough to bounce against the wall (Эй, эй)

Вы достаточно сильны, чтобы пробить стену (Эй, эй)

Шо там хорохорится? Ой, красавица

Шо там хорохорится? Ой, красавица

Ждешь своего юнца? Ой, красавица

Ждешь своего юнца? Ой, красавица

Тебе уж за 30, алло, где же дети?

Это лишь небольшой отрывок из "песни", которую отобрали на Евровидение, где под русским флагом Россию представляла таджикская певица Маниша. Такова теперь русская песня? Если так, то кто мы все после этого?..

Солдаты Великой Отечественной, освобождая города и сёла, первым делом сбрасывали вывески на чужом языке, на языке убийц и душегубов... А сегодня у нас, детей, внуков и правнуков победителей, день за днём отбирают наши смыслы, отбирают наши мелодии. А в конце отберут нашу землю? Не факт. Просто, если ничего не изменить, в России будут жить жалкие маргиналы. Пустые формы, в которые под компьютерные децибелы заливается нужное содержимое, промывая таким образом мозги с рождения до смерти...

Заканчивая, не могу не привести данные, предоставленные мне Краснодарским отделением Союза переводчиков России, наглядно свидетельствующие о том, как выглядят города на Кубани. В Краснодаре 82% вывесок на латинице или с использованием иностранных букв, в Сочи – 89%, в Туапсе – 85%, в Анапе – 96%, в Новороссийске – 84%, в Геленджике – 94%.

ДИЛЬБАР ХАЙДАРОВА

Ташкент

Дильбар Хайдарова – поэт, прозаик, публицист. Родилась в 1952 году в Учкурганском районе Наманганской области в Узбекистане. Выпускница Литературного института им. А.М. Горького (1982). Член Союза журналистов СССР, Союза писателей СССР, Союза писателей Республики Узбекистан. Автор тридцати книг стихов и прозы. Известна так же как переводчик стихов на узбекский язык.

Подборка стихов поэтессы представлена в переводе Светланы Макаровой-Гриценко

Моей дочери

С тобою, дочь, вошла в мой мир весна,
Хоть слёзы замутили небеса
И билось сердце – жизнь я дать смогла!
А ты была спокойна и светла.

Я помню жемчуг смеха на губах,
Мерцание звёзды в больших глазах,
Я знаю, в мире счастья выше нет,
Чем бровки целовать твои, мой свет.

Ты, дочь моя, – бессмертие моё,
Родится внучка – полюблю её,
Ты юность бесконечная, мечта,
Хоть хмурюсь от капризов иногда.

Родней родных, ты – самый лучший друг,
Души родник и сердца перестук.
И вдруг – как мама мне – добра, мила.
Ты – родина, ты оберег от зла!

И все заботы в мире – о тебе,
Все радости дарю – твоей судьбе.
И вздох твой, и улыбка – смысл дней,
Будь терпеливей, будь, дитя, сильней.

От бабушки, от мамы, от меня
Продолжит в мире путь твоя семья,
И род наш не коснётся забытьё,
Ведь внучки – отражение моё!

Саратон

Лютый зной сорок дней – саратон,
Лютый жар, что светилом зажжён.
Давит пекло, стою чуть дыша,
И горит не трава, а душа.

Я искала спасенья в тени,
У реки коротала я дни,
Жар пустынь не унять в чарпай*,
О, весна, где же ветры твои?

Саратон – плачут вновь ледники,
Саратон – это зноя тиски.
Я ищу свои фото, где лёд,
И зима песни вьюги поёт.

Хоть жестоки у нас холода,
От снежинок давно нет следа.
Твоё имя на первом снегу
Я на снимке теперь берегу.

Милосердием рек мир спасён.
Прогорит и уйдёт саратон,
А сейчас дышит жаром земля.
Саратон, с моей родиной я...

*Чарпая – прямоугольная или квадратная платформа-топчан в чайхане или частном доме в Средней Азии

Нанай

Нанай, я люблю твою красотой,
Узорною, в маках, зелёной фатой.
Величием гор, что ведут в небеса,
Садами, где утром сверкает роса.

Сшибаясь с камнями, забыв про покой,
Несётся вода, став сторукой рекой.
Здесь в белой парче в летний вечер луна,
От снежных вершин у неё белизна.

О камни копыта стучат стригунка,
А белая грива легка и тонка,
Сияют глаза! Вместе с ним в дивный край
Стремлюсь всей душой, ненаглядный Нанай.

* * *

Знойным летом есть ли место,
Где легко так и прелестно?
В сабо мне шагать приятно
Вверх по склону и обратно.
Здесь не горы, здесь века,
Здесь хрустальная река,
Здесь сады, медовый рай –
Хоть ладошку подставляй.

Солнце

От зноя раскалились крылья птицы,
"Молю, Светило, пощади меня!"
Но солнцу не дано остановиться,
Оно горит, ведь Солнце – мать огня!

Мы с жарким солнцем из одной державы,
Люблю свет золотых его лучей,
И краше в небе не найти оправы
Для чёрных глаз и Родины моей.

Заботливое солнце, согреваешь
Ты руки наших милых матерей,
От снега ты поля освобождаешь,
Чтоб хлопка урожай созрел скорей.

Над миром много солнц, но посмотрите –
Не всем хватает света и тепла.
О, солнце, как прекрасно ты в зените!
Твой цвет в зерне, что мелют жернова.

Узбекский мальчик мой силён и ловок,
Трудолюбив, терпением наделён,
Он – солнышком обласканный ребёнок,
Ведь наше солнце входит в каждый дом.

Я с Востока

На Востоке жизнь проходит огненно,
Дни сгорают – не удержишь их.
Новую зарю встречай осознанно
С милой сердцу, средь друзей своих.

Персики поспели, тонут в мареве,
Отчий край, ты – царство летних дней,
Лейле и Меджнун венец подаренный,
Весь в цветах и счастье матерей.

Азиат, зову тебя, далёкую
Девушку, чей взгляд небес светлей,
Приезжай, сгорим в любви моей,
Да не даст нам Бог судьбу жестокою!

Мой Восток – удел разнообразия,
Солнцем осиянный щедрый край.
Песней и трудами славься, Азия,
Ты и Божий дар, и Божий рай!

Приходи в мою весну

Я ждала тебя и ночью, и днём,
Дастархан накрыт, войди же в мой дом.

В очарованность весны и зарю.
Силой сердца я твой образ храню.

Силой сердца берегу, милый мой.
В моей книге я навеки с тобой.

В каждой строчке, в каждом слове.
Вдвоём
по мечте, как по судьбе, мы идём.

Лучший ты? Мне жизнь ответит сполна.
Приходи, моя заря и весна...

МАРИНА ТАРАНЕНКО

Краснодар

ПОЗДРАВЛЯЕМ Марину Викторовну Тараненко с присуждением литературной премии имени Елены Благиной, учреждённой администрацией Свердловского района Орловской области по инициативе Орловской областной писательской организации Союза писателей России. Премия присуждена за книгу стихов для детей "Балконная история".

Предлагаем нашим читателям подборку стихов из этой книги.

Потягушки

Улица тянулась
Вдоль большой дороги,
Вытянула руки,
Вытянула ноги.
Вытянула шею,
Встала на носочки,
А потом вздохнула
И надула щечки:
До-тя-нуу-лась до угла,
Ну, а дальше не смогла.

Лесная книга

Тропинки в лесу, как строчки:
Ровные и кривые.
Пенёчки похожи на точки
Или на запятые.
На них посижу я малость,
И по тропинкам опять
Бегу, позабыв усталость,
Книгу лесную читать.

Когда на улице зима

Когда на улице зима,
Скучают в городе дома,
Серьёзные и важные
Дома многоэтажные.

Как только мы ложимся спать,
Они бегут в снежки играть,
И каждый дом спешит тайком
Слепить огромный белый ком,
Снежинки ловит на бегу,
А утром весь стоит в снегу!

В нашем парке

В нашем парке, как тюльпаны,
Распускаются фонтаны.
И прозрачными руками
Машут, словно лепестками.
И под наш весёлый визг
Дарят нам каскады брызг.

Где вешают носы

Часто слышу я вопрос:
Почему повесил нос?
Где повесил? Как же так?
Нос – не шляпа, не пиджак.

Я смотрю, смотрю кругом,
Обошёл уже весь дом:
Вот картина на стене,
Занавеска на окне,
Надо мной висят часы...
Где же вешают носы?

* * *

Все знают – кашу надо есть,
Но каша может надоесть.

* * *

Сахару ложка сказала:
"В чашке тебя не хватало".

Каштаны

Каштаны,
Каштаны
Бегут по аллее:

Направо,
Налево,
Вперёд,
Поскорее!
Бегут и толкают
Друг друга боками
И шепчут тихонько:
Мы с вами,
Мы с вами.
Возьмите,
Возьмите
Каштаны домой,
Они же замёрзнут,
Бедняжки, зимой.

Осень обиделась

Осень расстроена,
Осень в печали,
Листья шершавые
Ей нашептали:
– Знаешь, подружка,
Мы слышали, вроде,
Жёлтые платья
Сегодня не в моде.
Красные тоже,
Про них говорят –
Только глупец
Будет красному рад.
Осень обиделась:
– В этом году
Я никуда,
Никуда
Не пойду!
Так и гуляет
По улицам Лето
В майке и шортах
Зелёного цвета.

Абы Как

Так ли это, а может, не так –
В нашем доме живет Абы Как.
Абы Как заправляет постель,
Абы Как собирает портфель.
И рубашку, и школьный пиджак
Надевает всегда Абы Как.
Абы Как отвечает урок,
Абы как... А ведь лучше бы мог!
Это розыгрыш? Вымысел? Враки?
Не живут среди нас Абы Каки?

Портрет лета

Легонечко,
шажочками
Рисую я портрет,
Цветочками,
грибочками
Очерчен силуэт.

Клубникой
и арбузами,
Пузыристой росой,
Ракушками,
медузами,
Прозрачной стрекозой.

Штрихи лучами сделаю,
И вот уже с портрета
Смешное,
загорелое
Лукаво смотрит
Лето.

Балконная история

Вышел утром на балкон
Огнедышащий дракон.
С крыльями, с головами,
С игольчатыми хвостами
Или с одним хвостом,
Или с большим холстом –
Порисовать немного:
Солнце, цветы, дорогу.
И вдруг такое... Ах!
И в обморок сразу – бах!
Падают штабелями
С сумками, с рюкзаками
Или без рюкзаков.
Кто-то бежать готов,
Кто-то кричать сиреной
Или плевать пеной.
Другие спешат с ружьём,
Уже окружая дом...
И смотрит на них дракон,
Который пришёл на балкон
Просто с большим холстом
Порисовать хвостом
Солнце, цветы, дорогу
И даже людей немного...

Эскимо с ангиной

Я под деревом сидел,
Отдыхал на лавочке,
Полтора десятка съел
Эскимо на палочке.

А теперь горячий чай
Дома пью с малиною.
Видно, съел я невзначай
Эскимо с ангиною!

Уеду

Уеду, уеду
В село Чудаково.
Возьму и уеду!
И что тут такого?

А там ради шутки
Козу оседлаю,
Из Жучкиной будки
На кошек полаю.

Чудить до упаду
Устану к обеду...
На ёжика сяду
И в город поеду!

Царство Лужное

С нами сегодня знакомятся лужи:
Лужа Широкая, лужа Поуже,
Лужа Влюблённая, в виде сердечка,
Лужа Котёнок и лужа Овечка.
Лужа Попробуй-ка-перескочи,
В ней даже солнце купает лучи.
Лужа Ни-к-месту лежит на проходе,
Лужа Обман не глубокая вrede...

Нас приглашает к себе очень дружное
Мокро-весёлое царство Лужное!

Пропажа

Во дворце у нас беда,
Во дворце пропажа,
Целый день туда-сюда
Ходит-бродит стража:

– Потерялся?
– Нет! Сбежал!
– Правда? Это же скандал!
– От каких таких обид
Нас покинул Аппетит?

Королева причитает,
Плачет, бедная, навзрыд:
– Тут мороженое тает!
Где же этот Аппетит?

А король без Аппетита
Смотрит грозно и сердито.
Аппетит, как воздух, нужен.
Без него какой же ужин?

Не нанес ли вам визит
Королевский Аппетит?

Животы

У животных животы
Самой разной широты.
Вот, к примеру, бегемот.
У него такооооой ЖИВОТ,
Будто в нём живёт страна,
Да к тому же, не одна!
У свиньи от вкусной пищи
Тоже вырос ЖИВОТИЩЕ.

И корова всё жуёт,
Чтобы больше был ЖИВОТ.
В норках маленькие мышки
Небольшие животишки
Прячут от животика
Хитренького котика.
Потому что свой живот
Каждый очень бережёт!

Такие разные мечты

Жую салат капустный,
И мне ужасно грустно:
Не съел и половины,
Ох, эти витамины!

Сижу с задачей непростой
И со своей большой мечтой.
Мечтой такой заветной
Жевательно-конфетной.

Ну почему же из конфет
Салатов витаминных нет?
Такой салат
Я был бы рад
Поесть хоть сотню
Раз подряд!

А вот капустную мечту
Отдал бы своему коту.
Но предлагал напрасно я,
Его мечта колбасная!

Тень

Во дворе цветёт сирень,
Ну и пусть себе цветёт,
А моя родная тень
Ходит задом наперед.
Ходит,
бродит,
колобродит,
Будоражит весь народ.

Я нашла в лесочке пень
И сижу себе на нём,
А моя родная тень
Скачет по лесу конём.
Скачет,
скачет
и маячит,
Не заботясь ни о чём.

Скоро ночь проглотит день,
Станут звуки тише,
А моя шальная тень
Бегаёт по крыше.
Потому что даже тени
Скучно жить без приключений!

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 2(4), июнь 2021 г.

Корректор Лидия Железовская

Подписано в печать.....15.06.2021.

Дата выпуска20.06.2021.

Формат А4 Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

* * *

Отпечатано: в ВД – У "Бумеранг"

Адрес редакции: г. Краснодар,
ул. Рождественская Набережная, 3

Ты, солнышко свитое, гори!
Как эта ланнада блещет
перед ясным восходом зари,
так лодкаик мудрость мерцает и тлещет
перед солнышк бессмертквкн чина.
Да здравствует солнышк,
да срастется твкка!

(А.С. Пушкин)

